

ISSN 2409-546X

ЮНЫЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

6+

Часть I
2025

Юный ученый

Международный научный журнал

№ 11 (96) / 2025

Издается с февраля 2015 г.

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсуножаевич, кандидат географических наук (Казахстан)

Алиева Тарагиым кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Искаков Руслан Марагбекович, кандидат технических наук (Казахстан)

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектуры (Узбекистан)

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абыдракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и. о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыйят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК

Карпова Е.Д.

- Диалектизмы в современном русском языке 1
Семёновых С.А.

- Лингвистический портрет слова «счастье» в русском и английском языках 2

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

Скоморохова А.А.

- Особенности перевода реалий авторской сказки (на материале трёх переводов авторской сказки Хью Лофтинга «История доктора Дулиттла»). Часть 1 6

Скоморохова А.А.

- Особенности перевода реалий авторской сказки (на материале трёх переводов авторской сказки Хью Лофтинга «История доктора Дулиттла»). Часть 2 13

ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ

Набережных Я.Д.

- Сравнительный анализ гендерной проблематики в XIX и XXI веках на основе романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» 27

ГЕОГРАФИЯ

Белов Г.С.

- Растения в символике англоговорящих стран 32

ЭКОНОМИКА

Башмаков Г.Д.

- Энергоэффективность термомешка для запекания овощей в микроволновке по сравнению с варкой в кастрюле 35

Глушаев А.Е.

- Экономическая эффективность кролиководства в личном подсобном хозяйстве 37

Конюхов И.Д.

- Обоснованность выбора бизнес-идей как залог успеха в реализации бизнес-проекта на практике 39

Лотник З.Ю.

- Разработка контейнерных терминалов трассы М-12 «Восток» 41

Pavlyuchenkov A. I.

- Generation Z in the Labor Market: New Challenges and Strategies for Business 46

Usenali kyzы Nadira

- Social and economic multipliers of NGOs: measuring the generated effect of NGO expenditures at the micro- and macro-levels in Kyrgyzstan (2010–2025) 47

Храмова М. В.

- Факторы, определяющие спрос и предложение на рынке репетиторских услуг 53

РОССИЯ В МИРЕ

Абдуллаева А.Ф., Мамадалиев Б.Ф.

- Российско-китайские отношения: современные тенденции и потенциальные угрозы 55

ОСНОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ И ЗАЩИТЫ РОДИНЫ

Семеняченко А.А., Семеняченко Д.А.

- Кибермошенничество и кибербезопасность: как защитить пенсионеров и уязвимые слои общества 60

РУССКИЙ ЯЗЫК

Диалектизмы в современном русском языке

Карпова Екатерина Дмитриевна, учащаяся 5-го класса

*Научный руководитель: Топоркова Наталья Александровна, учитель русского языка и литературы
ГБОУ г. Москвы «Школа № 1576»*

Гипотеза: диалектизмы в современном русском языке играют формообразующую роль слов и местных диалектов, характерных для определенного географического региона

Цель: выявить роль диалектов в современном мире

Задачи:

- найти отличительные диалектов;
- проанализировать специфику возникновения диалектов;
- описать местные диалектизмы;
- раскрыть отличительные регионального говора;
- сопоставить диалектизмы различных регионов

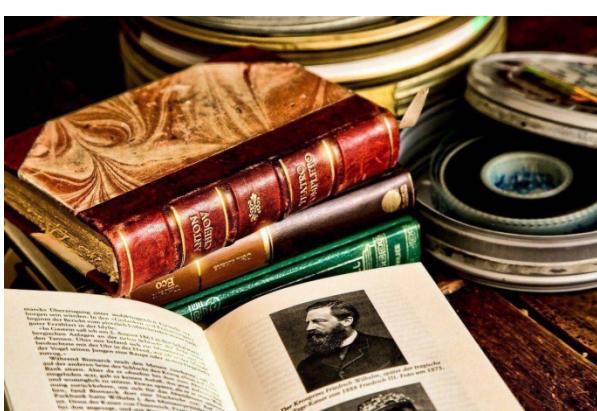
Объект исследования: роль диалектизмов в современном русском языке

Методы исследования: культурологический, аналитический, сопоставительный, ознакомление с историей и теорией вопроса, теоретический; интегрированный

Актуальность: проблематика исчезновения и сохранения территориальных диалектов при помощи носителей языка

Практическая значимость: данная работа может быть использована на занятиях по внеурочной деятельности и дополнительных уроках литературы в качестве методического пособия

Ключевые слова: русский язык, лингвистика, этимология, диалект, диалектизм, энциклопедия, словарь, наука

Диалектная лексика играет важную роль в современном русском языке, сохраняя культурное наследие и отражая многообразие языковых разновидностей.

Она служит не только средством коммуникации в рамках определенного диалекта, но и способом обогащения общенародного языка новыми выражениями и значениями.

Под диалектом имеется в виду разновидность, являющаяся орудием общения более или менее ограниченного или большого коллектива, представители которого находятся в непосредственном взаимном общении, и поэтому характеризующаяся относительным единством языковой системы.

В отечественной науке давно сложилось отношение к диалектному слову как к «коллективной памяти носителей языка», «памятнику культуры», «зеркалу жизни нации», «ключу образа жизни соответствующего народа».

На данный момент многие диалекты находятся под угрозой исчезновения.

Основными причинами исчезновения диалектов и минимизация их использования заключается в урбанизации, а также единому стилистическому языку, благодаря общему образованию и средствам массовой информации.

Носителями диалектов преимущественно являются люди старшего поколения. Именно они сохраняют мотивы местных говоров, мелодичность речи. В настоящее время создаются различные фольклорные экспедиции, направленные на изучение данной группы слов и их сохранение.

Диалекты являются неотъемлемой частью нашего устного наследия и тесно связаны как с историей развития народов и или регионов, так и с историей самого языка. Представляя собой значительный пласт речи, диалекты становятся особо значимыми и ценными в наши дни.

Говоры

Для большой части

России языком повседневного общения является

● Гóвóр, или диáлéкт, - самая маленькая территориальная разновидность языка, на которой говорят жители одной деревни или нескольких близлежащих деревень.

Развитие коммуникаций, повсеместное использование интернета и различных средств общения стирает местные и региональные диалекты, приводя слова к общепринятым языковым нормам.

Диалекты непременно должны быть сохранены как часть нашей истории, ведь именно они зачастую являются ключами к разгадке многих исторических событий.

Лингвистический портрет слова «счастье» в русском и английском языках

Семёновых Софья Александровна, учащаяся 11-го класса

Научный руководитель: Петрухина Ирина Геннадьевна, учитель русского языка и литературы
ГБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 598» Приморского района г. Санкт-Петербурга

Слова «счастье» и «happiness» занимают значимое место в языке и культуре русского и английского народов. Счастье является одним из наиболее универсальных человеческих стремлений, и изучение лексической и семантической природы этого слова в раз-

ных языках может дать ценную информацию о различиях и сходствах восприятия счастья в разных культурах.

В современных условиях глобализации, когда происходит активный обмен не только экономическими, но и культурными, образовательными и философски-

ми ценностями, изучение языковых аспектов таких абстрактных понятий, как счастье, становится особенно острым. Разные языки отражают различные ментальности и традиции, поэтому исследование слова «счастье» в русском языке и его эквивалентного термина «happiness» в английском языке позволяет выявить как уникальные особенности, так и схожие элементы в восприятии счастья русским и англоязычным обществом. Например, в русском языке слово «счастье» часто связано с социальной гармонией и личной деятельностью, тогда как в английском языке «happiness» больше ассоциируется с внутренним состоянием счастья и удовлетворения, что может быть проанализировано с точки зрения лексикографических и социолингвистических исследований.

Этимология слова «счастье»

Слово «счастье» имеет глубокие исторические корни и относится к числу слов, которые претерпели значительные изменения в своем значении и употреблении на протяжении веков. Происхождение слова «счастье» восходит к праславянскому корню *\sъ-čestъje*, образованному от *\sъ-* («ко-», «совместно») и **čestъ* («часть», «доля»). Изначально «счастье» обозначало «хорошую долю», «удел», «то, что даровано судьбой». Эта связь с судьбой и предопределенностью долгое время сохранялась в русском языке, придавая слову оттенок пассивности и зависимости от внешних обстоятельств. Важно отметить, что в русском языке существует тесная связь между словами «счастье», «удача», «везение» и «доля». Эта связь отражает традиционное представление о счастье как о даре судьбы, хотя современное значение слова все больше ассоциируется с личным выбором и усилиями.

Значение слова «счастье» изменялось в зависимости от исторического контекста. В разные эпохи понятие счастья могло ассоциироваться с материальным благополучием, социальной справедливостью или же внутренним состоянием гармонии. Эта эволюция значения демонстрирует влияние культурно-исторических факторов на приемлемое понимание счастья в обществе. Понимание этимологии слова «счастье» позволяет не только проследить его морфологические особенности, но и заглянуть в душу народа, который его использует.

Этимология слова «happiness»

Слово «happiness» в английском языке имеет многоуровневую этимологию, которая менялась на протяжении всей своей истории. Первоначально слово «happiness» образовано от прилагательного «happy», которое состояло из древнеанглийского *hap* — «счастливый случай», и корня, связанного с понятием удачи или фортуны. Это родство указывает на значительное влияние случайности в понимании счастья, где оно воспринималось как результат удачи или везения, а не как следствие личных усилий или достижений.

Историческое развитие слова «happiness» также связано с изменениями в общественном восприятии понятия счастья. В средние века слово демонстрировало склонение к внешним, социально обоснованным аспектам, сводясь к предпочтению блага, статуса и общественного признания. В это время счастье рассматривалось как принадлежность к высшим слоям общества, где понятие удачи

и достатка воспринималось как непосредственная связь со счастьем.

С течением времени, начиная с Ренессанса и до сих пор, слово «happiness» начало обретать более глубокие философские и психологические коннотации, особенно в связи с развитием гуманистической мысли. Счастье стало рассматриваться как внутреннее состояние человека, более связанное с личной удовлетворенностью и самоосознанием. Это изменение в значении отразилось в словарных определениях и теоретических работах философов, где «happiness» теперь рассматривается как такое состояние, которое не зависит полностью от внешних обстоятельств, а связано с внутренним миром индивида и его восприятием жизни.

Слово «happiness» также можно рассматривать в контексте своей семантической сети. Оно связано с другими словами, такими как «joy» (радость), «bliss» (блаженство) и «contentment» (удовлетворение). Например, «joy» может обозначать более краткую и внезапную эмоцию, тогда как «contentment» чаще ассоциируется с устойчивым состоянием удовлетворенности, что создает широкий спектр значений, пронизывающих культуру и психологию.

Кроме того, изменение значения слова «happiness» с течением времени подчеркивает динамичность английского языка как находящегося в постоянном развитии, что отражает социокультурные изменения. Современные исследования показывают, что в последние десятилетия «happiness» часто ассоциируется с философскими подходами, рассматривающими благосостояние и качество жизни, что показывает, как современные вызовы, такие как социальные сети и экономические кризисы, влияют на восприятие эффекта счастья в обществе.

Употребление слова «счастье» в русском языке

Слово «счастье» в русском языке обладает богатым спектром употребления и разнообразными стилистическими особенностями. В зависимости от контекста, оно может нести разные оттенки значений и играть различные роли в речевом акте.

Прежде всего, слово «счастье» активно используется в литературе, в частности, в поэзии, где оно обычно связывается с темами любви, судьбы и гармонии. Например, в произведениях классиков русской литературы, таких как А. С. Пушкин или Л. Н. Толстой, концепция счастья рассматривается с точки зрения личной судьбы героя и его взаимоотношений с окружающим миром. В стихотворениях Пушкина слово «счастье» может быть связано с мгновениями радости, которые, к сожалению, мимолетны, что подчеркивает тему бренности человеческого счастья. Отсюда следует, что слово не только обозначает положительное состояние, но и становится символом глубоких человеческих переживаний и экзистенциальных размышлений.

В повседневной речи слово также широко распространено. Его можно встретить в различных сферах общения — от обычных разговоров до официальных выступлений. Например, выражения «Я хочу счастья своим детям» или «Счастье — это простые вещи» отражают стремление людей к гармонии и благополучию. При этом слово «счастье» может выступать как в поло-

жительном, так и в нейтральном контексте. В случае, когда речь идет о личных переживаниях, оно подчеркивает эмоциональную составляющую, а в контексте философских размышлений может принимать более абстрактный характер.

Слово «счастье» может употребляться в различных стилях, от высокопоэтического до разговорного. Это разнообразие подчеркивает его универсальность и гибкость. Употребление слова в различных стилях связано не только с конкретной речевой ситуацией, но и с личными культурными и социальными особенностями говорящего. Например, в молодежной среде слово «счастье» может подвергаться сленговым трансформациям или адаптациям, что добавляет им неформальный оттенок и создает новые коннотации.

Частотность употребления слова «счастье» в русском языке также говорит о его значимости. Согласно лексикографическим данным, это слово встречается в большинстве текстов, касающихся социальных и культурных тем. При анализе частотности можно заметить, что в последние десятилетия наблюдается тенденция к увеличению использования слова «счастье» в социальных медиа и интернет-пространстве, что свидетельствует о его актуальности в современном обществе и стремлении людей к обсуждению тем, связанных с эмоциональным состоянием и жизненным наполнением.

Употребление слова «happiness» в английском языке

Слово «happiness» в английском языке обладает разнообразием применения и стилистических особенностей. Оно широко используется как в повседневной речи, так и в литературных, научных и философских текстах, что указывает на его универсальность и разнообразие значений.

В повседневной речи слово «happiness» часто предоставляет пространство для реализации различных эмоциональных состояний и переживаний. В типичных разговорах можно услышать такие фразы, как «I just want to be happy» (Я просто хочу быть счастливым) или «Happiness is what matters most» (Счастье — это то, что имеет наибольшее значение). Подобные выражения подчеркивают индивидуальный подход к пониманию счастья, где оно рассматривается как целью жизни, что может варьироваться от следования личным интересам до определения своего места в обществе.

Слово «happiness» может использоваться в различных стилях. В формальных контекстах, таких как научные статьи или философские трактаты, оно может иметь более абстрактное значение, и употребляться для обсуждения концепций, связанных с благополучием и качеством жизни. Например, в современном философском дискурсе слово «happiness» часто связывается с идеями этики и хорошей жизни, формируя обсуждения на эту тему.

Кроме того, в последние десятилетия слово «happiness» быстро проникает в сферу психологии, что сказывается на его частотности. Научные исследования о «happiness» и его влиянии на психологическое здоровье становятся все более популярными, а слово активно используется в исследованиях, связанных с удовлетворением жизнью

и счастьем в разных социальных группах. В результате, имеется тенденция, что «happiness» в последнее время употребляется все чаще в дискуссиях, связанных с личностным развитием и психическим благополучием.

Таким образом, употребление слова «happiness» в английском языке представляет собой сложное сочетание различных стилей, семантических значений и применений в разных контекстах. Оно отражает современные культурные тенденции, а также философское и психологическое осмысление счастья, что делает его важным компонентом языка и социокультурной системы.

Заключение

В этом исследовании было проведено сопоставление лингвистических портретов слов «счастье» и «happiness», что позволило выявить как схожие черты, так и отличия в их значении и употреблении в русском и английском языках. Анализ показал, что несмотря на фонетическую и морфологическую различность, эти слова обладают схожими семантическими коннотациями, связанными с позитивными эмоциональными состояниями и стремлением к гармонии и удовлетворению.

Обе лексемы подчеркивают важность внутреннего состояния человека и его связь с окружающим миром. При этом в русском языке слово «счастье» обычно отражает более социальный аспект, выражая связь с коллективными переживаниями, например, «счастье семьи» или «народное счастье». Слово «happiness» в английском языке более индивидуализировано и акцентирует внимание на личных переживаниях и внутреннем удовлетворении, что может быть связано с западной культурной традицией, акцентирующющей личностное развитие и индивидуализм.

Сравнительный анализ употребления этих слов показал также, что в литературе русского языка под понятием «счастье» часто скрыты философские размышления о жизни, в то время как в английской литературе «happiness» нередко связывается с позитивным опытом и эмоциями, иногда исключая проблемы, которые могут помешать его достижению. Так, в творчестве русских классиков понятие счастья включало в себя не только радость, но и печаль, философские раздумья о судьбе, тогда как в английской литературе слово «happiness» часто используется для описания сиюминутных моментов радости.

Культурные особенности также влияют на употребление и восприятие этих слов. В странах со славянским менталитетом, как правило, имеется больше коллективистского подхода к счастью, которое рассматривается как результат гармонии в обществе и взаимопомощи. В отличие от этого, в культурах, где превалируют индивидуалистические установки, счастье может восприниматься как личная цель, которой каждый должен добиваться самостоятельно. Эта разница в культурном контексте проявляется и в частотности использования слов в различных сферах: «счастье» чаще используется в социальном взаимодействии, тогда как «happiness» более распространено в индивидуальных контекстах и в психологическом аспекте.

Таблица 1

Сходства в этимологии	Различия в этимологии
<p>1. Изначально «счастье» обозначало «хорошую долю», «удел», «то, что даровано судьбой».</p> <p>2. Первоначально слово «happiness» образовано от прилагательного «happy», которое состояло из древнеанглийского «hap» — «счастливый случай», и корня, связанного с понятием удачи или фортуны.</p>	<p>1. В русском языке слово «счастье» часто связано с социальной гармонией и личной деятельностью.</p> <p>2. В английском языке «happiness» больше ассоциируется с внутренним состоянием счастья и удовлетворения, что может быть проанализировано с точки зрения лексикографических и социолингвистических исследований.</p>
Сходства в употреблении	Различия в употреблении
<p>1. Оба слова активно используются как в литературе, так и в повседневной речи носителей, выражая схожие концепции.</p> <p>2. Слова имеют также схожие по значению синонимы и антонимы.</p>	<p>1. В русском языке слово «счастье» обычно отражает более социальный аспект, выражая связь с коллективными переживаниями, например, «счастье семьи» или «народное счастье».</p> <p>2. Слово «happiness» в английском языке более индивидуализировано и акцентирует внимание на личных переживаниях и внутреннем удовлетворении, что может быть связано с западной культурной традицией, акцентирующющей личностное развитие и индивидуализм.</p> <p>3. В славянских странах понятие счастья часто связывается с коллективизмом и взаимопомощью.</p> <p>4. В англоязычных странах понятие счастья носит более индивидуальный характер.</p>

ЛИТЕРАТУРА:

1. Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова. — М.: Гос. Ин-т «Сов. Энцикл.»; ОГИЗ; Гос. Изд-во иностр. и нац. слов., — переиздание 2010 г.
2. Толковый словарь Д. В. Дмитриева 2003 г.
3. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова. Издательство: Оникс, 2010
4. Этимологический словарь русского языка — СПб «Полиграфуслуги», 2005. Г. А. Крылова
5. Большой психологический словарь 3-е изд., 2002 г.
6. Всемирная энциклопедия афоризмов. Собрание мудрости всех народов и времён Е. А. Агеевой. Издательство ACT, 2010 г.
7. Словарь антонимов русского языка М. Р. Львова под ред. Л. А. Новикова, 2-е изд., 2004 г.
8. Большой словарь русских поговорок языка В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007 г.
9. Электронные словари иностранных слов
10. Электронный словарь синонимов русского
11. Электронный словарь эпитетов русского языка
12. Этимологический словарь Макса Фасмера <https://gufo.me/dict/vasmer>
13. Большой академический словарь
14. Малый академический словарь

English

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

Особенности перевода реалий авторской сказки (на материале трёх переводов авторской сказки Хью Лофтинга «История доктора Дулиттла»). Часть 1

Скоморохова Анна Андреевна, учащаяся 9-го класса

*Научный руководитель: Бетеньков Дмитрий Петрович, учитель английского языка
МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 128 с углубленным изучением отдельных предметов» г. Барнаула*

I. Теоретические основы исследования

1. Сущность перевода и роль переводчика. Что такое перевод? Умберто Эко считает, что это — «сказать почти то же самое на другом языке» [27; с. 6]. С этим можно согласиться, если понять, насколько растяжимо его почти.

Все мы в школе на уроках иностранного языка выполняли когда-то задания по переводу с одного языка на другой. То, что при этом происходит, мы можем трактовать как процесс раскодирования и перекодирования сообщения. Л. С. Бархударов этот процесс называет «межъязыковой трансформацией» [2; с. 6], Н. К. Гарбовский — «перевыражением» [9; с. 10], А. Д. Швейцер — «репрезентацией» [26; с. 48], т. е. замещением одного другим, Р. К. Миньяр — Белоручев — «передачей сообщения» [15; с. 37].

Эти учёные и многие другие пытались найти наиболее точную дефиницию для этого феномена. Хотя все формулировки разнятся, они всё же находятся в одной семантической плоскости и означают поиск соответствия сказанному на одном языке в другом. Это так, но довольно упрощённо. Перевод — это не только процесс, но и результат. Результат перевода одного и того же текста разными людьми почти всегда непредсказуем. В отличие от компьютера (машинного перевода) каждый человек имеет свою «программу», которая включает его языковые компетенции, культурный уровень, эрудицию, жизненный опыт и многое другое. Следовательно, результат перевода зависит от конкретного человека, который осуществляет его.

Это, в свою очередь, означает то, что антропологический фактор становится, по мнению Р. К. Миньяр-Белоручева, «центральным звеном межъязыковой коммуникации» [15; с. 25], а качество перевода (да, и сам перевод) всегда должно объясняться человеческим фактором. И с этой точки зрения ответ на вопрос о том, что такое перевод, далеко не очевиден. Этот пресловутый человече-

ский фактор ломает все чёткие логические конструкции, данные учёными слову «перевод», и создаёт богатую «пишательную среду» для бесконечных интеллектуальных спекуляций типа той, что дал Н. К. Гарбовский: «Перевод — это общественная функция коммуникативного посредничества между людьми, пользующимися разными языковыми системами, реализующаяся в ходе психофизической деятельности билингва по отражению реальной действительности на основе его индивидуальных способностей интерпретатора, осуществляющего переход от одной семиотической системы к другой с целью эквивалентной, т. е. максимально полной, но всегда частичной, передачи системы смыслов, заключенной в исходном сообщении, от одного коммуниканта другому» [9; с. 214]. Здесь перевод рассматривается с точки зрения лингвистики (языки), а также социологии (функция посредничества), психологии (отражение действительности), семиотики (знаковые системы), логики (система смыслов).

Для целей нашего исследования мы будем использовать слово «перевод» с точки зрения функциональной лингвистики, где язык — это, прежде всего, средство общения. Отсюда перевод представляет собой речемыслительный процесс в два этапа: *расшифровка (понимание)* сообщения, выраженного на одном языке, и *передача (воссоздание)* его смысла на другом языке.

Рассматривая перевод под углом зрения одного критерия (лингвистического), мы отнюдь не забываем о роли переводчика в этом процессе, а, наоборот, выделяем её как самое главное условие любого перевода. Переводчик, как минимум, имеет в своей голове две языковые системы, одна из которых — доминирующая (родной язык). Именно доминирующая система позволяет ему по-своему понимать иноязычные сообщения и выражать их смысл средствами родного языка, интерпретировать факты чужой культуры через призму своей. От таланта переводчика зависит то, насколько перевод соответствует

ет оригиналу, его духу и стилю. Особенno это касается перевода художественной литературы.

2. Особенности художественного перевода. Особенности художественного перевода обусловлены, на наш взгляд, особенностями художественного текста.

Как объект действительности художественный текст представляет собой, по словам А. В. Фёдорова, «сложное целое» [24, с. 27], одной из целей которого всегда является эмоционально — эстетическое воздействие на читателя. У каждого художественного произведения есть идеальный замысел или, как его называет В. Я. Задорнова, «метаметасодержание» [10, с. 9], раскрывающее подлинный смысл произведения, намерение автора. Это есть ключевая функция текста. Очевидно, что особая задача переводчика состоит в том, чтобы «перевод стал функционально равноценным оригиналу» [24, с. 19], т. е. он должен сохранить не только авторский замысел, но и силу эмоционального и эстетического воздействия на читателя.

Следующей отличительной чертой художественного текста является **авторский стиль**. Говоря о трудностях, с которыми сталкивается переводчик, работая над стилем автора оригинала, И. С. Алексеева пишет, что «для выявления индивидуальной специфики необходим полный стилистический анализ подлинника, включающий не только определение значимых черт стиля, но и характеристику их частотности» [1, с. 258]. Например, в подлиннике преобладают распространенные предложения с сочинительной связью, их частотность достигает 90 %, следовательно, при переводе замена сочинительной связи подчинительной исказит авторский стиль. Поэтому, как справедливо замечает словацкий учёный А. Попович, «перевод — это результат стилистического творчества, и это самая значительная черта, отличающая модель художественного перевода от простого билингвизма» [18, с. 31].

Одной из самых важных характеристик художественного текста является образность. Художественный образ — это особая модель мира, форма его истолкования и освоения. «Самым важным, фундаментальным свойством художественного образа является его внутренняя противоречивость, парадоксальность» [17, с. 98]. Образ как литературный парадокс — это акт творчества, наитие. Яркая образность достигается при помощи средств художественной выразительности: эпитетов, сравнений, перифраз, метафор, синекдох, метонимий, антономасий, металепсисов, гипербол, литотесов, олицетворений, аллегорий, ляпалиссиадий, оксюморонов и многих других. Не стоит забывать и о грамматической образности. Поэтому первое, что необходимо переводчику, это сделать глубокий филологический анализ текста. Переводчик выступает в нескольких ипостасях: как лингвист, как филолог и как, собственно, переводчик. От него требуется художественно-смысловая точность перевода. Эту мысль особо подчеркивает Ю. П. Солодуб. «Помимо глубокого понимания идеино-тематической направленности оригинала, переводчик должен суметь найти достаточно адекватные словесные средства для передачи образной системы переводимого им произведения и специфики языка автора» [21, с. 22].

Таким образом, главное при переводе художественного текста заключается в умении переводчика работать со словом, образом, стилем, сохраняя своеобразие оригинала, его национальный колорит, идеальный замысел, эстетическую ценность. При этом особое внимание уделяется эквивалентности перевода.

3. Эквивалентность и адекватность. На ранних этапах становления науки о переводе, анализируя различные оригиналы и их переводы, теоретики употребляли слова «верный» и «точный» в отношении их результатов. Однако с развитием теории перевода стало ясно, что эти термины — «расплывчаты и относительны» [9; с. 287]. Действительно, с точки зрения современной теории перевода невозможно достичь полного соответствия подлинника (оригинала) и его перевода. На это есть свои объективные и субъективные причины. К объективным причинам относятся: несовпадение языковых картин мира, межязыковая асимметрия, различия в стилистических нормах и культурном восприятии объектов действительности. К субъективным причинам относится то, в какой мере (!) удалось переводчику верно раскодировать иноязычное сообщение, которое, в свою очередь, тоже субъективное, а также точно перевыразить его на родном языке. Ведь при анализе текста оригинала решается триединая задача, им обусловленная: то, что есть (объективно); то, что этим хочет сказать автор (субъективно); то, как он это делает.

В связи с вышесказанным в теории перевода появляются термин «эквивалентный» вместо слова «верный» и термин «адекватный» вместо слова «точный». Однако, некоторые лингвисты (А. В. Фёдоров, В. Н. Комиссаров) предлагают вывести из научного оборота термин «адекватность», т. к. он является, по их мнению, дуплетом термина «эквивалентность». Другие ученые (А. Д. Швейцер, Н. К. Гарбовский), напротив, видят в них (терминах) принципиальное различие для теории перевода. Различие, по сути, сводится к вопросительным словам: чему и для кого. «Эквивалентный» отвечает на вопрос «чему»? Оригиналу. «Адекватный» — «для кого»? Адекватный перевод, скажем, для читателя.

Эти нюансы в терминологии очень важны для нашего исследования. Однако в целях лингвистического анализа мы будем придерживаться определения эквивалентности, которое дал известный учёный и опытный переводчик В. Н. Комиссаров.

Поскольку между оригиналом и переводом тождество недостижимо, то **отношение соответствия** между их содержанием и есть эквивалентность [12; с. 120]. Применяя сопоставительный метод исследования, он выявил пять типов эквивалентности: функциональная, ситуативная, семантическая, синтаксическая и по способу описания. Здесь важно, что переводчик стремится сохранить в тексте в первую очередь: цель коммуникации (функциональная эквивалентность), тогда он может заменять слова, смысл (семантическая эквивалентность), тогда — образы, или же менять порядок слов в предложении, тип предложения (синтаксическая эквивалентность) и т. п. В каждом конкретном случае он выбирает доминантный тип эквивалентности и при помощи приёма компенсации сглаживает потери от различных мо-

дификаций. В связи с этим вспоминается очень интересный пример, приведённый В. Я. Задорновой. Она пишет, что существует 33 русских переводов монолога Гамлета «Быть или не быть». «Они настолько разные, что трудно поверить, что в их основе лежит один и тот же шекспировский текст» [10, с. 5].

Рассмотрим некоторые. Стока «When we have shuffled off this mortal coil» была переведена так: «как с нас спадёт ярмо земных сует» (Н. Маклаков), «избаваясь от этих преходящих бед» (Д. Аверкиев), «когда стяжнём с себя всю смуту этой жизни на земле» (С. Юрьев), «когда мы сбросим этот бренный шум» (М. Лозинский). «Mortal coil» — «ужасная (смертельная) суэта» (образ «бронного мира»), shuffle off — сбросить. Переводы Д. Аверкиева и Н. Маклакова находятся ближе к подлиннику по лексическому составу и образности, но дальше от синтаксиса оригинала. И, совсем наоборот, это выражено у С. Юрьева: «правильный» синтаксис и «неправильная» лексика. Наиболее точный перевод у М. Лозинского, однако, он в данном случае жертвует образностью: ведь «шум» и «мир» имеют различную коннотацию, а «бренный» — это, совершенно очевидно, не коллакант для слова «шум», но для слова «мир». Каждый из переводчиков выбрал свой доминантный тип эквивалентности.

Особую трудность в достижении эквивалентности при переводе составляют так называемые реалии.

4. Понятие реалии в теории перевода. Термин «реалии» впервые появился в научной литературе о переводе в начале 50-х годов. С тех пор он «оброс» таким количеством толкований, что даже искушенный в теории специалист вынужден выбирать какую-то одну точку зрения из множества, подчас диаметрально противоположных.

В последнее время стали появляться работы, в которых отрицается сам факт существования такого класса слов (реалии). «С точки зрения когнитивно-эвристического подхода к переводу и применительно, как минимум, к переводу художественных произведений мы не видим оснований причислять культурно-ориентированные единицы, обозначающие специфические предметы, понятия и явления жизни конкретного народа к отдельному особому классу слов» [14; с. 56]. Подобные единицы, по мнению авторов этой работы, выделяются относительно других культур, а не относительно их перевода на какой-то другой язык, поскольку они (реалии) не имеют общих отличительных закономерностей перевода.

Однако есть и другая, устоявшаяся в науке, точка зрения. Она «выросла» из практики переводческой деятельности. Её суть заключается в следующем. При переводе с одного языка на другой переводчик сталкивается с объективной трудностью — фактом отсутствия в переводащем языке слов и понятий, отражающих реалии иноземного быта. Такое лексическое отсутствие ставит проблему переводимости. Как с древнейших времён эту проблему решали переводчики — это и есть в узком смысле предмет теории перевода, т. е. «преобразование текста на одном языке в эквивалентный ему текст на другом языке» [2; с. 6].

Реалии — особая часть этого процесса. В теории перевода слова или словосочетания, обозначающие факты и предметы быта, географическую среду обитания, эт-

нонациональные особенности, обычаи, обряды, а также исторические факты и явления, не имеющие своего лексического покрытия в переводащем языке, называются реалиями. Правда, необходимо заметить, что наряду с термином «реалия» существуют и другие термины, такие как «безэквивалентная лексика» [4; с. 76], «варваризмы» [19; с. 75], «алиенизмы» [3; с. 60], «этнографизмы» и «экзотизмы» [16; с. 68] и др. Путаница, на наш взгляд, часто носит методологический характер. Например, многие термины, в частности «варваризм», появляются на свет не в связи с анализом переводческой деятельности, а при описании словарного состава русского языка.

Описывая пласт заимствованной лексики, А. А. Реформатский указывает на то, что среди них есть «свои» и «чужие» слова, т. е. «свои» слова «освоены» (термин автора, например, лошадь, казна, июль, лекарь) русским языком (т. е. имеют род, склоняются, звучат как русские и др.), а другие нет (например, штрайкбрехер, денди, консьерж), и употребляются по мере надобности, особенно в художественной литературе для достижения так называемого «местного колорита». «Такие слова и существуют в словарном составе как варваризмы, т. е. иноязычные слова пригодные для колористического использования при описании чужих реалий и обычаев» [19; с. 75].

Очевидно, что он упускает из виду сам объект (реалии) и предмет (смысл, идея) перевода. При этом он даёт неправильное, на наш взгляд, аксиологическое толкование сущности этого феномена. Все эти консьержи, бармены, кастаньеты, денди, мейлы, фейсбуки и прочее нужны не только для описания «местного колорита», а в первую очередь для языкового освоения окружающей нас или их действительности. И это вдвое справедливо в эпоху глобализма.

Что касается объёма понятия «реалия», то он различен у разных исследователей. Его состав варьируется составляющими его компонентами: слово, словосочетание, аббревиатура и даже иногда предложение. Для целей нашего исследования мы ограничимся определением, которое дал Г. Д. Томахин: «Реалии — это названия присущих только определённым нациям и народам предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных герояев, мифологических существ и т. п.» [23; с. 5].

5. Языковая картина мира. Языковая картина мира — важное для нашего исследования понятие. Возьмём, к примеру, слово с общим значением «плыть». Оно означает «передвигаться по воде или в воде». Наш язык не даёт нам возможности увидеть через глагол образ действия в отличие от английского языка, где есть несколько конкретных слов. Как и что плывёт? Грубо говоря, человек, корабль и бревно плавают по-разному. И английский язык показывает действительность так, что через глаголы **swim**, **sail**, **drift**, **float** мы видим, как плывёт что-то. И, наоборот, английскому **meal** соответствуют в русском языке более частные названия приёмов пищи: завтрак, обед и ужин. Следовательно, переводчику необходимо выбирать слово со значением иного объёма в зависимости от контекста. Это только маленький штрих в языковой картине мира русских и англичан.

Понятие языковой картины мира (ЯКМ) восходит к идеям В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка. В науку термин ввёл Л. Вайсгербер. В лингвистике существует большое количество определений ЯКМ, каждое из них делает акцент на отдельных сторонах обозначаемого понятия и поэтому не может быть общепринятым термином. Мы остановимся на определении ЯКМ, которое дали А. Р. Габбасова и Ф. Г. Фаткуллина: «ЯКМ — это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [8].

Главным образом она создаётся при помощи реалий, фразеологизмов, мифологем, образно-метафоричных и коннотативных слов. Опираясь в своих рассуждениях на свойства языка и его функции (общения, сообщения, воздействия, фиксации и хранения знаний), а также на этнический компонент ЯКМ (традиций, верований, суеверий), А. Р. Габбасова и Ф. Г. Фаткуллина говорят «о множественности картин мира: научной языковой картине мира, языковой картине мира национального языка, языковой картине мира отдельного человека, фразеологической картине мира, об этнической картине мира и др.» [8]. Такого понимания ЯКМ будем и мы придерживаться в своём исследовании.

6. Трудности при переводе реалий. При переводе реалий мы сталкиваемся с такими основными трудностями:

1. отсутствие эквивалентов в родном языке и реалий-шибболеты;
2. национальный колорит и фоновые знания.

Вот как об этом пишут С. Влахов и С. Флорин: «Основных трудностей передачи реалий при переводе две: 1) отсутствие в ПЯ (переводящем языке) соответствия (эквивалента, аналога) из-за отсутствия у носителей этого языка обозначаемого реалией объекта (референта) и 2) необходимость, наряду с предметным значением (семантикой) реалии, передать и колорит (коннотацию) — её национальную и историческую окраску» [7; с. 80].

Если трудность, связанная с лакуной (мотивированной или немотивированной) в родном языке, более или менее понятна, то всё остальное, наоборот, скрыто и требует от переводчика особого мастерства, т. к. речь идёт о соотнесении так называемых фоновых знаний представителей двух культур: кому написан оригинал и кому сделан его перевод. Фоновые знания — это общая для участников коммуникации информация, которая обеспечивает взаимопонимание при общении. Фоновые знания существуют «в форме многочисленных импликаций и пресуппозиций» [13; с. 26], т. е. дополнительных скрытых, подразумеваемых смыслов сообщения. Фоновые знания есть «невербальный компонент речевого общения» [13; с. 31].

Интересный пример по этому поводу приводит А. Н. Крюков. Так, в романе индонезийского писателя А. Муса мать, убеждая сына жениться, напоминает ему, что он берёт в жёны Рапиах — «дочь своего дяди». Для того, чтобы русскому читателю было понятно не только значение, но и смысл высказывания, в русском переводе необходимая для понимания пресуппозиция поясняется: ‘а это по нашим обычаям считается очень достойным’. В оригинале, конечно, этого нет. «Это факт смыслового

уровня сознания, который храниться там, в данном случае, в виде обобщенного образа нормы поведения» [13; с. 28].

Шибболет (происхождение термина см. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. «Язык и культура») как внешняя форма слова — важная черта фоновых знаний. «Это характеристика устной речи или письменного текста, на основе которой возможны суждения не о содержании произнесённого или написанного, а о самом говорящем или пишущем (о его происхождении, профессии, возрасте, поле, о его душевном состоянии и т. д.), а также о времени и обстоятельствах протекания акта коммуникации» [4; с. 338]. Шибболет «всегда заключает в себе национально-культурную семантику, отражает специфику истории быта, расселения, материальных и духовных ценностей определённого народа» [4; с. 339].

Возьмём, к примеру, русскую реалию «баня». Это не только помещение, где моются, но и «очень жаркое место». Причём оно имеет и отрицательную коннотацию в виде фразеологизма «задать баню», т. е. отчитать, отругать, наказать, побить. Этот, безусловно, сниженный стиль и непринуждённый, фамильярный регистр общения характеризует определённого рода коммуникантов. В английском языке слово «bath» лишено такой характеристики. Напротив, американскому неологизму «upprie» мы можем найти приблизительную лексическую замену в родном языке типа русского же неологизма «мажор», т. к. транскрибированное «яппи» не понятно для русского человека. Каждое из них является шибболетом, поскольку эти слова принадлежат молодому поколению, живущему в крупных городах со своей субкультурой.

Итак, как перевести шибболет, как достичь нужного эффекта при переводе реалий, рассчитанных на фоновые знания читателя оригинала, и как при этом сохранить стилевую специфику подлинника — вот непростые задачи переводчика.

6. Классификация реалий. Поскольку слова-реалии отражают в языке многочисленные предметы, факты, явления национальной действительности, то они, как и любое множество, обладают свойством деления на группы (*principium divisionis*) по определённым признакам. Например, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров классифицируют реалии русского языка по временному и местному признаку, выделяя советизмы (Советы, субботник, загс, зачётка), историзмы (уезд, сажень, кафтан), традиционализмы (щи, бублик, валенки), фразеологизмы (быть членом), фольклорную лексику (кручинка, домовой, суженный) и слова нерусского происхождения (тюбетейка, чайхана, гетман, кумыс) [5; с. 45–51].

А. Е. Супрун и А. А. Реформатский положили начало тематическому делению слов-реалий:

- 1) *имена собственные,*
- 2) *монеты, должности и обозначения лиц,*
- 3) *детали костюма и украшения,*
- 4) *кушанья и напитки,*
- 5) *обращения и титулы при именах* [19; с. 77].

«Тематическая характеристика языкового вocabulяра — как пишет А. Е. Супрун — предопределена социальной сущностью языка как средства общения и является важнейшим методологическим принципом

классификации и исследования лексики» [22; с. 49]. Соглашаясь с таким подходом, С. Влахов и С.Флорин дали свою, более подробную классификацию реалий. Причём они взяли за основу классификации три признака: тематический (смыслоное содержание), временной (исторический колорит) и местный (национальный, региональный аспект). В результате общая схема новой классификации реалий приобрела следующий вид:

- предметное деление;
- местное деление;
- временное деление;
- переводческое деление (касается способов перевода).

Предметное деление

1. Географические реалии:

- 1) названия объектов физической географии (степь, прерия);
- 2) названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью (арык, крига);
- 3) названия эндемиков (йети, киви).

2. Этнографические реалии:

1) быт:

- пища, напитки (щи, спагетти, сидр);
- одежда (сари, бурнус, кимоно);
- жильё, мебель, посуда и пр. (хата, иглу, чум);
- транспорт (кэб, нарты, рикша);
- другие (махорка, кизяк);

2) труд:

- люди труда (грум, гаучо, фермер);
- орудия труда (лассо, бумеранг, мачете);
- организация труда (колхоз, ранчо);

3) искусство и культура:

- музыка и танцы (казачок, гопак);
- музыкальные инструменты (банджо, хура);
- фольклор (сага, руна, частушка);
- театр (но, арлекин, панч);
- другие искусства и предметы искусств (икебана, маконда);
- исполнители (бард, гейша);
- обычаи, ритуалы (масленица, рамазан);
- праздники, игры (Thanksgiving Day, cricket);
- мифология (леший, вервольф);
- культуры — служители и последователи (шаман, дервиш);
- календарь (бабье лето, вайшак).

4) этнические объекты:

- этнонимы (казах, баски, копт);
- клички (бош, кацап, гринго);
- названия лиц по месту жительства (гасконец,aberдинец);

5) меры и деньги:

- единицы мер (аршин, фут, ярд);
- денежные единицы (фунт, песо, тугрик);
- просторечные названия тех и других (дайм, полушка, червонец).

3. Общественно-политические реалии

1) административно-территориальное устройство:

a)

- административно-территориальные единицы (графство, кантон, арат);

— населённые пункты (аул, хутор, бидонвиль);

— детали населённого пункта (кремль, зума);

— органы и носители власти:

2) органы власти (дума, рада, сейм):

носители власти (шах, дож, лорд-мэр);

3) общественно-политическая жизнь:

— политическая деятельность и деятели (большевики, тори, виги);

— патриотические и общественные движения (маки, партизаны);

— социальные явления и движения (хиппи, нэп, лобби);

— звания, степени, титулы, обращения (бакалавр, лорд, бидл);

— учреждения (загс, горено);

— учебные заведения и культурные учреждения (колледж, кампус);

— сословия и касты (купечество, юнкер, самурай);

— сословные знаки и символы (Union Jack, полумесяц);

4) военные реалии:

— подразделения (когорта, орда);

— оружие (ятаган, катюша, фау);

— обмундирование (кольчуга, кивер);

— военнослужащие (фельдфебель, драгун).

Местное деление

1. В плоскости одного языка

2. В плоскости пары языков

1. Свои реалии:

1) внутренние реалии;

2) внешние реалии.

— национальные;

— локальные;

— микрореалии.

2. Чужие реалии:

— интернациональные;

— региональные.

Временное деление

1) современные реалии;

2) исторические реалии. [7; с. 51–65]

Классификации Г. Д. Томахина и В.С Виноградова включают, кроме уже сказанного, ономастические реалии. Именно этим они отличаются от вышеупомянутой классификации. Вот как реалии сгруппировал В. С. Виноградов:

1. лексика, называющая бытовые реалии:

— жилище, имущество;

— одежда, уборы;

— пища, напитки;

— виды труда, занятия;

— денежные знаки, единицы меры;

— музыкальные инструменты, народные песни и танцы, исполнители;

— народные праздники, игры и т. п.

2. лексика, называющая этнографические и мифологические реалии:

— этнические и социальные общности и их представители;

— божества, сказочные существа, легендарные места;

3. лексика, выражающая реалии мира природы:

- животные;
- растения;
- ландшафт, пейзаж.

4. лексика, называющая реалии государственно — административного устройства, административные единицы и государственные институты:

- общественные организации, партии и т. п., их функционеры, участники;
- промышленные и аграрные предприятия, торговые заведения;
- воинские и полицейские подразделения, их чины;
- гражданские должности и профессии, титулы и звания.

5. лексика, называющая ономастические реалии:

- антропонимы;
- топонимы;
- имена литературных героев;
- названия кампаний, музеев, театров, ресторанов, магазинов, пляжей, аэропортов.

6. лексика, выражающая ассоциативные реалии:

- вегетативные символы;
- анималистические символы;
- цветовая символика;
- фольклорные, исторические и литературно-книжные аллюзии. [6; с. 91–96]

Для целей нашего исследования будет достаточным придерживаться данной классификации. Имея в виду то обстоятельство, что при переводе принадлежность реалии к той или иной категории редко влияет на выбор способа перевода.

7. Классификация способов перевода реалий. Проанализировав научную литературу по данному вопросу, можно констатировать тот факт, что общепринятой классификации способов перевода реалий пока что нет. Однако нужно заметить, что все существующие классификации имеют гораздо больше общих черт, чем отличий, касательно приёмов перевода реалий. Так, согласно В. С. Виноградову, есть следующие способы перевода слов-реалий: транскрипция (транслитерация), гипо-гиперонимический перевод, уподобление, перифрастический (описательный, дескриптивный, экспликативный) перевод и калькирование. [6; с. 99–100]

- **Транскрипция** — фонетическая имитация исходного слова (Baba Yaga).
- **Транслитерация** — побуквенная имитация исходного слова (Kansas City — Канзас Сити).
- **Гипо-гиперонимический перевод** (в других классификациях сужение/конкретизация или расширение/генерализация) — установление отношения эквивалентности между словом оригинала, передающим видовое понятие-реалию, и словом в языке перевода, называющим соответствующее родовое понятие, или наоборот (parakeet — «длиннохвостый попугай», а переводчик использовал просто «попугай», т. е. слово с видовым значением заменил на слово с родовым значением без ущерба адекватному восприятию текста).
- **Уподобление** (в других классификациях приблизительный перевод) — нечто близкое по функции

к инокультурной реалии (Santa Claus — Дед Мороз).

- **Перифрастический перевод (перифраз)** — в этом случае устанавливаются соответствия между словом оригинала и словосочетанием перевода, объясняющим его смысл (a third return — обратный билет третьего класса).
- **Калькирование** — заимствование иноязычных слов, выражений, фраз буквальным переводом соответствующей языковой единицы (skyscraper — небоскрёб).

Г. Д. Томахин предлагает схожую классификацию, не выделяя гипо-гиперонимический перевод, но добавляя трансформационный (контекстуальный) перевод, [23; с. 30] Трансформационный перевод представляет собой «замену переводимой лексической единицы словом или словосочетанием иной внутренней формы» [20; с. 45], которая эксплицирует иноязычную сему (смысл). Это происходит при помощи какой-либо лексической, грамматической или стилистической модификации, раскрывающей контекстуальное значение слова в оригинале. *Michael Schumacher's star of the Grand Prix «Formula 1» will be sold at auction.* Гоночный болид Михаэля Шумахера, на котором он выиграл Гран-При «Формула 1», продадут с аукциона. «Гоночный болид» — лексическая замена, «на котором он выиграл» — грамматическая модификация.

С. Влахов и С. Флорин разработали свою классификацию способов перевода реалий:

1. Транскрипция
2. Перевод (замены):
 - 1) неологизм (калька, полукалька, освоение, семантический неологизм);
 - 2) приблизительный перевод (родовидовое соответствие, функциональный аналог, описание, объяснение, толкование);
 - 3) контекстуальный перевод. [7; с. 93]

Здесь необходимо выделить два способа. Семантический неологизм (сейчас это окказионализм) — слово или словосочетание, «придуманное» переводчиком и позволяющее передать смысловое содержание реалии (крупноболотье, чипсонос). Функциональный аналог — языковая единица оригинала передаётся таким словом или словосочетанием, которые вызывают схожие реакции у читателей перевода. Этот способ удобен для передачи реалий-мер: ни копейки — *nothing*. Освоение — адаптация реалии к нормам переводящего языка; новое слово получает более привычную для носителя языка графическую форму.

Т. А. Казакова даёт такую классификацию [11; с. 63–104]:

- 1) Транскрипция/транслитерация.
- 2) Калькирование.
- 3) Лексико-семантические модификации:
 - сужение/конкретизация;
 - расширение/генерализация;
 - эмфатизация/нейтрализация;
 - функциональная замена;
 - описательный перевод;
 - переводческий комментарий.

В этой классификации нас интересует два способа: эмфатизация/нейтрализация и переводческий комментарий.

Эмфатизация — это эмоционально-экспрессивное выделение какого-либо значимого элемента высказывания или его смысловых оттенков (например, *a cow-eyed girl* — а) девица с коровьими глазами — отрицательная эмфаза; б) волоокая красавица — положительная эмфаза).

Нейтрализация — это сглаживание эмоционально-экспрессивных чёрт оригинала (*a cow-eyed girl* — девушка с большими глазами).

Переводческий комментарий заключается в «более подробном, чем описание, объяснении того, что означает данное исходное слово в широком контексте исходной культуры». [11; с. 110] Переводческий комментарий, как правило, выносится за пределы текста и попадает либо в сноску на той же странице, либо приводится в конце текста в качестве примечания.

А. Д. Швейцер рассматривает способы перевода реалий в связи с передачей pragmatischen значения текста. В художественных текстах, по его мнению, pragmatischer аспект не менее (более?) важен, чем семантический. Различие между семантически и pragmatischen адекватными переводами он иллюстрирует следующим примером. I came to Warley on a wet September morning with the sky the grey of Guisley sandstone. В Уорли я приехал дождливым сентябрьским утром.

1. Небоказалось высеченным из серого песчаника.
2. Небо было похоже на серый песчаник из Гайзли.

Первый вариант — pragmatischen адекватный перевод. Второй — семантически адекватный перевод. Но что русскому читателю говорит слово Гайзли? Ничего. Оно не вызывает никаких ассоциаций, и поэтому такой перевод нельзя считать pragmatischen адекватным. Этую реалию следует опустить. [25; с. 244] Опущение — приём в переводческой практике, когда не переводятся слова, являющиеся семантически избыточными или не имеющие нужного коннотативного значения для читателей перевода, следовательно, остающиеся неясными и пустыми.

Выделяется несколько случаев, когда переводчик может опустить реалию:

- 1) она несёт незначительную нагрузку в смысловой структуре текста;
- 2) она упоминается лишь эпизодически;
- 3) она выполняет не денотативную, а экспрессивную функцию и, следовательно, не может вызывать конкретные образные ассоциации у читателей перевода. [25; с. 251]

А. Д. Швейцер рассматривает и другой, прямо противоположный случай. Part of the nuclear station in Cumberland has been closed down. Часть атомной электростанции в графстве Камберленд была закрыта. [25; с. 245] Добавление — приём перевода, когда вводятся дополнительные слова, необходимые для пояснения исходного слова в оригинале.

Выводы к теоретической части

Перевод — сложное междисциплинарное понятие и любое определение в рамках одной науки, скажем

лингвистики, будет недостаточным для понимания его сущности. Но для описания манипуляций при переводе инокультурных реалий будет достаточным его лингвистическое определение. Это речемыслительный процесс по расшифровке иноязычного сообщения и передаче его смысла на родном языке. И наоборот.

В отличие от перевода научного текста или публицистики перевод художественного произведения имеет свою специфику. Прежде всего, она заключается в авторском замысле, стиле и образности. В художественном тексте нет ничего случайного. Всё в тексте, в том числе и слова-реалии, служат для передачи авторской идеи. Самая главная задача переводчика сделать такой перевод, чтобы он был эквивалентным и адекватным, а смысловых потерь при переводе было как можно меньше.

Особую трудность при переводе составляют слова-реалии. Они являются значительной частью безэквивалентной лексики. Это слова и словосочетания, называющие предметы, явления, объекты, характерные для жизни, быта, культуры, социального и исторического развития одного народа и малознакомые либо чужды другому народу. По своей грамматической форме слова-реалии — это, чаще всего, имена существительные. Основным критерием отличия реалий от других классов лексических единиц является присущий ей «местный колорит», её национальная и времененная окраска. Реалии — это целый пласт уникальных понятий в языковой картине мира, которая у каждого народа отражает действительность по-своему.

В научной литературе выделяются следующие трудности при переводе реалий. Во-первых, отсутствие эквивалента в переведяющем языке. Во-вторых, необходимость учёта связанных с реалиями фоновых знаний. В-третьих, необходимость сохранения национального и временного колорита при переводе реалий.

Существуют различные классификации реалий, которые строятся по определённым признакам. Самым распространённым является тематический признак (принцип). Наиболее подробные классификации составили В. С. Виноградов и С. Влахов, С. Флорин. Главное отличие между ними заключается в том, что в классификацию В. С. Виноградова включены ономастические реалии, тогда как С. Влахов и С. Флорин не считают их реалиями и выделяют в самостоятельную группу. Мы будем опираться на классификацию В. С. Виноградова.

В лингвистической литературе нет общепринятой классификации способов перевода реалий. Наиболее полная классификация принадлежит В. С. Виноградову. Он выделяет следующие приёмы: транскрипция (транслитерация), гипо-гиперонимический перевод, уподобление, перифразический (описательный, дескриптивный, экспликативный) перевод и калькирование. Можно отметить ещё некоторые способы: опущение / добавление (А. Д. Швейцер), эмфатизация / нейтрализация и переводческий комментарий (Т. А. Казакова), семантический неологизм, освоение и функциональный аналог (С. Влахов и С. Флорин), контекстуальный перевод (Г. Д. Томахин).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеева, И. С. Профессиональный тренинг переводчика, СПб, Изд-во «Союз», 2001. — 288 с.
2. Бархударов, Л. С. Язык и перевод, (Вопросы общей и частной теории перевода). М., «Междунар. отношения» М.1975. — 240 с.
3. Берков, В. П. Двуязычная лексикография, — М.: Изд-во АСТ, 2004. — 236 с.
4. Верещагин, Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура, М.:Изд-во «Индрик», 2005. — 1040 с.
5. Верещагин, Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4 изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1990. — 246 с.
6. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во Института общего среднего образования РАО, 2001. — 224 с.
7. Влахов, С., Флорин С. Непереводимое в переводе, — М., Изд-во «Международные отношения», 1980. — 343 с.
8. Габбасова, А. Р., Фаткулина Ф. Г. Языковая картина мира: основные признаки, типология и функции// Журнал «Современные проблемы науки и образования» № 4, Издательство: Издательский дом 'Академия Естествознания'. — Пенза, 2013. Электронный ресурс: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9954>
9. Гарбовский, Н. К. Теория перевода: Учебник, Изд-во: МГУ, 2007. — 544 с.
10. Задорнова, В. Я. Восприятие и интерпретация художественного текста, М. «Высшая школа», 1984. — 152 с.
11. Казакова, Т. А. Практические основы перевода. — СПб.: «Изд-во Союз», 2001. — 320 с.
12. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение, М.: «Р. Валент», 2011. — 408 с.
13. Крюков, А. Н. Фоновые знания и языковая коммуникация // Этнопсихолингвистика. — М., Изд-во «Наука», 1988. — 192с
14. Минченков, А. Г., Минченков А. Г. (мл) К понятию реалии в современной теории перевода // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкоznания и педагогики, № 2, 2016
15. Миньяр-Белоручев, Р. К. Теория и методы перевода, М.: Московский лицей,1996. — 298 с.
16. Мусорин, А. Ю. Основы науки о языке, — Новосибирск, Новосибирское книжное изд-во, 2004. — 196 с.
17. Николаев, А. И. Основы литературоведения: учебное пособие для студентов филологических специальностей. — Иваново: ЛИТОС, 2011. — 255 с.
18. Попович, А. Проблемы художественного перевода, М. «Высшая школа», 1980. — 199 с.
19. Реформатский, А. А. Введение в языкоznание, — М.: Аспект Пресс, 1996. — 536 с.
20. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода/ Дополнения и комментарии Д. И. Ермоловича. — М.: «Р.Валент», 2007. — 244 с.
21. Солодуб, Ю. П., Альбрехт Ф. Б., Кузнецова А. Ю. Теория и практика художественного перевода: Учебное пособие для студ. лингв. фак. высш. учебных заведений. — М.: Издательский центр «Академия» 2005. — 304 с.
22. Супрун, А. Е. Методы изучения лексики. Под ред. А. Е. Супруна. Мн.: Изд-во БГУ, 1975. — 232 с.
23. Томахин, Г. Д. Реалии-американизмы. Пособие по страноведению: Учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков. — М.: Высшая школа,1988. — 239 с.
24. Фёдоров, А. В. О художественном переводе, Ленинград, 1941. — 259 с.
25. Швейцер, А. Д. Перевод и лингвистика. М., Воениздат, 1973. — 280 с.
26. Швейцер, А. Д. Теория перевода, М. «Наука»,1988. — 215 с.
27. Эко, У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. Москва: ACT: CORPUS, 2015. — 736.

Особенности перевода реалий авторской сказки (на материале трёх переводов авторской сказки Хью Лофтинга «История доктора Дулиттла»). Часть 2

Скоморохова Анна Андреевна, учащаяся 9-го класса

Научный руководитель: Бетеньков Дмитрий Петрович, учитель английского языка
МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 128 с углубленным изучением отдельных предметов» г. Барнаула

II. Практическая часть исследования

1. Подлинник и его русскоязычные переводы

Характеристика оригинала и трёх вариантов его перевода. Данный раздел имеет целью выявление особенностей

оригинала и вариантов его перевода на русский язык в таких аспектах как время и место создания произведений, их авторы, целевая аудитория, авторский замысел. Особой задачей является поиск ответов по содер-

жанию подлинника посредством анализа употреблённых в нём реалий (Что происходит? Кто это делает? Когда? Где?). Специальное внимание уделяется анализу переводческой стратегии на основе данных табл.1, которая представляет собой список реалий в алфавитном порядке, их классификацию и способы перевода. Этот список, в свою очередь, был составлен в ходе сплошной выборки реалий

в тексте оригинала и поиска их соответствий в русских переводах. В каждой графе столбца «Примечания» мы даём значение реалии, как оно есть в различных словарях. Таб. 1 (фрагмент показан ниже) является, по сути, основной частью исследовательской работы. Объектом нашего исследования являются тексты, указанные в табл. 2.

Таблица 1

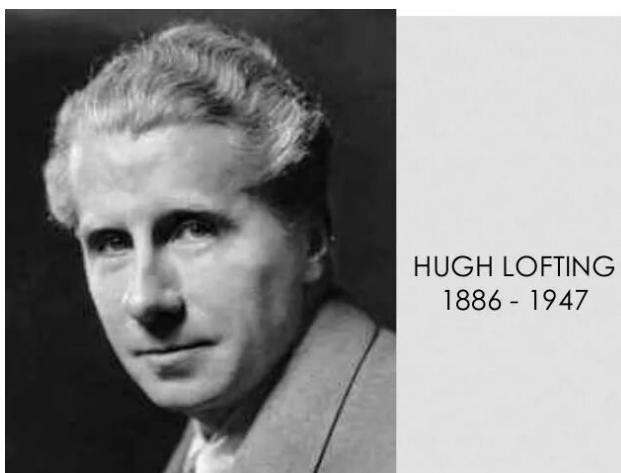
№	Реалии, употреблённые Хью Лофтингом	Перевод реалии Л. Б. Хавкиной	Перевод реалии Ю. В. Муравьёвой	Перевод реалии Б. Давыдовой и В. Нижник	Примечание
1	Abyssinian Gazelle (мир природы)	(транскрипция) Абиссинская газель	(транскрипция) Абиссинская газель	(транскрипция) Абиссинская газель	африканская антилопа [29]
2	sixpence (бытовая)	(калька) 6 пенсов	(калька) 6 пенсов	(ф. аналог) полшиллинга	узуальное значение

Таблица 2. Объекты исследования

книга	The Story of Doctor Dolittle	Приключения доктора Дулиттля	История Доктора Дулиттла	История Доктора Дулиттла
автор	Hugh Lofting	Л. Б. Хавкина	Ю. В. Муравьёва	Б. Давыдова и В. Нижник
Изд-во, год	Published by Frederick A. Stokes Company, New York, 1920	Москва, Госиздат, 1924	Москва, Изд. Рудомино, 1992	Москва, Изд. Олимп, 1993
Кол-во страниц	92 (с иллюстрац.)	112 (с иллюстрац.)	123 (с иллюстрац.)	103 (с иллюстрациями)

Как видно из таблицы, оригинал появился на свет в 1920 году, а первый перевод на русский язык — спустя 4 года, в 1924. Следующие два русских перевода увидели свет почти через 70 лет, в 1992 и 1993 гг. Совершенно очевидно, что это две исторические эпохи, которые стали судьбоносными особенно для нашей страны из-за смены общественно-политического строя. Это динамичное время определенным образом отпечаталось в представленных переводах.

«История доктора Дулиттла» — типичная английская авторская сказка. Как и большинство других английских авторских сказок, она обращена как к детям, так и взрослым, об этом, кстати, говорится в посвящении к ней. Её автор, Хью Лофтинг (см. фото ниже), вовсе не думал заниматься литературой, пока не попал на фронт.

Как признавался сам писатель, идея о том, чтобы рассказать о животных и докторе, который понимает их языки, пришла к нему в голову на войне. Он, как британский подданный, был призван в ирландскую гвардию в звании лейтенанта в 1916 году. В письмах домой он писал, что считает крайне несправедливым, когда раненых солдат лечат в госпиталях, а раненных лошадей, которые точно также рискуют своими жизнями, просто пристреливают на поле боя [3].

И у него возник вопрос: а что было бы, если бы люди понимали язык животных? Так начинается история создания сказки, которую он начал писать на фронте в письмах своим детям, при этом иллюстрируя их, что очень нравилось его совсем маленьким Колину и Элизабет. Примечательно, что он, как и многие другие английские писатели, очень серьёзно относился к созданному им художественному миру. Там нигде нет намёка на то, что его мир — выдумка. В предисловии к повести другой британский писатель Хью Уолпол пишет: «Mr. Lofting believes in his story quite as much as he expects you to». Его персонажи живут и действуют в реальном мире. И даже придуманное автором животное *pushmi-pullyu* (Тянитолкай), помещённое в естественную среду, рассматривается скорее как феномен гегелевского идеализма (если чего-то не видел, то это ещё не значит, что этого не существует), нежели как сказочный вымысел. А тот факт, что животные умеют общаться, и человек может научиться их понимать (как это сделал доктор Дулиттл), кажется, конечно, необычным, но не вызывает сильного сомнения в его возможности. Таким образом, **первый тезис**, который

крайне важен для нашего дальнейшего исследования, заключается в том, что мир, в котором живут и действуют персонажи Х. Лофтинга, *не просто действителен, а фотографически реален и историчен*.

Сам автор, будучи железнодорожным инженером, работал в разных странах и на разных континентах: Африка, Южная Америка, Канада, Куба и США, куда он впоследствии перебрался вместе с семьёй на постоянное местожительство и где, собственно говоря, и появились его 14 книжек про славного доктора Дулиттла. Поэтому неудивительно, что в его повестях собран богатый лингвистический, этнографический и страноведческий материал.

Некоторые исследователи его творчества называют его сказки пацифистским ответом на жестокий вызов эпохи (первая мировая война). Действительно, натура доктора Дулиттла и его поступки — это отражение авторской философии мира. Вспомним хотя бы тот эпизод, когда добрый доктор прощает жестоким пиратам всё то зло, которое они причинили морякам, и назидательно предлагает им стать фермерами. Отсюда и *второй тезис*: цели, ради которых живут его главные персонажи, являются пацифистскими и в высшей степени гуманными.

Язык произведения прост, но не примитивен (анализ употреблённых реалий будет дан ниже). Пока нужно отметить следующее: общественно-политическая лексика, употреблённая автором сказки, по-разному воспринималась тогда и воспринимается сейчас. Начиная с 70-х годов прошлого века, эта сказка в её ранних изданиях запрещена в американских школах. На неё повесили ярлык расистской литературы. Обычное в *те времена* слово «негр» (и не только) никак не вписывается в *сегодняшние* рамки так называемой политкорректности. То, что казалось естественным *тогда, сегодня* негативно воспринимается в американской культуре. В корне поменялся регистр общения начала XX в. Поэтому наш *третий тезис* связан с повлиявшим на перевод колоритом времени, когда произошёл семантический сдвиг отдельных лексических единиц оригинала.

Первый прозаический перевод повести о приключениях доктора Дулиттла в России принадлежит Л. Б. Хавкиной, заслуженному деятелю науки РСФСР (1945), доктору педагогических наук (1949). Она владела 10 языками, но перевод не стал её основной деятельностью. Она известна в научных кругах как крупнейший организатор библиотечного дела в России. Её книга «Приключения доктора Дулиттля» вышла в Госиздате в 1924 г. одновременно с книгой в стихах для маленьких детей К. Чуковского «Доктор Айболит». Как известно, Айболит затем будет появляться и в других произведениях Корнея Чуковского. В 30–40-х годах он будет очень активно защищать бренд «Айболит», утверждая, что, именно он придумал звериного доктора.

Прототипом его, якобы, послужил еврейский врач и общественный деятель Цемах Шабад, проживавший в Вильнюсе, в чём доме несколько раз останавливался сам Чуковский. Этот врач, по словам писателя, был наидобрейшим человеком, лечил не только людей, но

и животных. Кстати, в старом Вильнюсе ему (Шабаду) установлен бронзовый памятник. Там две фигуры — он и девочка с кошкой на руках. История создания «Айболита» (был ли это плагиат?) выходит за рамки нашего исследования, хотя это весьма интересно. Здесь же нам важно отметить то, что «Айболит» К. Чуковского переиздавался десятки раз и благополучно «дожил» до сегодняшнего дня.

А вот его собрат «Дулитль» Л. Хавкиной имел крошечный тираж (7000 экземпляров), быстро растворился на обширных просторах СССР и никогда больше не переиздавался, и в общественные библиотеки не попал. Поэтому до 1990-х годов были только единицы, кому посчастливилось прочитать эту книгу. Она, по-нашему мнению, является классическим примером перевода (об этом ниже).

В отличие от «Айболита» Чуковского, написанного для малышей, перевод Хавкиной предназначен, в первую очередь, для детей подросткового возраста. Такую задачу, по её воспоминаниям, перед ней ставила редакция. Как переведено произведение? Если не брать во внимание идеологическую составляющую, то перевод, в общем-то, получился эквивалентным и адекватным. Но главное всё-таки в идеологии.

Собственно говоря, всё, что выходило в Госиздате, подвергалось тщательной цензуре. Шёл 1924 г. И надо понимать, что прошло всего лишь два года, как закончилась гражданская война, было ещё много недовольных советской властью и политикой большевиков, которые эту власть с трудом удерживали. Согласно секретным архивным документам [5], вся пресса была поставлена на рельсы идеологической борьбы. В том числе и детская литература. В этом историческом контексте мы понимаем, почему из перевода исчезает, например, реалия «Parson» (пастор), и появляется фамилия «Парсон», а сквайр Дженкинс превращается просто в Дженкинса. Они же — лучшие люди села (!), где живёт Дулиттл. Для нас переводческое решение очевидно.

Именно в то время в России религия объявляется опиумом для народа. Поэтому священник — не та фигура, которой нужно восхищаться или которую нужно уважать молодым советским ребятам. А кто такой сквайр (squire)? Раньше это был оруженосец рыцаря. Отслужив ему свой срок, он получал в награду землю от рыцаря, да ещё дюжину слуг в придачу. До XX в. в сельской местности Британии они составляли значительную часть джентри — нетитулованного мелкопоместного дворянства. Уважать помещиков? В пролетарской стране, где великая цель — покончить с классовым неравенством, где идёт борьба с кулачеством? Эти персонажи не могли попасть на страницы книги, вышедшей в государственном издательстве, в штатном составе которого всегда был политредактор, занимающийся рецензированием и оценкой произведения.

Как следует из материалов *секретного бюллетеня* за 1924 год, Главлитом¹ было конфисковано 118 книг (включая 20 сказок) из 279 рассмотренных в том же году по политическим и идеологическим причинам, а также те

¹ Главное управление по делам литературы и издательств Наркомата просвещения (1922–1933)

сочинения, которые политредакторы оценили как «бульварщина». Причём там приводятся критерии оценки содержания детских книг. Например, язык должен быть простым и ясным, на первый план выдвигается воспитательное значение, религиозная пропаганда запрещается (даже в виде фразеологизма — *ей-богу!*), воображение допускается только при условии того, что оно не отталкивает ребенка от реальности. Таким образом, совершенно очевидно, что в начале 20-х годов было маловероятным, чтобы советская цензура пропустила произведение, где лучшими людьми села назывались священник и помещик. Мы также понимаем, что нельзя ставить это в вину автору. Это объективный «отпечаток» эпохи в переводе Л. Б. Хавкиной. О других временных колоритах мы скажем ниже.

Теперь о вариантах перевода 90-х годов XX в. О самих авторах переводов мало что известно. Однозначно можно сказать, что это не первая их работа, а также то, что детская литература не является их специализацией. Перевод Ю. В. Муравьёвой и перевод Б. Давыдовой и В. Нижник — это два абсолютно самостоятельных произведения. Каждый из авторов по-своему решал переводческие задачи. Работа Муравьёвой тяготеет к дословному переводу, тогда как работа Давыдовой и Нижник широко использует элементы вольного перевода (более подробно ниже). Как мы видим из табл.2, их книги вышли в разных издательствах с годичным разрывом. Но в предисловиях от издателей в обеих книгах упоминается, что до них единственным произведением о докторе Дулиттле была пересказанная в стихах книга Корнея Чуковского «Доктор Айболит», которого он «позаимствовал» у Х. Лофтинга! Ни слова о книге Хавкиной. Это удивительный факт. Они не знали о существовавшем переводе!? Тем интереснее для нас посмотреть, насколько совпадают или расходятся три варианта перевода, в чём особенность каждого.

Реалии и авторский замысел. Выше мы уже говорили, что пацифизм и гуманизм заполняют идеино-содержательное пространство сказки. Доктор Дулиттл поступает так-то и так, потому что у него такая психология, это его экзистенция, а её императив — «хорошие дела». Небольшие, но хорошие. Недаром же у доктора «говорящая» фамилия: *Do-little* (разрядка наша) — делать малое. Мозаика «малых дел», из которых складывается фабула повести, — только первый, поверхностный уровень авторского замысла.

У английской авторской сказки, как правило, несколько смысловых страт, уровней. Следующий уровень, на наш взгляд, онтологически связан с его детьми. Вспомним, что Лофтинг писал сказку в письмах с фронта. Это послание, мессидж, прежде всего своему сыну, Колину. О чём же этот мессидж, нам помогут понять, как ни странно, ономастические реалии.

Главные герои сказки: *Dab-Dab* (утка), *Jip* (собака), *Gub-Gub* (свинья), *Too-Too* (совы), *Chee-Chee* (обезьяна), *Lion*, *King of the Beasts* (лев, царь зверей), *the king of Jolliginki* (король Джоллиджинки), *Bimbo* (Бампо, принц Джоллиджинки), *Cat's meat man* (торговец едой для кошек), *Trevelyan*, *Squire Jenkins*, *the Parson*, *Mayor of the town*, *Doctor Dolittle*, *Ben Ali*, *the Dragon*, *leader of the*

pirates и многие другие. В оригинале это «мужской» мир в отличие от русских переводов (утка, но не селезень; собака, но не пёс и т. д.). Сюда можно добавить крысу, которая даёт совет доктору покинуть корабль, потому что тот затонет через два дня; акулу, которая ловит в море главаря пиратов и ведёт его на суд к доктору. Крыса и акула — тоже «мужского» племени в тексте оригинала. Этот мир энергичен и деятелен. Именно в нём происходят важные события и принимаются важные решения. Такие как купирование эпидемии среди обезьян и их лечение, борьба с пиратами и их «помилование», спасение дяди мальчика по фамилии Травелиан и др. Животные ведут себя как люди. Причём Хью Лофтинг подчёркивает это многочленными *«he»* при передачи прямой речи.

«Женскую» сторону представляют: *Polynesia* (попугайха), *Sara Dolittle*, *Theodosia*, *Ermintrude*, *the Queen of Jolliginki* и др. В этом обществе мало полезной энергии и разумного поведения. Сара, сестра доктора Дулиттла, ворчливая и глупая, может менять мнение на диаметрально противоположное, на принципы ей наплевать — лишь бы это приносило какой-то доход. Королева Джоллиджинки танцует до полуночи, ведёт себя легко-мысленно, совсем не занимается сыном, принцем Бампо. Дамочки, которые перекармливают своих болонок, а потом приводят их к доктору на излечение — вместе они составляют значительный контингент села. И если б не Полинезия, то этот «женский» мир был бы совсем бесполезным и глупым. Она научила доктора языку зверей. Она эгоистична, но даёт умные советы, потому что понимает, что от этого будет лучше всем. Долгие годы среди людей и зверей сделали из неё философа. Дулиттл и его друзья прислушиваются к её мнению. В повести именно она со своим жизненным опытом, эрудицией и философской мудростью стоит во главе этого животного мира, хотя ни о каком равенстве полов речи не идёт.

Итак, состав этих двух «сообществ», отраженных в именах собственных, в реалиях, порождает гендерные аллюзии и связанные с ними ассоциации о превосходстве мужского начала над женским. Это выражено как количественно (*he:she = 10:1*), так и содержательно (разумные дела). Они представляют собой имплицитный способ передачи авторского замысла. В данном случае его можно выразить следующим образом. Колин (сын Х.Лофтинга) станет мужчиной. Поскольку в этом мире всё решают мужчины, то и он должен будет принимать важные решения. К этому нужно быть готовым. А Элизабет (дочь Лофтинга) должна быть умной, как Полинезия, чтобы давать мудрые советы, в том числе и своему брату, Колину. Думается, что автор не хотел формулировать эту мысль напрямую, скажем, через слова каких-нибудь своих персонажей, а выразил это через гендерные аллюзии. И сделал это именно так, может быть, потому что не хотел, чтобы его обвинили в шейминге и дискриминации женщин. Точно так же, как после его смерти сказку о добром докторе причислили к списку расистской литературы. Разница лишь в том, что про негров *ещё* можно было так писать, а про женщин в таком ключе — *уже тогда* осуждалось. Его книга писалась как раз в разгар активных манифестаций суфражисток в Великобритании, которые в 1918 году добились для женщин права избирать

и быть избранными в парламент (после 30 лет), то же происходило и в США.

Теперь что касается русскоязычных версий о докторе Дулиттле. Все они при переводе изменяли «род» большинства животных, причём у Хавкиной Полинезия — это «он», т. е. попугай. Категория рода во всех русскоязычных вариантах повести передана неверно. Само по себе это не повлияло на общий смысл текста, тем более на его когерентность. Но потеря гендерных аллюзий, связанных с ономастическими реалиями, приводит к частичному непониманию авторского замысла. Эта функциональная потеря — уже значительный недостаток русскоязычных версий перевода повести Х. Лофтинга. И это

первая особенность, выявленная нами в ходе анализа перевода реалий.

Реалии как элемент художественного дискурса.

Содержание сказки всегда можно прояснить при помощи специальных вопросов: кто? что? где? когда? В нашем случае посредством интратекстового анализа пространственно-временного континуума сказки с его героями-функциями нам предстоит выяснить, сможем ли мы понять содержание сказки, если на данные вопросы будем отвечать только реалиями из текста? И какими характеристиками они должны обладать?

Рассмотрим несколько таблиц.

Таблица 3. Имена животных

animals	Hugh Lofting)	Л. Б. Хавкина	Ю. В. Муравьёва	Б. Давыдова и В. Нижник
duck	Dab-Dab	Дэб-Дэб	Даб-Даб	Крякки
dog	Jip	Джип	Джип	О'Скали
pig	Gub-Gub	Гёб-Гёб	Габ-Габ	Хрюкки
parrot	Polynesia	Полинезия	Полинезия	Полинезия
owl	Too-Too	Ту-Ту	Гу-Гу	Бу-Бу
monkey	Chee-Chee	Чи-Чи	Чи-Чи	Чи-Чи
lion	King of the Beasts	Лев, вождь Зверей	Царь Зверей (лев)	царь зверей (лев)

Таблица 4. Имена людей, их занятие

Hugh Lofting	Л. Б. Хавкина	Ю. В. Муравьёва	Б. Давыдова и В. Нижник
John Dolittle, Doctor	Джон Дулитль, доктор	Джон Дулитл, доктор	Джон Дулиттл, доктор
Sarah Dolittle, housekeeper	Сара Дулитль, заведует хозяйством	Сара Дулитл, домоправительница	Сара Дулиттл, экономка
Squire Jenkins	Дженкинс	Судья Дженкинс	Мистер Дженкинс
Parson	Парсон	пастор	пастор
Cat's meat man	Кошеч-Корм	Продавец Кошачьей Еды	торговец едой для кошек
Mayor of the town	старшина	мэр	мэр
Theodosia	Феодосия	Теодозия	Теодора
the King	Король	Король	король
Ermintrude, the Queen	Королева Эрминтруда	Королева Эрминтруда	королева
Bumpo, the Prince	Бумпо, Принц	Бампо, Принц	Бед-Окур, принц
Ben Ali, the Dragon, leader of the pirates	Бен-Али, по прозвищу Дракон, самый страшный из пиратов	Бен-Али, Барбарийский Дракон, самый страшный пират семи морей	Бен-Али Чёрный Дракон, вожак пиратов
Buffon	Бюффон ¹	Бюффон	—

В таблицах 3 и 4 достаточно подробно представлены ономастические реалии и их варианты перевода. Более ясная картина, когда речь идёт о людях. Мы видим в оригинале и в большинстве случаев перевода имена и социальный статус человека. Хавкина прибегает к серьёзным модификациям в случаях перевода общественно-политической лексики: squire, parson, cat's meat man, mayor. С одной стороны, это связано с политической цензурой (о чём мы говорили выше). С другой стороны, это связано с исторической эпохой. Современнику Л. Хавкиной было абсолютно понятным, кто такой старшина в волости, уезде. Это выборное лицо, ведавшее административными делами. А вот значение слова «мэр» знали далеко

не каждый. Это слово было чужеродным. Иноязычная реалия была совсем незнакома в преимущественно крестьянской, необразованной России. И, наоборот, в наше время слово «старшина» стало архаизмом и сохранилось только в военной сфере как звание младшего командного состава армии. Поэтому совершенно правильно и логично, что в переводах Муравьёвой и Б. Давыдовой остаётся транскрибированное «мэр»: значение этого слова понятно современному.

Более сложная картина с именами животных. Начнём с оригинала. Анализируя внутреннюю форму слов-имён, данных домашним животным доктора Дулиттла, нужно отметить, что только три из них, с определёнными

¹ Знаменитый учёный, знаток жизни животных (объяснение дано автором оригинала)

оговорками, относятся к так называемым «говорящим» именам, понятным носителям языка. Утка Dab-Dab: dab — клевок. Клевать-клевать или клю-клю. Образ действия, передающийся глаголом «dab», может вызывать достаточно прочные ассоциации с «уткой». Обезьяна Chee-Chee: cheer — с огоньком, т. е. весёлая. Весёлая-превесёлая. Именно так выписан её характер в повести. Устойчивая ассоциация. Поросёнок Gub-Gub: яркий пример парономазии «gub» от «grub» — еда. Где бы тот не находился — в огороде доктора, Африке, на корабле — везде Gub-Gub чувствовал голод и был в поисках пищи. Он только об этом и думал. Еда-еда или ням-ням — самое подходящее имя для него. Все остальные имена не вызывают ясных коннотаций.

Хавкина и Муравьёва перевели имена животных либо способом транслитерации, либо способом транскрипции (подробнее см. ниже). В текстах, естественно, дано пояснение. Например, утка Даб-Даб, поросёнок Габ-Габ и т. д. Таких животных там набирается с полдюжины. И проблема заключается в том, чтобы не забыть, кто есть кто. Удачно, на наш взгляд, решают эту задачу Б. Давыдова и В. Нижник. Они придумывают для них новые слова, так называемые семантические неологизмы (или окказионализмы), например, О'Скалли (оскал у собаки). Причём эти слова имеют ясную внутреннюю форму, т. е. становятся «говорящими»: Крякки, Хрюкки. Эти ономатопоэтические имена собственные понятны русскому читателю, а удвоение глухого велярного взрывного [к] или сонорного [л] придаёт слову-имени иноязычную звукоподражательную

окраску. Кстати, прибалтийско-финский суффикс *-kki* (утка Крякки) образует имена женского рода [4; с. 111]. Поэтому, к слову, Хрюкки — это хрюшка (она), а не поросёнок (он), как это ошибочно у Б. Давыдовой. Ещё в большей степени это касается графики. Например, написание на ирландский манер собачьей клички О'Скалли вносит в повествование необходимый иноязычный колорит. Всё это красиво, удобно, практично. Не нужно каждый раз, читая книгу, возвращаться назад на несколько страниц и искать, кто же такой Габ-Габ, если он станет Хрюкки.

Если с помощью ономастических реалий мы легко можем ответить на вопрос о героях сказки, то понять через реалии, что происходит с героями, практически невозможно, если не считать реалий, выражающие исторические факты (*the Wars of the Roses*), языковые реалии-глаголы (*to dust, to zigzag*) или реалии-фразеологизмы (*He mind his own business*). Это происходит по двум причинам. Во-первых, реалия может, конечно, выражать действие, но она, по своей природе, выражает уникальное действие (например, раскулачивание в русском языке или *beating the bounds* — «отбивание границ» в английском), присущее только данной культуре. Представить, что все события повести выражены исключительно национальными реалиями, не просто трудно, такого не может быть в принципе, даже в сказках. Во-вторых, у большинства реалий нет такого свойства как предикативность. Поэтому описать, что происходит, они не могут. Чаще всего они называют вещь или место.

Рассмотрим следующие таблицы.

Таблица 5. Авторский фразеологизм

Hugh Lofting	Л. Б. Хавкина	Ю. В. Муравьёва	Б. Давыдова и В. Нижник
King Charles was still hiding in the oak-tree	Это было при Царе-Горохе	Король Чарльз всё ещё прятался на дубе	Тот вековой дуб ещё висел на ветке жёлудем

Таблица 6. Топонимы и квазитопонимы

Hugh Lofting	Л. Б. Хавкина	Ю. В. Муравьёва	Б. Давыдова и В. Нижник
Puddleby-on-the-Marsh	Грязеводск	Паддлеби-на-Болоте	Паддлеби-на-Марше
Oxenthorpe	соседний городок	Оксенторп	соседний городок
Africa	Африка	Африка	Африка
Jolliginki	Джолигинки	Джоллинджинкия	Ума-Лишинго
Barbary	Берберия	Барбария	Сбродленд
Devon ¹ and Wales	Девоншир и Уэльс	Девон и Уэльс	Англия
Canary Islands	Канарские острова	Канарские острова	Канарские острова
South Atlantic	Атлантический океан	Южная Атлантика	—
Land of the Monkeys	Страна обезьян	Страна обезьян	Страна обезьян
Land of the White Man	Страна Белых Людей	Страна Белых Людей	Англия

Что касается времени описываемых событий. Это очень любопытный факт. В самой повести нет никаких дат. Нет упоминаний о том, кто руководил страной в тот период. Ни слова не говорится о каких-либо географических открытиях, войнах, изобретениях. Правда, следующая книга «Путешествие доктора Дулиттла» описывает события 1839 г. Большинство английских комментаторов

убеждены, что события первой книги разворачиваются в 1819–1820 гг. Отечественные издания пишут о том, что действие повести относится к 30-м — середине 40-х годов XIX в. Отчего эта хронологическая путаница? Кто ближе к истине?

Как ни странно, такой разнобой во мнениях по поводу хронологии событий первой книги появился в резуль-

1 Старое название Devonshire

тате неточного перевода. Более того, неэквивалентного перевода английской реалии. Действительно, в книге нет дат, но время действия событий установить всё-таки можно. С помощью реалии-фразеологии. Из таб.5 видно, как авторский фразеологизм был переведён на русский язык. С точки зрения коммуникативной ценности перевод Хавкиной является, по теории А. Д. Швейцера, адекватным в прагматическом плане, но не в семантическом. Она нашла замечательный идиоматичный аналог в русском языке, который передаёт смысл английского фразеологизма (очень давно).

Данилова и Нижник нашли красивый образ, но изменили стилистику, что свидетельствует о слишком вольном переложении текста оригинала. Муравьёва остаётся в данном случае верной своей стратегии — точный перевод. Однако без переводческого комментария, у русского читателя не возникают никакие ассоциации. (Причём Муравьёва здесь допустила серьёзную переводческую ошибку, но об этом ниже). Зато мы теперь знаем, что английский фразеологизм передаёт нам исторический факт. В 1651 году во времена английской революции Карл II прятался на дубе от «круглоголовых», сторонников парламента, которые требовали полного контроля над исполнительной властью. Из текста мы знаем, что Полинезия видела Карла II на том дубе с верхней веткой. И ещё мы знаем из текста возраст Полинезии — 182 или 183 года. Также нам становится известно, что в Африке она не была уже 169 лет. *«I can never be quite sure of my age», said Polynesia. «It's either a hundred and eighty-three or a hundred and eighty-two. But I know that when I first came here from Africa, King Charles was still hiding in the oak-tree — because I saw him. He looked scared to death».* (2 глава)..... *«Dear old Africa!» sighed Polynesia. «It's good to get back. Just think — it'll be a hundred and sixty-nine years tomorrow since I was here!* (5 глава). Стало быть, действие повести происходило в 1820 г. И это можно установить, только читая оригинал или перевод Муравьёвой. Переводы Хавкиной и Даниловой, Нижник теряют эту возможность. Иначе говоря, вышепомянутый фразеологизм оказался в тексте самым важным темпоральным детерминантой исторической эпохи.

Таб.6 нам показывает, где разворачивались события, описываемые в повести. Сюжетные действия происходят на широком и разнообразном географическом фоне: на двух континентах, островах, в разных странах и разных поселениях, а также в нескольких морях, Атлантическом океане. На языке «необразованных» обезьян Европа — Страна Белых Людей (*the Land of the White Man*), а сами они, разумеется, обитают в Стране Обезьян (*the Land of the Monkeys*). Пираты поселились в Берберии (*Barbary*), а зловредный темнокожий король, беззаботная королева Эрминтруда с их меланхоличным сыном принцем Бампо (*Бед-Окур*) живут в Джоллиджинки (*Jolliginki*). В целом описываемая картина физического мира остаётся совершенно реалистичной. Основную роль здесь играют макротопонимы — крупные географические объекты — Атлантический и Индийский океаны, Африка, Европа, Гренландия, Канарские острова и другие. Не менее важны упоминания о Китае, Индии, России, Италии, Бельгии. Квазитопонимами названы небольшие поселения

типа Грязеводск (*Puddleby-on-the-Marsh*) или Сбродленд (*Barbary*), которые, однако, неискажают восприятие физической реальности изображенного мира. Этимологический, лингвистический, функциональный и семантический разбор окказионализмов будет дан ниже.

Итак, функционально-семантический анализ показывает, что реалии являются когнитивно-содержательными компонентами текста. Они отражают фрагменты действительности, которые соотнесены с конкретным физическим миром и социокультурной средой, а также с идеально-эстетическим замыслом автора. При переводе необходимо соизмерять контекстуальное значение каждой реалии с другими когерентными компонентами текста, с его общим смыслом. Даже одна неправильно переведённая реалия может нести невосполнимые потери для всего текста. Эта вторая особенность, выявленная нами в ходе анализа текстовых реалий и их роли в произведении.

2. Переводческие стратегии и переводческие ошибки.

Прежде, чем перейти к анализу переводческих стратегий, нам следовало выяснить, с каким национально-специфическим корпусом английской лексики, употреблённым в оригинале, пришлось работать переводчикам. Для решения этой задачи, мы воспользовались классификацией В. С. Виноградова. Объектом классификации явились реалии из таб.1, полученные в результате сплошной выборки из текста оригинала. Категория «мифологические и этнографические реалии» включает лексику, обозначающую этнические и социальные общности, их представителей, божества, сказочные существа. Категория «языковые реалии» включает ономастическую лексику, фразеологизмы, аббревиатуру, междометия. Категория «бытовые реалии» включает названия предметов и вещей, а также обычаев и традиций национальной культуры. Категория «мир природы» составлена из реалий, обозначающих животный и растительный миры. Географические реалии — объекты физического мира.

Рассмотрим диаграмму 1 на стр. 19.

Анализируя данные диаграммы, следует обратить внимание на то, что почти половина всех реалий приходится на бытовые реалии. Ещё 24 % — на языковые реалии. Эти две категории реалий традиционно составляют значительную часть в художественных текстах. Потому что, во-первых, они в принципе многочисленнее, чем остальные. Во-вторых, они описывают самые существенные и обиходные стороны жизни народа. Высокий процент реалий мира природы (19 %) не всегда характерен для художественных произведений. В данном случае это объясняется самим содержанием сказки, где главными героями являются животные и их биомы.

Используя таб.1, рассмотрим диаграммы, которые представляют нам способы перевода, использованные Л. Б. Хавкиной, Ю. В. Муравьёвой, Б. Давыдовой и В. Нижник.

Анализ диаграммы следует начать с определения «стратегии перевода». Под этим термином мы понимаем всю совокупность переводческих действий, в основе которых лежит прагматический подход переводчика к осу-

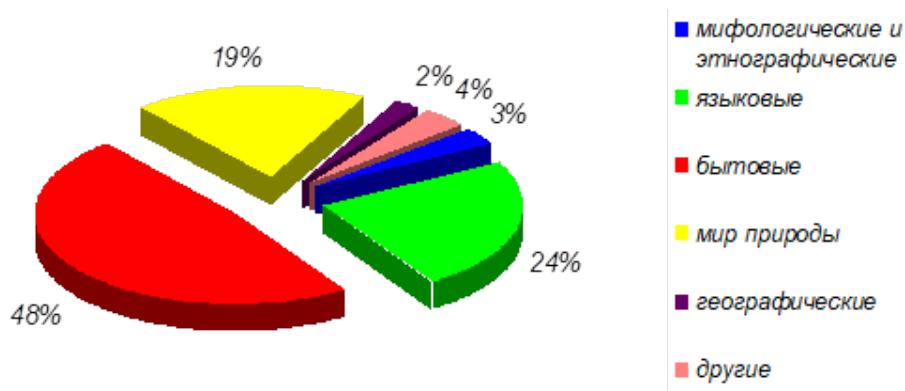

Рис. 1. Классификация реалий оригинала

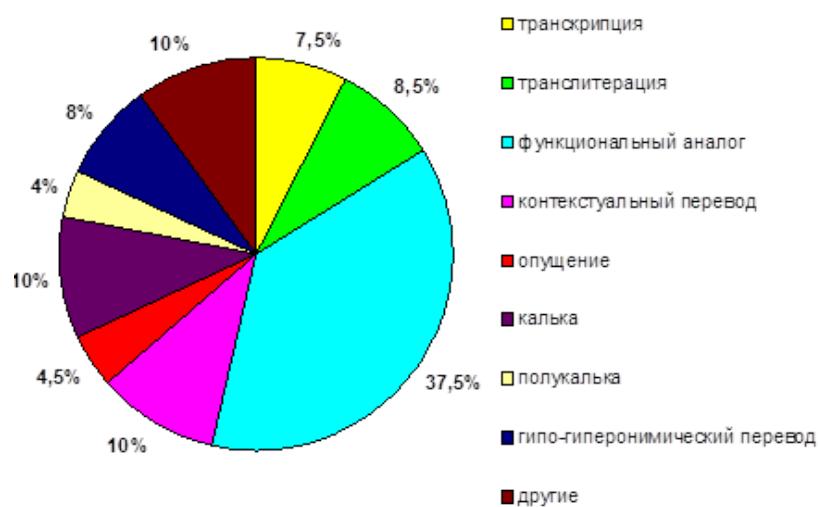

Рис. 2. Способы перевода, применённые Л. Хавкиной

ществлению перевода. Иначе говоря, приёмы и способы перевода зависят от роли переводчика:

выполняет функцию посредника;

активно вмешивается в творчество автора оригинала.

В первом случае переводчик стремится, согласно Лоуренсу Венути¹, сохранить и точно воспроизвести особенности оригинала, иногда даже пренебрегая читательским восприятием (узусом) или правилами родного языка (нормой). Такая стратегия называется форенизация (foreignization). Во втором случае переводчик, наоборот, стремится сделать текст перевода лёгким для восприятия читателем, максимально адаптируя его к нормам своей культуры. Такая стратегия называется доместикация (domestication) [2, с. 272].

На уровне переводного текста стратегия может быть лингвистической или интерпретативной.

Лингвистическая стратегия — это перевод реалий через поиск реально возможных соответствий и систему регулярных переводческих трансформаций.

Интерпретативная стратегия рассматривает перевод реалии в контексте целого текста как «восстановление» рационального и эмоционального смысла (можно

любым способом, даже не переводить, если это не влияет на общий смысл и восприятие текста) [6, с. 121].

Теперь о переводческой технике Л. Б. Хавкиной. Как можно увидеть из диаграммы 2, автор обладает широким арсеналом приёмов перевода — 8 основных: функциональный аналог, контекстуальный перевод, транскрипция, транслитерация, гипо-гиперонимический (сужение / конкретизация и расширение / генерализация) калька, полукалька, и нулевой перевод (опущение). Здесь необходимо заметить, что в категорию «другие» (10 %) входят ещё 8 приёмов: переводческий комментарий, фразеологический эквивалент, освоение, перифраз, добавление, эмфатизация, семантический неологизм, нейтрализация. Причём она единственная из переводчиков, чьи переводы мы исследуем, использует такой приём как переводческий комментарий. Широкий арсенал приёмов и небольшой процент опущений (4,5 %) свидетельствует о поиске эквивалентных соответствий. Чаще всего переводчик прибегает к применению функционального аналога при переводе реалий (37,5 %). Это очень эффективный приём, ведущий к сохранению цели коммуникации, делающий перевод адекватным. Из-за своего pragматического потенциала этот способ широко применяется в перевод-

1 Американский переводчик, историк и теоретик перевода

ческой практике. Однако у него есть и негативный аспект. Этот способ, безусловно, привёл бы к утрате национальной специфичности, если бы автор не нашёл позитивного баланса его применения с другими приёмами, такими как транскрипция (7,5 %) и транслитерация (8,5 %). Последние приёмы, в свою очередь, при их частом использовании могут перегрузить текст иноязычным словесным материалом, что также отрицательно оказывается на восприятии текста при чтении. Небольшие потери мы наблюдаем при использовании автором гипо-гиперонимического приёма (8 %). Действительно, генерализация ведёт к обеднению вещественного смысла, например, *larder* — это место, где раньше хранили сало и мясо, переводчик использует слово «кладовая» и ничего больше

не поясняет. Наряду с потерей национального колорита, исчезает и часть лексического смысла слова.

Таким образом, несмотря на все недостатки, мы видим, что переводчик, употребляя различные приёмы перевода, стремится передать значение почти всех реалий и сделать перевод понятным для читателя. Это свидетельствует, во-первых, о доместикации перевода, а, во-вторых, о применении им лингвистической стратегии при работе со словами-реалиями оригинала. Сама Л. Б. Хавкина занимает позицию посредника в данной ситуации межъязыковой коммуникации.

Обратимся к переводу Ю. В. Муравьёвой и рассмотрим, какие приёмы перевода реалий она использовала и какую переводческую стратегию выбрала.

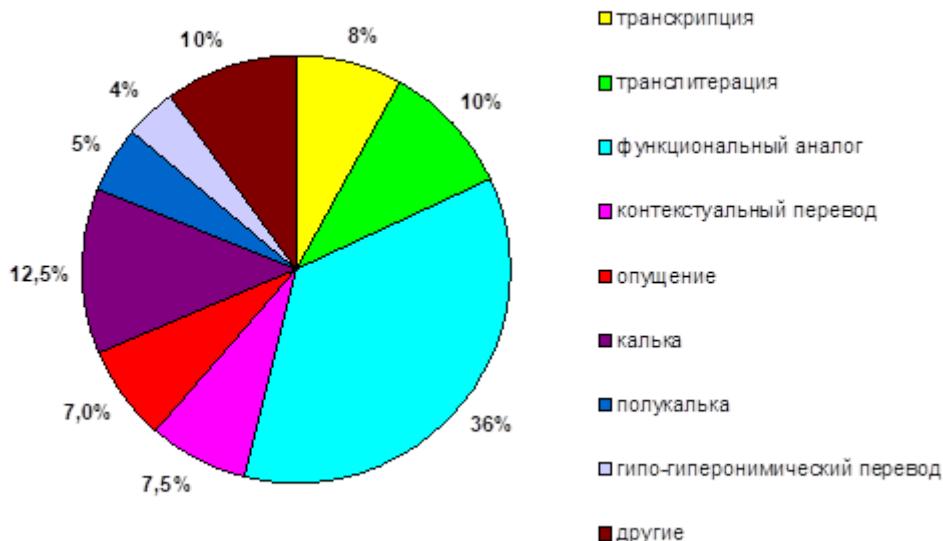

Рис. 3. Способы перевода, применённые Ю. В. Муравьёвой

Первое, что бросается в глаза, сравнивая две диаграммы, это чуть ли не совпадение по категории «функциональный аналог». 37,5 % у Л. Хавкиной и 36 % у Ю. Муравьёвой. О чём это говорит? Мы сравнили случаи, когда оба переводчика пользовались функциональным аналогом при передаче значений иноязычных реалий. Выяснилось, что такое совпадение произошло случайно. Конечно, многие переведённые таким способом реалии совпадают у обоих переводчиков, хотя найденные ими эквиваленты почти всегда разные. Например, *drinking-trough* — корыто (Хавкина); поилка (Муравьёва); *booby* — коновал (Хавкина); придурак (Муравьёва). Очень часто перевод реалий у них не совпадает по способу перевода. Сравним: *lap-dogs* — собачки (Хавкина, генерализация), болонки (Муравьёва, функциональный аналог); *penny* — монетка (Хавкина, функциональный аналог), пенни (Муравьёва, транслитерация).

Ю. Муравьёва использует уподобление (функциональный аналог) в тех случаях, когда нельзя сделать кальку (12,5 %), полукальку (5 %), транскрипцию (8 %) или транслитерацию (10 %), иначе слова-реалии теряют смысл для читателя перевода. Вместе эти приёмы составляют 35,5 % от всего количества переведённых реалий. Почти равно количеству реалий, переведённых с помощью функционального аналога. Это говорит о стремле-

нии переводчика к точной передаче значения каждой реалии, сохранению иноязычной окраски и исторического колорита. Даже в том случае, когда совершенно естественным образом напрашивается перевод с помощью уподобления, Муравьёва остаётся верная выбранной переводческой стратегии — точному переводу. Например, *kitchen fire* — кухонный огонь (Муравьёва, калька), хотя из контекста уместным был бы «камин» (уподобление). В сравнении с Л. Хавкиной она в два раза реже прибегает к генерализации/расширению. Вероятно, потому, что этот способ не передаёт национальный и временной колорит.

Итак, можно констатировать, что переводчик стремится к сохранению и точному воспроизведению особенностей оригинала, связанных с реалиями. При этом она делает небольшое количество опущений (7 %). Следовательно, речь идёт о форенизации перевода и лингвистической стратегии при переводе слов-реалий, употреблённых в оригинале. Ю. В. Муравьёва играет роль посредника в межъязыковой коммуникации, связанной с переводом сказки Х. Лофтинга.

Результаты анализа способов перевода, использованных Б. Давыдовой и В. Нижник, значительно отличаются от результатов двух предыдущих анализов. Внимательно рассмотрим диаграмму на рис. 4.

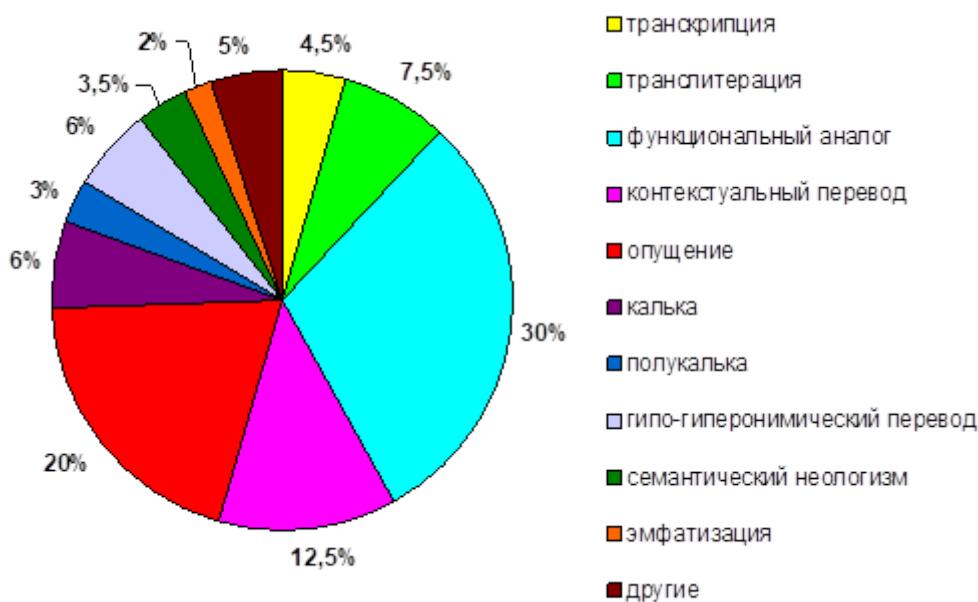

Рис. 4. Способы перевода, применённые Б. Давыдовой и В. Нижник

Самое главное в этой диаграмме — это «красный сектор», нулевой перевод (опущение -20 %). Получается, что каждая пятая реалия в тексте оригинала «не нашла» своего эквивалента в тексте перевода. Это, во-первых, значительное отклонение от авторского стиля, и, во-вторых, огромная потеря значимой информации текста. Опущению подверглось большое количество междометий: *By Jingo!* (Чёрт побери!), *Goodness!* (Господи!), *Huh!* (Тьфу!), *Tut, tut!* (Ах, ты!) и другие. Поскольку междометия — это часто незаменимое стилистическое средство для выражения чувств и эмоций, то мы смело можем говорить, что эмоционально-насыщенная речь в тексте оригинала осталась невыраженной во многих случаях перевода. Обеднел, по сравнению с оригиналом, мир природы в переводе Б. Давыдовой и В. Нижник, так же, как и «сжался» физический мир. Из их книги русский читатель не узнает об орле-яйцееде (*black eagle*) и ямсе (*yams*), Девоншире (*Devon*) и Южной Атлантике (*South Atlantic*) и многом другом.

Вещественный мир, окружающий героев повести, теряет свою оригинальность вследствие опущения многих бытовых реалий: *gipsy-wagon* (цыганская кибитка), *soup-tureen* (супница), *three feet* (трёхфутовый), *locker* (рундук) и многие другие. А ещё русский читатель не узнает о традиционном уличном кукольном театре (*Punch & Judy show*). Мы считаем также многозначительным то, что больше половины фразеологизмов, употреблённых в оригинале, остались без всякого внимания со стороны переводчиков. Как известно, фразеологизмы создают нужную стилистическую тональность, усиливают наглядность и образность текста, передают авторские чувства, дают оценку происходящему. Вспомним такой эпизод из третьей главы. Сара Дулиттл, сестра доктора, обвиняет его в том, что он поселил в доме крокодила, который пугал клиентов. Из-за этого у них опять стало мало денег.

И вот как угрожающее она заканчивает свои назидания о чудище: «Now we shall be ruined entirely. This is the

last straw. I will no longer be housekeeper for you...» В переводе Давыдовой мы читаем: «Нас ждёт нищета. И запомни: я не буду вести твоё хозяйство...» *This is the last straw* — это эллипсис известного фразеологизма: *It is the last straw that breaks the camel's back*. Крокодил становится «последней соломинкой», которая ломает спину верблюду». Очевидно, что под верблюдом Сара подразумевает себя, ведь именно она горбатится на брата, ведя всё домашнее хозяйство. И выражением «*this is the last straw*» она даёт это понять доктору. Дело в том, что английские высказывания более имплицитные (подразумеваемые), чем русские. Этот яркий образ — «горбатиться» как верблюд, выраженный фразеологической аллюзией — отсутствует в переводе. Либо переводчики не поняли его, либо сознательно обесцветили мысль, выбирая стилистически нейтральную формулировку. Так или иначе, а текст перевода лишился ещё одного яркого образа. Справедливости ради, надо сказать, что и другие переводчики не поняли всю глубину этой фразы, хотя и перевели её.

Что ещё отличает эту диаграмму от предыдущих? Это резкое сокращение числа реалий, переведенных способами, которые «отвечают» за иноязычную окраску: калькирование, транскрипция и транслитерация. Зато появляются способы, которые не были представлены в предыдущих диаграммах: семантические неологизмы (3,5 %) и эмфатизация (2 %). Выше мы приводили такого рода примеры: *Хрюкки, Крякки, Бед-Окур*. Это, как и многое вышеизложенное, говорит об активном вмешательстве переводчиков в творческий текст оригинала.

Таким образом, судя по характеру перевода реалий, мы видим, что авторы не столько переводят, сколько переделывают текст оригинала, допуская большое количество опущений, «изобретая» новые слова (семантические неологизмы), а также сознательно затушевывая иноязычный колорит. Совершенно очевидно, что здесь переводчики снижают когнитивную ценность текста

(русский читатель получает меньше информации об английской культуре), т. е. происходит подгонка текста под усреднённого русского читателя. Следовательно, речь идёт о доместикации и интерпретативной стратегии при переводе реалий, употреблённых в оригинале. Сами переводчики занимают позицию скорее соавторов, нежели посредников в межъязыковой коммуникации, представленной их переводом.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что квантитативный анализ реалий, точнее приёмов их перевода, раскрывает нам переводческую стратегию и место переводчика в ситуации межъязыковой коммуникации. Иными словами, мы можем судить о том, насколько близки между собой подлинник и перевод. Это третья особенность, выявленная нами с помощью анализа способов перевода реалий.

Ошибки оригинала и русскоязычных переводов. Анализируя реалии и варианты их перевода, мы обнаружили ошибки двух типов: лингвистические и экспрессионистические. Удивительным для нас оказалось не то, что они есть в переводах, а то, что мы нашли их в оригинале. Спустя столетие после публикации повести Хью Лофтинга, мы стали первыми, кто обнаружил их. Ни в зарубежной, ни в отечественной литературе мы не встречали ни одного упоминания о каких-либо фактических или логических ошибках, допущенных Х. Лофтингом в своём произведении.

Причём мы разберём ошибки, связанные только с реалиями, не обращая внимание на другие недостатки типа *lapsus memoriae*. Вот одна из них. Во время своего путешествия в Африку, доктор и его звери по вторникам и пятницам ели атлантическую сельдь, которую добывала для них утка Dab-Dab, ныряя под днище корабля. Атлантическая сельдь водится только у берегов Исландии и Гренландии, т. е. в Северной Атлантике. Африка, как известно, в другой стороне от Англии. Похожие ошибки, касающиеся реалий мира природы, являются самыми многочисленными в произведении Хью Лофтинга. Это именно ошибки.

Вспомним, что мы говорили выше, давая характеристику этой повести. Мир, в котором живут и действуют персонажи Хью Лофтинга, *фотографически реален и историчен*. Так считал сам автор. Именно так, по мнению Уолпола, изображен физический мир, в котором живёт доктор Дулиттл со своими животными. Действительно, описывая этот мир, автор не делает грубых странноведческих ошибок. Он не поселяет, скажем, белых медведей или кенгуру в Африку. Даже ребёнку известно, что их там нет. Но он делает это с другими животными и растениями! И здесь далеко не каждый взрослый, читая повесть, а не анализируя её, как мы, заметит авторскую погрешность.

Итак, вот каких животных Лофтинг «поселил» в Африку. *Black Eagle* — орёл-яйцеед, эндемик юго-восточной Азии. *Bald Eagle* — белоголовый орёл, эндемик Северной Америки. *White-tailed Sea Eagle* — орлан-белохвост, эндемик Северной Европы и России. *Iguana* — игуана, крупная ящерица, обитает в Южной и Центральной Америке, на островах Карибского моря. *Marmosette* — мarmosetka, крошечная обезьянка, 20 см. высотой, эндемик Цен-

тральной Америки. *Orangoutang* — орангутанг, эндемик Юго-восточной Азии.

Лофтинг и некоторые растения «пересадил» в Чёрную Африку (то есть не в Северную Африку, где живут арабы), туда, где тропические леса и где происходили описываемые события. Вероятно, это современное государство Конго, т. к. только там обитают окапи (*okapi*), не раз упомянутые в повести, там есть джунгли, и там живут негры (*negroes*). Итак, со страниц повести мы узнаём: «...Chee-Chee and Polynesia knew all the different kinds of fruits and vegetables that grow in the jungle and where to find them — like dates and figs and ground-nuts and ginger...» Ни финики (*dates*), ни инжир (*figs*), ни арахис (*ground-nuts*), ни имбирь (*ginger*) не растут в африканских джунглях. Арахис — эндемик Южной Америки. Имбирь — эндемик Южной Азии. В Африке они могут быть только культурными растениями, т. е. выращиваемые человеком для получения пищевых продуктов. И в дикой природе — тропических лесах Африки (джунглях) — их просто нет, и никогда не было. Родиной инжира (фиговое дерево) является территория современной Турции. Это самое древнее культурное растение. Сначала его стали выращивать в Аравии, откуда оно попало в Сирию, а затем в Египет. В Чёрной Африке (*Sub-Saharan Africa*) его нет, также как и финиковых пальм, которые произрастают в полузасушливых регионах Северной Африки. Вот ещё пример. Доктор вылечил обезьян и собирается отплывать на родину, в Англию. Путь далёкий, поэтому нужны запасы еды. Все животные джунглей пришли его проводить и принесли еду. «And they had pineapples and mangoes and honey and all sorts of good things to eat and drink». Ананасы (*pineapples*) — эндемики Южной Америки, манго (*mango*) — эндемик Индии. Ни то, ни другое никогда в джунглях Чёрной Африки не росло.

О гносеологическом (связанном с глубиной знания) характере этих ошибок мы скажем чуть ниже. Здесь нам важно отметить то, что для художественной убедительности автору нужен был богатый лингвострановедческий материал. Ему нужны были «экзотизмы» типа зоологической сенсации XX века — окапи (*okapi*), которого Лофтинг никогда не видел, или игуана (*iguana*), которая произвела на него сильное впечатление, когда он работал на Кубе. Если бы он знал, что в джунглях Чёрной Африки растёт «*safou*»(африканская груша) и «*kiwano*»(кивано, рогатая дыня), водятся «*duiker*»(хохлатая антилопа, дукер) и «*bongo*» (бонго, лесная антилопа), то они, конечно, заняли бы своё место среди прочих растений и животных.

Теперь пример другого рода. При анализе реалий мы столкнулись с интересным паралогизмом, связанным с Канарскими островами. В 14 главе есть такой эпизод: по пути в Англию из Чёрной Африки доктор и его звери высаживаются на остров, чтобы пополнить запасы пресной воды. Доктор говорит: «I wonder what is the name of this Island... What a lot of birds there are!» Утка Dab-Dab спрашивает: «Why, these are the Canary Islands!... Don't you hear the canaries singing?». Доктор останавливается и прослушивается. «How stupid of me!». Раз канарейки — значит Канарские острова! Вывод неправильный. Это есть паралогизм. Канарейки — эндемики и других островов

в Атлантическом океане, например, острова Мадейра, островов Зелёного мыса, Ангорских островов и др. Следовательно, верным будет утверждение о том, что не все острова, где обитают канарейки — это Канарские острова. Это, во-первых. Во-вторых, в этом диалоге подразумевается и другой смысл. От канареек — и Канарские острова! Такой вывод тоже неправильный. Название «Канарские острова» произошло от латинского выражения *«canariae insulae»* (III в. н. э.) — собачьи острова (*islands of dogs*) [3], т. к. на этих островах обитало много диких собак. Собаки попали даже на герб Канарских островов.

Итак, экстралингвистические ошибки, допущенные автором при употреблении внешних и внутренних реалий мира природы, могут привести **молодых читателей к когнитивным искажениям**. Семантическое когнитивное искажение — это когда человек считает, что узнал значение слова, хотя на самом деле узнал лишь область его употребления. Например, орангутанг — древесная человекообразная обезьяна, обитающая в дождевых лесах Калимантана и Суматры, преимущественно вегетарианец, но может питаться яйцами птиц и насекомыми, общается при помощи жестов и звуков и т. д. В значении слова «орангутанг» выделяются несколько сем: животное, вид, место обитания, пища, язык и другое. Если о нём говорить только как об экзотическом животном (как у Лофтинга), то это и означает — знать слово по области его употребления — человекообразная обезьяна — при этом игнорируя все другие семы. Это и есть гносеологическая причина ошибок при употреблении реалий. Показательно и другое: большинство экстралингвистических ошибок «благополучно» перешло из текста оригинала в русскоязычные тексты.

Теперь о переводческих ошибках. Они имеют двоякую сущность, как и сам перевод: на уровне понимания оригинала и на уровне передачи смысла иноязычного высказывания на родной язык. Поэтому и схема ошибок двояка:

- 1) плохо понял → неправильно перевёл;
- 2) понял → не нашёл правильный вариант перевода.

Результат ошибок всегда одинаков — некачественный перевод.

В случае перевода реалий мы отмечаем частые искажения смысла в прагматическом и семантическом плане, реже в синтаксическом плане.

Типичные ошибки в плане семантики. В 13 главе описывается, как доктор со своей командой пытается оторваться от преследования пиратов. Поросёнок Gub-Gub сетует, что им не удаётся это сделать: «... to get away from them in this old *barge*...» *Barge* — шлюпка (Хавкина, конкретизация), баржа (Муравьёва, транслитерация с освоением), корабль (Давыдова, генерализация). Согласно Cambridge Dictionary *barge* тех времён представляла собой трёхмачтовое судно, как правило, рыболовное [1].

Все три варианта — это неправильный перевод. Шлюпка — это гребно-парусное малое беспалубное мореходное судно. Читаем внимательно текст: «Well, we must put up more sails...Run downstairs, Jip, and fetch

me all the sails you see». Доктор просит Джипа спуститься вниз, т. е. в трюм. Где трюм, там и палуба. Значит, шлюпкой это никак быть не может. А баржей? В русском языке баржа — это несамоходное судно. По тексту у него есть паруса. Опять неверный перевод. Это тот случай, когда говорят о «ложных друзьях переводчика». Совпадение по форме, несовпадение по значению (*barge* и баржа — межъязыковые омонимы). Слово «корабль» — гипероним, стирающий вещественный смысл оригинала. Шаланда или шхуна — вот приемлемые аналоги, передающие и вещественный смысл, и колорит исторической эпохи. В двух случаях речь идёт о непонимании контекста и смысла слов «баржа» и «шлюпка». В третьем случае переводчик не смог найти правильный вариант.

Другой пример. В 17 главе говорится о мальчике и его дяде, которого захватили пираты. Вот как мальчик рассказывает о дяде: *«He was a strong man, a kind uncle and the best sailor in the South Atlantic. His fishing-boat was called the Saucy Sally — a cutter-rigged sloop»*. Вот варианты перевода: катер (Хавкина), шлюп с оснасткой катера (Муравьёва), шхуна с полной парусной оснасткой (Давыдова). Если в 20-е годы слово «катер» означало одномачтовое парусное судно, то в наше время это — лодка с мотором. У Хавкиной, несмотря на частичную потерю смысла, перевод получился адекватный. У Муравьёвой — это гибрид. Во-первых, шлюп — это парусное судно. Во-вторых, катер — это моторизованное судно! В начале XIX века? На полвека раньше времени изобретения мотора? Разница между переводами Хавкиной и Муравьёвой в том, что для Муравьёвой слово «катер» в его первичном значении стало историзмом, и переводчик должен был дать пояснения. У Давыдовой — шхуна, это значит двух- или трёхмачтовое палубное судно, а у катера была только одна мачта, и не было палубы. Для нас остаётся загадкой, как в таком случае один человек мог управляться с таким большим кораблём. Получается, что в двух последних случаях авторы не смогли дать адекватный перевод. Не сверили свой перевод со словарными статьями, не соотнесли его с контекстом оригинала.

Трудность в переводе вызывали не только реалии, обозначающие материальные вещи, но и реалии, обозначающие, например, род занятий. Так, в 20 главе оригинала при описании проводов доктора Дулиттла мы узнаём: *«After six page-boys had blown on shining trumpets to make the people stop talking, the Doctor came out on to the steps and the Mayor spoke»*. Реалия «page-boys» была переведена как мальчики (Муравьёва) и как мальчики-музыканты (Хавкина), Давыдова и Нижник опустили её. Абзацем выше нам сообщалось, что перед домом, где остановился доктор Дулиттл, «...the village-band played tunes under his window every night». Из контекста ясно, что «page-boys» — это музыканты местного оркестра (*the village-band*). Нелепым было бы считать другое, а именно то, что в рыбацком городишке начала XIX века кроме местного оркестра есть ещё куча детей, умеющих играть на трубе, и, самое главное, мальчишкам дозволено «успокаивать» толпу перед выступлением мэра или музицировать по ночам перед окном доктора. Конечно,

но, слово «*page*» здесь не означает паж, личный слуга знатной особы. *Page* — это мелкий служащий, скажем, музыкант. Музыканты нужны для различных мероприятий: праздников, ярмарок, фестивалей, свадеб и т. п. Поэтому речь идёт о местном оркестре при мэрии. И мальчики здесь не причём. В данном случае вторая часть английского сложносоставного слова «*page-boys*» эксплицирует «род», а не «возраст», как это неверно поняли переводчики. Здесь уместно говорить о мужском оркестре при мэрии.

Приведённые примеры свидетельствуют об искажении содержания и объёма значения реалии при её переводе на русский язык.

Следующий пример касается конвенционального характера перевода некоторых реалий. Так, в уже рассмотренном нами фразеологизме «*King Charles was still hiding in the oak-tree*» Муравьёва переводит имя короля как «Чарльз». Это неправильный вариант перевода, даже неожиданный, имея в виду такого педантичного переводчика, каковым, на наш взгляд, является Муравьёва. Как известно, в русской переводческой традиции для имён собственных, относящихся к королевским osobам, используют имена, восходящие к немецким аналогам. Поэтому *Charles* — это всегда будет Карл (ср.: *William the Conqueror* — Вильгельм Завоеватель, а не Уильям или Вильям; *John Lackland* — Иоанн Безземельный, а не Джон). Все коронованные особы, носящие имя *George*, превращаются в Георга, *James* — в Якова и т. д. Либо переводчик забыл это правило, либо пренебрёг им. Так или иначе *нарушено формальное правило перевода* на русский язык имён королей, царей, императоров, сложившееся в отечественной переводческой практике. Следовательно, переводчик продемонстрировал своё незнание переводческих прецедентов или своё пренебрежение ими.

Ошибки перевода, связанные с установкой говорящего (прагматическое значение высказывания), касаются в основном реалий-фразеологизмов. Идиомы, метафоры направлены на фоновые знания носителя языка. Поэтому очень часто такие высказывания имеют косвенные смыслы, намёки, обиняки. Иногда эти скрытые цели высказывания остаются незамеченными переводчиками, а коммуникативная интенция и коммуникативный эффект — невыраженными в переводе. Выше мы уже приводили пример с фразеологизмом «*It is the last straw that breaks the camel's back*», и как он был эксплицирован в переводе Давыдовой и Нижник. Хавкина для передачи его смысла использовала выражение «последняя надежда». Вспомним, о чём говорила Сара Дулиттл: «*John, you must send this creature (крокодила) away. Now the farmers and the old ladies are afraid to send their animals to you — just as we were beginning to be well off again. Now we shall be ruined entirely. This is the last straw. I will no longer be housekeeper for you...*» В переводе Хавкиной читаем: «Джон, ты должен отослать эту тварь. Фермеры и старушки боятся посыпать к тебе своих животных, — а у нас дела только-только стали поправляться. Ведь мы окончательно разоримся. Это наша последняя надежда. Я больше не буду у тебя хозяйствовать...» Выражение «этая наша по-

следняя надежда» звучит как мягкое вразумление, направленное бескорыстному доктору Дулиттлу. Переводчик посчитал, что Сара аппелирует к его разуму типа «ну, пойми же ты...» Причём последняя фраза осталась как бы подвешенной: она не будет хозяйствовать потому, что не хочет или не сможет, или ей надоел «странный альтруизм»? На самом деле в тексте оригинала это звучит как жёсткий упрёк и угроза, а последняя фраза объясняет предыдущую мысль. «*The last straw*» — это, по своему существу, результат синтаксической редукции известной пословицы, означающей «конец терпению», терпению «горбатиться» как верблюд на своего неразумного брата. Именно эта идея доминирует во фразеологическом обороте. Следовательно, коммуникативно-адекватным был бы перевод: «Пришёл конец моему терпению. Я больше не буду на тебя горбатиться...» Очевидно, что упрёк и угроза являются целью высказывания. Это осталось невыраженным у Хавкиной.

Другой пример связан с английской пословицей «*Enough is as good as a feast*». В 18 главе есть эпизод, когда доктор Дулиттл удивляется обонятельным способностям Джипа: «*I wonder if you could train me to smell as well as that... But no — perhaps I'm better off the way I am. «Enough is as good as a feast», they say.*» Читаем перевод Давыдовой: «Любопытно, смогу ли я когда-нибудь научиться различать запахи, как ты? ... Пусть каждый остаётся со своим носом....Как говорится, каждый сверчок знай свой шесток». Первое, что бросается в глаза, это резкие лексико-синтаксические изменения: грамматическая инверсия, замена актантов и перформативного глагола, опущение идиомы «*be better off*» (уж лучше бы). Для английского фразеологизма выбран функциональный аналог в виде русской пословицы: «Каждый сверчок знай свой шесток». Что означает: знай своё место, не высывайся. По-английски схожую коннотацию выражает пословица «*Stay on your own side of the fence*». Сдвиги в референциальном содержании создают неуместную экспрессивность, передают пейоративную оценку желанию доктора иметь хорошее обоняние. Причём, получается, что за это желание доктор не одобряет сам себя. На самом же деле доктор размышляет, а нужен ли ему такой нюх как у Джипа. Это, конечно, было бы здорово, но всё хорошо в меру. Вот финальный смысл высказывания. Вот доминантная идея английского фразеологизма. Использованная русская пословица передаёт неправильно коннотативное значение английского высказывания.

Итак, переводческие ошибки имеют разную природу. Анализируя недочёты при переводе реалий, мы обнаружили три типа переводческих ошибок:

1. контекстуальные (перевод реалии противоречит контексту);
2. конвенциональные (перевод реалии нарушает устоявшиеся традиции);
3. когнитивные (перевод реалии искажает смысл слов оригинала).

Таким образом, при переводе реалий необходимо особое внимание уделять контексту, сложившимся традициям перевода, объёму содержания лексических единиц оригинала.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Cambridge Dictionary [Electronic resource] — <http://dictionary.cambridge.org>
2. Venuti, Lawrence, The Translator's Invisibility: A History of Translation. Published by Routledge, 11 New Fetter Lane, London EC4P 4EE, 1995. — 353 с.
3. Википедия — свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. — <http://wikipedia.org>
4. Кузьмин, Д. В. Карельские женские имена//Журнал «Вопросы ономастики», 2017 Т.14 № 3, с. 105–127
5. Секретный бюллетень Главлита № 7 за 1924 г. 1924. // ГА РФ. Ф.5446 (Совет министров СССР). Оп. 55 (Секретариат Председателя Совета Народных Комиссаров СССР Рыкова А. И. 1918–1930 гг.). Д.535. ЛЛ. 1–139.
6. Фененко, Н. А. Две стратегии перевода реалий//Журнал «Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1, Издательский дом ВГУ, 2009

ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ

Сравнительный анализ гендерной проблематики в XIX и XXI веках на основе романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»

Набережных Яна Дмитриевна, учащаяся 11-го класса

Научный руководитель: Сапунова Полина Андреевна, преподаватель
ОАНО «Школа Центра педагогического мастерства» (г. Москва)

За последние годы в мире произошло большое количество прогрессивных достижений в сфере гендерного равенства. Государства и международные организации принимают активное участие в устранении дискриминации и установлению равноправия, независимо от пола индивида. Благодаря этим новшествам множество женщин получили права на образование, участие в политике, экономике и других сферах жизнедеятельности. Однако, несмотря на подобное развитие, в современном мире сохраняется влияние гендерных стереотипов, которые в большинстве случаев направлены на женщин. Они по-прежнему диктуют «правильный» образ женщины, формируют определенные ожидания общества и даже ограничивают ее индивидуальные и профессиональные возможности. Гендерные стереотипы упрощают процесс мышления человека, но одновременно с этим ограничивают эффективное восприятие представителя другого пола, затрудняют коммуникацию. Подобные стереотипы берут свое начало в прошлом, оказывая влияние на женщин, формируя их судьбы в различные эпохи, включая наше время. Гипотеза исследования заключается в том, что гендерные установки, отразившиеся в романе «Анна Каренина», трансформировались, но не исчезли в современном обществе, продолжая ограничивать личную свободу женщин.

Современная социальная наука разграничивает понятия «пол» и «гендер». Первое (англ. biological sex) представляет собой биологическое начало человека и используется для обозначения анатомо-физиологических аспектов людей, определяя их как женщин или мужчин. Репродуктивная функция остается одним из наиболее значимых биологических различий, тогда как такие параметры, как рост, масса тела и мускульная сила, являются гораздо более вариативными и не всегда связаны с полом. [1]

Гендер (англ. gender), в свою очередь, означает социальную или культурную конструкцию, которая описывает поведение, роли и ожидания, связанные с определенным полом в некотором обществе. Из этого следует, что гендерная идентичность может не всегда совпадать с биологическим полом, и, следовательно, поведение, ас-

социируемое с каждым из полов, не является обязательным, а наоборот имеет способность меняться в зависимости от общества и исторического периода.

В связи с этим в обществе, помимо биологических различий, возникает разделение на гендерные роли — социально закрепленные ожидания относительно поведения, внешности и эмоциональных качеств мужчин и женщин. Мужские роли традиционно воспринимаются как более значимые, а женские — как второстепенные. Такое неравенство поддерживается через воспитание, культуру и общественные институты. В результате формируются гендерные стереотипы, которые закрепляют эти различия и ограничивают свободу самовыражения и личностного развития. [2]

Термин «стереотип» впервые был предложен У. Липпманом в книге «Общественное мнение». Липпман определял стереотипы как упрощённые и устойчивые схемы восприятия, которые позволяют человеку быстрее ориентироваться в социальной реальности. Они создают предсказуемую картину мира, но одновременно искажают его, фиксируя за группами набор заранее заданных характеристик.

Гендерные стереотипы трактуются как устойчивые социальные представления о чертах, ролях и поведении мужчин и женщин. Они формируются под влиянием культурных норм, в первую очередь патриархата, который закрепляет образ «идеальной женщины» как заботливой, эмоциональной и ориентированной на дом, а мужчину — как сильного и доминирующего. Такое разделение приводит к доминантно-зависимой модели отношений и создает неравные ожидания в семейной, профессиональной и социальной сферах. Стереотипы усиливают различия между группами, игнорируя индивидуальные особенности, и задают жесткие стандарты внешности, поведения и сфер деятельности. В образовательной и профессиональной среде они становятся причиной недооценки женщин, ограничивая доступ к престижным ролям и ресурсам. Даже позитивные стереотипы — например, о женской эмпатии — сужают возможности и обесценивают достижения. [3] Таким образом, гендерные стерео-

отипы, возникая на стыке биологических и культурных факторов, оказывают длительное влияние на социальное восприятие и распределение ролей.

Гендерные стереотипы как социокультурный конструкт менялись в разные исторические периоды, однако длительное время наука использовалась для их оправдания: женскую «природную ограниченность» трактовали как доказательство её предназначения к домашней и репродуктивной сфере. Патриархат закреплял зависимое положение женщин и исключал их из образования, политики и профессиональной деятельности, объясняя это «естественному порядком». В XIX веке началось переосмысление женской роли и формирование «женского вопроса». Появляются первые требования равноправия, развивается женское движение и феминизм. [4, с. 74] В России этот процесс проходит позже, но приводит к появлению женских гимназий, возможности слушать университетские лекции и, наконец, к созданию Бестужевских курсов — первого официального высшего учебного заведения для женщин. Конец XIX века стал периодом значимых достижений: женщины получили доступ к образованию и начали занимать позиции в традиционно «мужских» сферах, что стало важным шагом в разрушении гендерных стереотипов. [5]

«Анна Каренина» — многослойный роман, отражающий жизнь России 1870-х годов. Толстой сочетает две сюжетные линии — историю Анны, нарушившей социальные нормы ради любви, и Левина, ищущего гармонии в семье. Их внутренние миры раскрыты через характерный для Толстого психологизм и сложный синтаксис. Толстой опирался на реальные события, литературные впечатления и общественные настроения эпохи — в частности, рост числа самоубийств в Европе и России. Внешность Анны связана с Марией Гартунг, её судьба — с историей Анны Пироговой; прототипами Вронского и других персонажей считают современных Толстому людей.

Центральным понятием романа становится семья. Писатель показывает патриархальную модель как основу общественного устройства: власть главы семьи, зависимость женщин, ранние браки и отсутствие у женщин прав. Женская роль сводилась к подчинению и домашним обязанностям, что закреплялось законом и культурой. [6] Толстой демонстрирует, как эта система действует через образы Долли и Стивы Облонских: она — самоутверженная хранительница семьи, он — представитель дозволенной мужской свободы. На этом фоне Анна разрывает традиционный порядок, открыто признавая свою любовь к Вронскому. Однако их союз разрушается из-за невозможности выйти за пределы укорененных норм. В романе также подчеркивается жёсткость брачного законодательства: разводы были редкими и трудно осуществимыми. В этих условиях поступок Анны становится не только личным выбором, но и символом протesta против патриархальных ограничений.

Переходя от теоретического рассмотрения гендера и гендерных стереотипов к их художественным репрезентациям, обращаемся к роману Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Анализ произведения позволяет проследить, какие именно стереотипы структурировали женские роли в культуре XIX века.

В романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» женские образы представлены в рамках патриархальной систе-

мы, которая определяет социальные роли женщин через материнство, брак и жертвенность. Анна, Долли и Кити воплощают разные стратегии взаимодействия с этой системой, однако все они сталкиваются с ограничениями, навязанными гендерными стереотипами XIX века.

Анна, нарушив нормы «порядочной женщины», становится объектом общественного осуждения и быстро утрачивает социальный статус, что подчёркивает двойные стандарты: мужская измена приемлема, в то время как женская рассматривается как тяжкое «преступление». Её попытка обрести личную свободу приводит к изоляции, разрыву с семьей и утрате идентичности, демонстрируя невозможность автономного выбора для женщины в патриархальной культуре. Долли, напротив, следует традиционной роли жены и матери. Её жизнь полностью определена домашним трудом и финансовой зависимостью, а жертвенность воспринимается обществом как естественная добродетель. Такая модель подчёркивает стереотип о женщине как хранительнице семейного очага, чьи личные потребности подчинены интересам семьи. Образ Кити показывает, как женская самооценка формируется через «брачный рынок» и мужское одобрение. Её путь от наивной девушки к супруге Левина остаётся внутри традиционной структуры, где женщина реализует себя преимущественно в браке и материнстве.

Анализ романа позволяет выделить ключевые гендерные стереотипы XIX века: ограничение женской автономии, асимметричные моральные нормы, культ жертвенности и зависимость женщины от мужчины или института семьи. Эти модели не только структурировали социальные ожидания эпохи, но и во многом сохраняются в современном обществе, что требует дальнейшего эмпирического анализа.

Для проверки устойчивости гендерных стереотипов, выявленных при анализе романа, было проведено эмпирическое исследование методом онлайн-опроса. В выборку вошли 240 девушек 18–35 лет. Стереотипы были сгруппированы в три категории: распределение семейных и профессиональных ролей, профессиональная дифференциация и стереотипы феминности. Анализ включал количественную обработку частот ответов и качественную интерпретацию открытых комментариев.

1. Стереотипы закрепления семейных и профессиональных ролей в соответствии с полом

Наиболее распространенными оказались установки о «женской ответственности» за дом (80,8 %), необходимости замужества и материнства (78,3 %), а также требование терпимости к мужскому поведению (71,3 %). Эти данные демонстрируют устойчивость патриархальных норм, аналогичных тем, что представлены в «Анне Карениной» через фигуры Долли и Кити.

2. Стереотипы, связанные с различиями в содержании труда и видах профессиональной деятельности

90 % участниц сталкивались с утверждением о «низких водительских навыках у женщин»; 73,8 % — с представлением, что гуманитарные специальности «женские»; 69,6 % — с убеждением, что женщины не подходят для технических профессий. Это свидетельствует о сохраняющемся разделении сфер деятельности по признаку пола.

3. Стереотипы феминности, в соответствии с которыми женщинам приписываются определенные психологические качества и личностные характеристики

Наиболее частыми стали представления о «женской логике» (89,6 %), эмоциональности (87,1 %) и разрушительных образах женской дружбы (83,3 %). Эти установки перекликаются с образом Анны, чьё поведение в романе интерпретируется через призму чувствительности, а не рациональности.

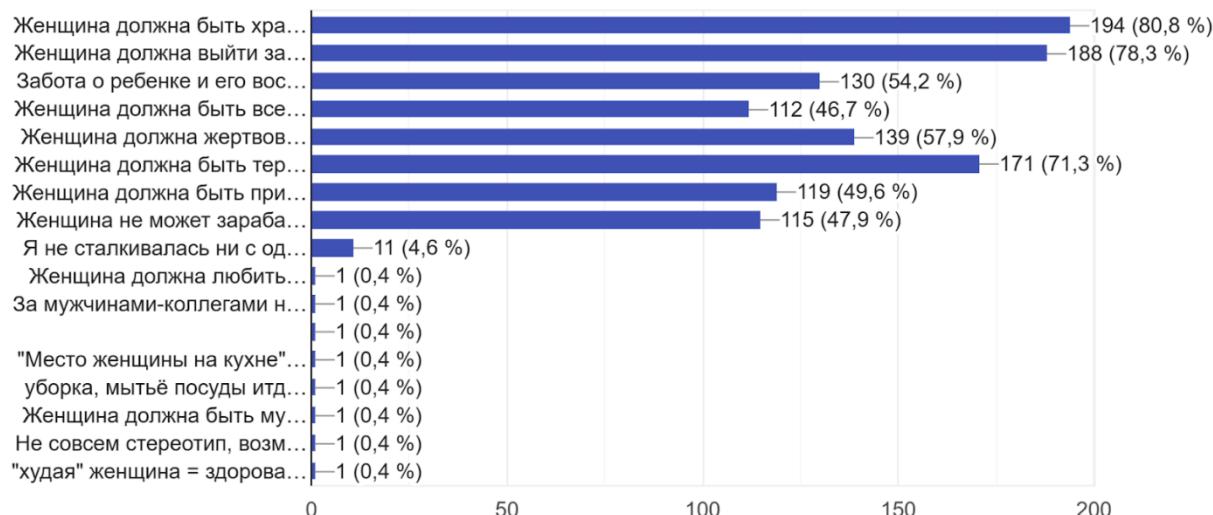
4. Качественные данные

В открытых ответах участницы упоминали также религиозные нормы, контроль внешности, виктимблейминг, а также давление нереалистичных стандартов красоты. Многие описывали последствия стереотипов: снижение самооценки, тревожность, сложности в карьере, внутренние конфликты по поводу материнства и профессионального выбора.

1. Данные категории «Стереотипы закрепления семейных и профессиональных ролей в соответствии с полом»

С какими гендерными стереотипами вышеуказанной категории вы сталкивались?

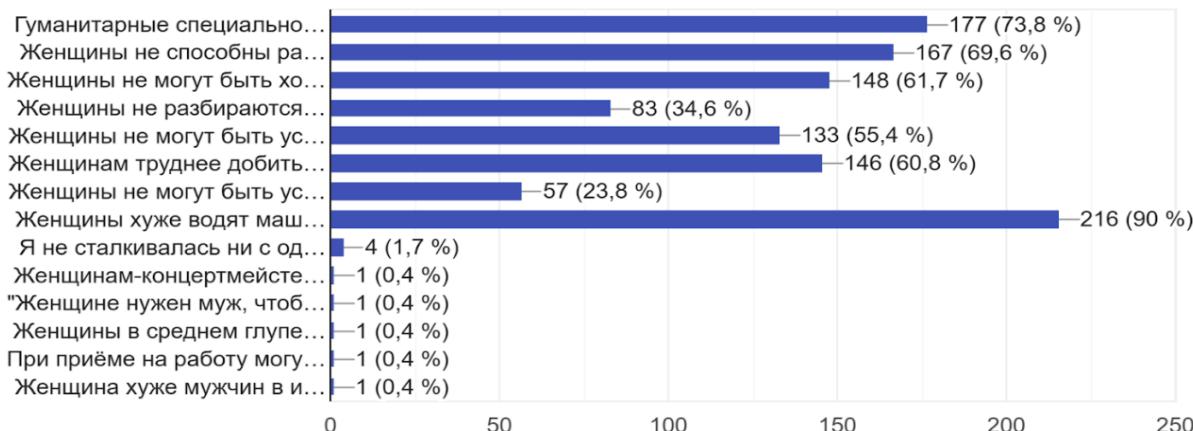
240 ответов

2. Данные категории «Стереотипы, связанные с различиями в содержании труда и видах профессиональной деятельности»

С какими гендерными стереотипами вышеуказанной категории вы сталкивались?

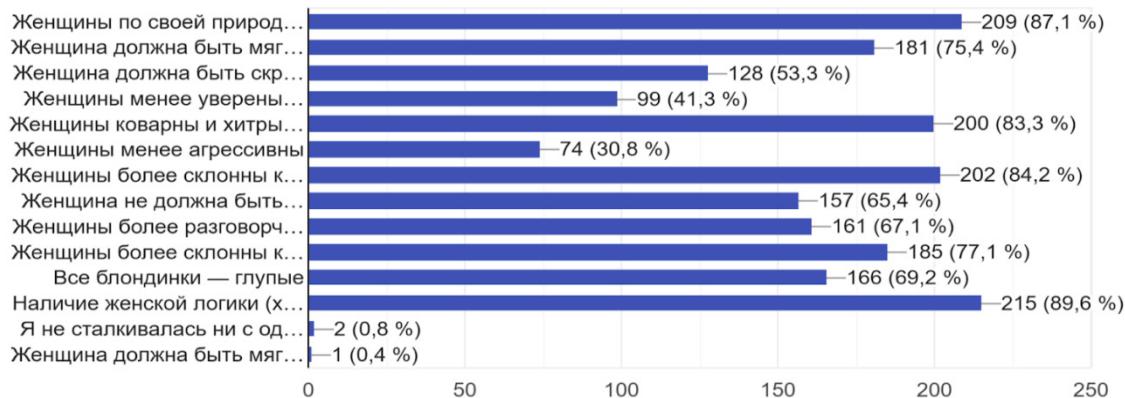
240 ответов

3. Данные категории «Стереотипы феминности, в соответствии с которыми женщинам приписываются определенные психологические качества и личностные характеристики»

С какими гендерными стереотипами вышеуказанной категории вы сталкивались?

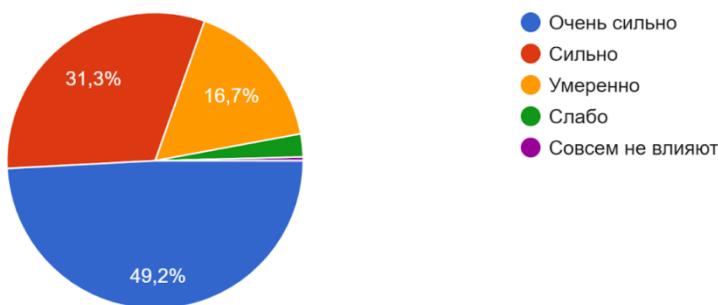
240 ответов

Данные категории «Уровень влияния гендерных стереотипов на жизни женщин в современном мире»

Как вы считаете, насколько сильно гендерные стереотипы влияют на женщин в современном мире?

240 ответов

Данные качественных ответов

5.1.2. Примеры ответов, каким образом гендерные стереотипы влияют на жизни женщин:

- 1) «Женщины и мужчины не отличаются по психологии при рождении, но на нас сильно влияет культура воспитания, поэтому уже во взрослом возрасте мы действительно отличаемся (но это не отменяет того, что есть «сильные» женщины и «слабые» мужчины). И мне, как женщине-ученому (пока молодому, но всё впереди) из-за излишней эмоциональности действительно тяжелее запоминать информацию. Но я не понимаю, это мое природное, независимое от пола, или навязанное, стереотипное. Это реально мешает в профессии: собраться в нужный момент. А ещё я отказалась от своей давней мечты (это только одна из причин, но, тем не менее) — стать хирургом. В медицине женщины буквально выживаются мужчинами из профессии. Мою старшую сестру не могут повысить из-за гендерных предрассудков уже пару лет, а мама из-за отвратительного отношения началь-

ника ушла из медицины вовсе. В хирургии в отношении женщин всё ещё хуже и жестче, это очень удручаает».

- 2) «Уходит свобода. Стереотипы мешают девушкам развиваться и расти в своей жизни как личность и профессионально, просто создают психологическое давление, из-за которого сложно делать то, что нравится, не вспоминая в каком ключе твои действия обсуждают окружающие».
- 3) «До сих пор женщины прибегают к пластическим операциям: подтягивают лицо, накачивают губы, вставляют в своё тело импланты, удаляют нижние ребра, удаляют «горбинку» на носу, удаляют «лишнюю» жировую ткань в своём теле. Это пример того, как девушкам и женщинам навязывают ненужные идеалы, прямо говоря, что если ты отличаешься от таких стандартов красоты, то уродлива. В эту же категорию входит и использование косметики, которая нередко используется для подчеркивания красоты».

4.2 Примеры дополнительных стереотипов, указанных респондентками

- 1) «Мой папа — мусульманин, он максимально хочет, чтобы я следовала их заветам...сказал, что женщина в любой профессии хуже, чем мужчина».
- 2) «Женщина должна носить юбки и обладать длинными волосами. Женщины обязаны регулярно

бриться. Если женщина не пользуется косметикой, она не следит за собой».

- 3) «В изнасиловании виновата женщина, так как она всегда пытается сначала соблазнить мужчину, а потом строит из себя жертву».

ИСТОЧНИКИ:

1. Толстой Л. Н. Анна Каренина: Роман в 8-ми частях. Книга первая. Ч. I— V. — Куйбышев: Кн. изд-во, 1985—576 с.
2. Толстой Л. Н. Анна Каренина: Роман в 8-ми частях. Книга вторая. Ч. VI — VIII. — Куйбышев: Кн. изд-во, 1985—288 с.

ЛИТЕРАТУРА:

1. <https://fem-books.livejournal.com/1945342.html>
2. Виттиг, М. «Прямое мышление и другие эссе» URL http://vittig_izbrannye_esse.pdf/
3. Клюкина, Ю. В. «Гендерные стереотипы внешнего портрета человека» URL <https://cheloveknauka.com/gen-dernye-stereotipy-vneshnego-portreta-cheloveka>
4. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века)/ Ю. М. Лотман. — Москва: Эксмо, 2022. — с. 74.
5. Шабанова, А. Н. «Очерк женского движения в России». — 1996. URL <https://a-z.ru/women/texts/shabnr-1.htm>
6. Ковальчук, Н. М. «Женское» как гендерная проблема в русской литературе и философии XIX-XX вв.». URL <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskoe-kak-gendernaya-problema-v-russkoy-literature-i-filosofii-xix-xx-vv/viewer>

ГЕОГРАФИЯ

Растения в символике англоговорящих стран

Белов Георгий Сергеевич, учащийся 11-го класса

Научный руководитель: Гаркуша Елена Николаевна, учитель английского языка, методист
ГБОУ средняя общеобразовательная школа № 517 с углубленным изучением предметов экономического профиля
Выборгского района г. Санкт-Петербурга

В статье исследуется роль растений в официальной символике англоговорящих стран. На примере множества государств раскрываются исторические, культурные и экономические причины, по которым то или иное растение становится национальным символом, отражающим дух и идентичность нации. Материал будет особенно полезен учащимся, интересующимся страноведением, культурологией.

Ключевые слова: растения, символы, страны.

Введение

Государственная символика — это не просто яркие картинки на флагах и гербах. Это сложный язык, на котором страна рассказывает о своей истории, ценностях и устремлениях. Особое место в этом визуальном повествовании занимают растения. Часто, глядя на герб или флаг, мы видим изображения растений, не задумываясь об их глубоком смысле. За каждым таким символом скрывается увлекательная история, легенда или важная экономическая причина. Почему роза является эмблемой Англии, а клен украшает флаг Канады? Как скромный чертополох смог стать гордым символом Шотландии? Ответы на эти вопросы позволяют не только лучше понять культуру других народов, но и расширить свой кругозор, увеличить уровень знания культуры.

Цель данной статьи — понять принципы, по которым растения становятся живыми символами англоговорящих стран и какие истории стоят за этим выбором, изучить значение растений в символике англоговорящих стран.

В ходе исследования были проанализированы страны, в которых английский язык является официальным, а именно Великобритания, Ирландия, Пакистан, Индия, Шри-Ланка, Филиппины, Сингапур, Новая Зеландия, Эритрея, Папуа-Новая Гвинея, Сьерра-Леоне, Руанда, Зимбабве, Камерун, Австралия, Гана, Уганда, Канада, Кения, Судан, Танзания, ЮАР, Нигерия, США.

1. Почему растения становятся символами?

Растения попадают на гербы, флаги и в список национальных символов далеко не случайно. Можно выделить несколько ключевых причин, которые часто работают вместе.

1. Исторические события. Растение может стать немым свидетелем и напоминанием о важной битве, периоде правления или основании государства. Оно превращается в «зеленый памятник», который народ чтит из поколения в поколение. Классический пример — война Алой и Белой розы в Англии, подарившая стране символ в виде красно-белой розы Тюдоров. Другой пример — оливковая ветвь на гербе Эритреи, символизирующая долгожданный мир, обретенный после многолетней и кровопролитной борьбы за независимость.
2. Культурные и религиозные традиции. Многие растения тесно связаны с местными верованиями, мифами и легендами. Трилистник (клевер) в Ирландии, согласно преданию, использовал Святой Патрик для объяснения концепции Святой Троицы. Лотос в Индии и Шри-Ланке является священным цветком в буддизме и индуизме, символизирующим чистоту, мудрость и просветление, ведь он рождается в мутной воде, но остается незапятнанным. В Пакистане жасмин, часто используемый в церемониях и украшениях, ассоциируется со скромностью и дружбой.
3. Экономическая значимость. Растения, составляющие основу экономики и благосостояния страны, часто удостаиваются чести стать её символом. Например, гвоздика изображена на гербе Танзании, так как она долгое время была важнейшей экспортной культурой, определившей экономическое развитие Занзибара. Хлопчатник в Уганде и могучее хлопковое дерево в Сьерра-Леоне также подчеркивают аграрную и торговую направленность

этих стран. Кофейный куст и сорго на гербе Руанды красноречиво говорят о том, что является основой сельского хозяйства этого государства.

4. Природное своеобразие. Некоторые растения произрастают только на определенной, часто ограниченной, территории, и потому закономерно становятся её уникальным символом, предметом особой гордости. Серебристый папоротник — гордость Новой Зеландии, а золотая акация — коренной житель Австралии. Голубая орхидея, редкий и прекрасный цветок Папуа-Новой Гвинеи, символизирует уникальное биологическое разнообразие этой островной нации.
5. Символические качества и национальный характер. Растения могут в метафорической форме олицетворять характер или стремления нации. Шотландцы видят в цепком, колючем и неуязвимом чертополохе отражение своего стойкого, непокорного и независимого нрава. Роза пустыни (импальская лилия) в Гане символизирует невероятную способность цвети и процветать даже в самых засушливых и суровых условиях, что отражает стойкость ганского народа.

2. Некоторые примеры растений-символов

Рассмотрим подробнее некоторые из самых ярких растительных символов.

Англия: Роза. Этот, казалось бы, утонченный символ родился в междуусобной борьбе. В XV веке после Войны Алой и Белой розы между династиями Ланкастеров и Йорков Генрих Тюдор объединил оба цветка в одну эмблему. Сегодня эту розу можно увидеть увидеть на монетах королевских лейб-гвардейцев и стражей, на монетах и гербе британской королевской семьи.

Шотландия: Чертополох. История этого символа доказывает, что значение имеет не красота, а поступок. Согласно легенде, в XIII веке вторгшиеся викинги попытались ночью тайно подобраться к спящему шотландскому лагерю. Один из воинов наступил босой ногой на чертополох и вскрикнул от боли. Поднятая тревога позволила шотландцам дать отпор врагу и одержать победу. С тех пор колючий чертополох стал символом стойкости, бдительности и нестигающейся несгибаемости.

Ирландия: Трилистник (клевер). Этот символ неразрывно связан с именем Святого Патрика, покровителя Ирландии. Легенда гласит, что он использовал три листа на одном стебле для объяснения язычникам идеи Святой Троицы — Отца, Сына и Святого Духа. Трилистник стал не только религиозным, но и культурным символом ирландской идентичности. Ежегодно 17 марта в День Святого Патрика миллионы людей по всему миру прикалывают его к одежде.

Уэльс: Лук. Этот необычный символ имеет древние корни. Согласно одной из легенд, Святой Давид, покровитель Уэльса, посоветовал кельтским воинам прокрепить к шлемам лук-порей, чтобы отличать своих от врагов в бою. Эта тактика привела их к победе. Позже, в битвах Столетней войны, валлийские лучники, носившие зеленую одежду цвета лука, прославились своей доблестью, окончательно закрепив за растением статус национального символа.

Индия и Шри-Ланка: Лотос. Этот цветок занимает центральное место в культуре и религии региона. Он олицетворяет чистоту, мудрость, духовное пробуждение и процветание. Философский смысл лотоса заключается в его способности оставаться чистым и прекрасным, прорастая сквозь мутную воду. В практическом плане лотос также широко используется в индийской кухне, медицине и даже в строительстве — знаменитый Храм Лотоса в Дели повторяет его форму.

Сингапур: Орхидея. Выбор этого цветка в 1981 году был глубоко символичен. Её жизнестойкость и способность цвети круглый год практически без отдыха были истолкованы как отражение стремления Сингапура к постоянному прогрессу и преодолению трудностей. Сегодня её изображение можно встретить на банкнотах, почтовых марках и сувенирах.

Новая Зеландия: Серебристый папоротник. Это уникальное растение, нижняя сторона листьев которого светится в лунном свете, служило естественным маяком для воинов маори, ведущих ночные переходы. Позже его изображение переняли солдаты-европейцы, а сегодня оно красуется на форме национальных спортивных команд, в частности, регбистов «All Blacks», и является неофициальной, но всеми признанной эмблемой страны.

Филиппины: Сампагита. Этот вид жасмина, обладающий тонким, ароматом, стал символом чистоты, простоты и силы. С ним связана красивая и печальная легенда о любви юноши по имени Сампа и девушки Гиты, что придает цветку романтический ореол. Сампагита широко используется для создания гирлянд, которые дарят в знак приветствия, уважения и дружбы.

Канада: Кленовый лист. История этого символа уходит корнями в быт первых поселенцев и коренных народов. Сахарный клен, из сока которого производят знаменитый кленовый сироп, был жизненно важным ресурсом. В 1965 году стилизованный красный кленовый лист занял центральное место на новом государственном флаге, став одним из самых узнаваемых символов в мире.

ЮАР: Протея королевская. Это удивительное растение с крупными, цветами является примером удивительного приспособления к засушливому климату. Протея — важный медонос, а её выносливость и яркая, экзотическая красота символизируют разнообразие, стойкость и уникальность природы Южно-Африканской Республики.

Сьерра-Леоне: Хлопковое дерево. С этим гигантским деревом связана легенда об основании столицы страны, Фритауна («Города Свободы»). Согласно преданию, в 1792 году под его сенью расположились лагерем освобожденные африканские рабы, вернувшиеся на континент. Дерево, стоящее и поныне, является мощным символом свободы, надежды и возрождения.

Танзания: Гвоздика. Танзания, особенно остров Занзибар, известна своим производством гвоздики, которая была одной из первых экспортных культур региона. В 19 веке гвоздика стала важным товаром на международных рынках, и её выращивание способствовало экономическому развитию страны.

США: Роза. Интересно, что этот общенациональный символ был официально утвержден лишь в 1986 году по

решению Конгресса. Роза была выбрана как многогранный символ: она олицетворяет красоту, жизнь, любовь и преодоление трудностей. В 1913 году при Белом доме был разбит Розарий, что подчеркивает давнюю любовь американцев к этому цветку.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что растения в символике англоговорящих стран — это не просто случайные украшения. Они носят важное значение, в них запечатлены история, культура, экономика и дух народа стран. От розы, напоминающей о феодальных войнах в Англии, до скромного клевера, ставшего символом веры в Ирландии, и до экономически значимой гвоздики

в Танзании — каждый символ рассказывает свою уникальную историю.

Эти «зеленые гербы» служат мостом между прошлым и настоящим, объединяя людей под общим знаком, понятным без перевода. Они напоминают о важных уроках истории и о том, что даже в суровых условиях можно процветать, как роза пустыни в Гане.

Изучение этих символов помогает нам лучше понять мировоззрение народов, их ценности и традиции. В следующий раз, увидев изображение растения на гербе или флаге, вы сможете разгадать заложенный в нем глубокий смысл, что сделает ваше знакомство с миром еще более интересным, осознанным и полным открытий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Большой иллюстрированный атлас мира. — Москва: АСТ, 2018. — 256 с.
2. Королева, Ю. Цветочные символы королевства. Почему Шотландия выбрала себе чертополох, а жители Ирландии трилистник? [Электронный ресурс]. URL: <https://s30077297374.mirlesen.ru/blog/43356238102/TSvetochnye-simvolyi-korolevstva.-Pochemu-SHotlandiya-vyibrala-> (дата обращения: 12.11.2024).
3. Пакистанский национализм в эмблемах, символах и метафорах [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.astromeridian.ru/magic/what-does-the-jasmine-flower-symbolize.html> (дата обращения: 18.12.2024).
4. Лотос — Индия [Электронный ресурс]. — URL: <https://indiastyle.ru/blog/travels/lotos> (дата обращения: 25.01.2025).
5. Филиппины [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.astromeridian.ru/> (дата обращения: 15.02.2025).
6. Орхидея — символ республики Сингапур [Электронный ресурс]. — URL: <https://orchidea-shop.ru/novosti/orhideya---simvol-respubliki-singapur> (дата обращения: 03.12.2024).
7. Как выглядит символ Новой Зеландии? [Электронный ресурс]. — URL: <https://fb.ru/article/296943/kak-vyiglyat-simvol-novoy-zelandii> (дата обращения: 10.03.2025).
8. Eritrean Symbols of Many Colors [Электронный ресурс]. — URL: <https://awate.com/eritrean-symbols-of-many-colors/> (дата обращения: 22.01.2025).
9. What is the National Flower of Papua New Guinea? Meaning and Symbolism [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.symbolicmeaningoffaflower.com/meaning/what-is-the-national-flower-of-papua-new-guinea-meaning-and-symbolism/> (дата обращения: 08.02.2025).
10. 7 удивительных деревьев [Электронный ресурс] // Культурология. — URL: <https://kulturologia.ru/blogs/130914/21440/> (дата обращения: 29.11.2024).
11. Flag of Rwanda [Электронный ресурс] // Encyclopedia Britannica. — URL: <https://www.britannica.com/topic/flag-of-Rwanda> (дата обращения: 14.03.2025).
12. Герб Руанды [Электронный ресурс] // Votpusk.ru. — URL: <https://www.votpusk.ru/article/ruanda/gerb-ruandy> (дата обращения: 14.03.2025).

ЭКОНОМИКА

Энергоэффективность термомешка для запекания овощей в микроволновке по сравнению с варкой в кастрюле

Баимаков Глеб Денисович, учащийся 8-го класса

*Научный руководитель: Сакевич Валерий Николаевич, доктор технических наук,
педагог дополнительного образования*

ГУО «Октябрьская средняя школа Витебского района имени Героя Советского Союза Ивана Павловича Соболева» (Беларусь)

В статье исследуется энергоэффективность термомешков по сравнению с варкой в кастрюле, а также сценарии выхода на рынок со стартапом по производству термомешков.

Ключевые слова: термомешок, запекание, микроволновка, энергоэффективность, стартап

В современном мире, когда темп жизни неуклонно растет, микроволновая печь стала незаменимым помощником на кухне. Она позволяет быстро разогревать, размораживать и даже готовить разнообразные блюда. Однако зачастую при запекании овощей в микроволновке мы сталкиваемся с проблемой неравномерного прогрева, пересушивания или потери полезных веществ. Решить эти проблемы позволяет термомешок, который создает оптимальные условия для запекания, сравнимые с условиями в духовой печи. Термомешок — это по сути небольшой парничок для микроволновки, созданный из термостойкой ткани, способной выдерживать высокие температуры и удерживать влагу. Внутри мешка создается эффект сауны, благодаря чему овощи готовятся в собственном соку, сохраняя все витамины и минералы. Особая структура сэндвича ткани для мешка обеспечивает равномерное распределение тепла, исключая возможность перегрева отдельных участков. В условиях стремления к импортозамещению и развитию отечественного производства структура сэндвича термомешка для запекания овощей в микроволновке разработана на основе отечественных тканей [1]. Это позволило не

только снизить зависимость от импорта, но и создать продукт, максимально адаптированный к потребностям отечественного потребителя.

Целью данной работы является исследование энергоэффективности термомешков для приготовления овощей и сценариев выхода на рынок стартапа по производству термомешков из отечественных материалов, обеспечивающих высокое качество приготовления и доступную цену.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- Провести анализ энергоэффективности термомешка и варки в кастрюле.
- Исследовать перспективы внедрения термомешков в производство (стартап).

Энергоэффективность термомешка и варки в кастрюле

В таблице 1 представлены исходные данные для оценки энергоэффективности термомешка по сравнению с традиционным способом приготовления — варкой в кастрюле на индукционной или керамической электроплитке.

Таблица 1. Исходные параметры

Параметры	Микроволновка + термомешок	Варка в кастрюле (индукционная или керамическая плита)
Масса картофеля	0,8 кг	0,8 кг
Мощность	800 Вт	2000 Вт
Время приготовления	6 минут	40 минут = 0,67 часа
Энергопотребление	0,08 кВт·ч	1,34 кВт·ч

Экономический эффект

При тарифе 0,2838 BYN за кВт·ч:

- стоимость приготовления в термомешке — 2,84 копейки;
- стоимость варки в кастрюле — 38 копеек;
- экономия на одной готовке — 35,2 копейки.

Вывод

Использование термомешка для приготовления картофеля значительно эффективнее по всем параметрам:

- энергопотребление снижено на 94 %;**
- время приготовления сокращено в 6,7 раза;**
- экономическая выгода очевидна** при каждом использовании;
- сохраняются питательные вещества;
- минимум воды и теплопотерь;
- простота очистки и использования.

Комбинация «микроволновка + термомешок» является одним из самых энергоэффективных способов приготовления подобных блюд.

Преимущества термомешка очевидны.

Во-первых, это скорость. Приготовление овощей занимает считанные минуты, значительно экономит время, что особенно ценно в условиях современного ритма жизни. Термомешок избавляет от мытья лишней посуды, он прост в уходе, легко стирается.

Во-вторых, это простота использования. Не требуется никаких сложных настроек или специальных навыков. Нужно просто поместить овощи в мешок, закрыть его и положить в микроволновку.

В-третьих, это здоровье. Отсутствие масла и минимальное время приготовления позволяют сохранить максимум полезных веществ.

Таблица 2. Оценка объемов продаж и выручки

Сценарий	Доля охвата	Кол-во домохозяйств	Объем продаж, шт.	Выручка (10 BYN/шт), тыс. BYN
Консервативный	5 %	$3\ 907\ 000 \times 0,05 = 195\ 350$	195 350	1953,5
Базовый	10 %	390 700	390 700	3907
Агрессивный	20 %	781 400	781 400	7814

Расчет прямой прибыли (без учета прочих издержек: логистика, персонал, маркетинг) представлен в таблице 3.

Методика:

И наконец вкус. Овощи получаются сочными, ароматными и невероятно вкусными, как будто только что с грядки.

Стоит также отметить и бюджетную стоимость.

Перспективы внедрения термомешков в производство (стартап)

Оценка потенциального числа домашних хозяйств:

- население Республики Беларусь в январе 2025 года — 9 030 000 человек;
- средний размер домохозяйства — 2,31 человека;
- число домашних хозяйств — $\approx 9\ 030\ 000 \div 2,31 \approx 3\ 907\ 000$.

Сценарии проникновения на рынок

По классической модели S-образного распространения новинок Эверетта Роджерса люди принимают новую идею или продукт не одновременно, а поэтапно, образуя несколько категорий (сегментов) потребителей с разной склонностью к новшествам [2]. Эта модель распространения новинок представлена Э. Роджерсом в его фундаментальной работе Diffusion of Innovations, где описывается процесс диффузии инноваций как S-образная кривая, отражающая этапы от медленного начального принятия до насыщения. Модель основана на эмпирических данных и учитывает разные категории потребителей (инноваторы, ранние последователи и т. д.), что делает ее ключевой в экономике инноваций. Для оценки примем три сценария годового охвата домохозяйств покупкой хотя бы одного термомешка (табл. 2):

- консервативный (5 % домохозяйств);
- базовый (10 % домохозяйств);
- агрессивный (20 % домохозяйств).

Таблица 3. Расчет прямой прибыли

Сценарий	Объем продаж, шт.	Себестоимость материала, тыс. BYN	Валовая прибыль, тыс. BYN
Консервативный	195 350	$195\ 350 \times 3,5 = 683,7$	$1953,5 - 683,7 = 1269,8$
Базовый	390 700	1367,5	2539,5
Агрессивный	781 400	2735	5079

Конкурентное преимущество

Цены на импортные китайские термомешки на Wildberries стартуют от 15 BYN, что почти в 1,5 раза дороже, чем наша отпускная цена (10 BYN). Это позволяет производителю предложить ретейлерам более выгодные условия закупки и конкурентную цену конечному потребителю.

Выводы о рентабельности

— Даже в консервативном сценарии (5 % охвата) годовая валовая прибыль (~1,27 млн BYN) при относительном отсутствии капитальных вложений под серийное производство (если фабрика уже налажена) делает проект экономически целесообразным.

- При выходе на базовый сценарий (10 %) валовая прибыль ≈ 2,54 млн BYN в год позволит покрыть маркетинговые, логистические и административные расходы и получить чистый доход.
- В агрессивном сценарии (20 %) выручка и прибыль растут пропорционально объемам — возмо-

жен быстрый рост бизнеса при наличии каналов дистрибуции.

- Итог: при умеренных объемах сбыта и контроле постоянных издержек производство термомешков в Беларуси представляется выгодным бизнес-проектом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Башмаков, Г. Д. Разработка структуры сэндвича термомешка для запекания овощей в микроволновке / Г. Д. Башмаков, В. Н. Сакевич. — Текст: непосредственный // Юный ученый. — 2025. — № 6 (91). — URL: <https://moluch.ru/young/archive/91/5056/> (дата обращения 11.11.2025).
2. Rogers, E. M. Diffusion of Innovations / E. M. Rogers. — 5th ed. — New York: Free Press, 2003. — URL: <https://archive.org/details/diffusionofinnov00roge/mode/2up> (дата обращения: 03.12.2025).

Экономическая эффективность кролиководства в личном подсобном хозяйстве

Глушиев Артём Евгеньевич, учащийся 9-го класса

*Научный руководитель: Дудина Татьяна Владимировна, учитель математики
КОГОБУ СШ пгт Даровской (Кировская область)*

В личном подсобном хозяйстве сельского жителя можно увидеть и крупный рогатый скот, и овец, и коз, и поросят, но есть среди них и милые, забавные зверушки — кролики. Разведение кроликов позволяет решить одну из проблем, а именно обеспечение ценным диетическим мясом сельских жителей, особенно детей. Для улучшения здоровья важно правильное питание. Кролики при правильном содержании могут стать выгодными и полезными для сельского населения. В чем же заключается экономическая эффективность кролиководства в личном подсобном хозяйстве?

Экономическая эффективность — это величина, определяемая соотношением полученных результатов деятельности человека, производства продукции (товаров или услуг) и затрат труда и средств на производство.

Для расчета эффективности необходимо рассчитать затраты на кролиководство в личном подсобном хозяйстве и экономическую выгоду (прибыль) от данного направления домашнего хозяйства [3].

Экономическая эффективность промышленного кролиководства во многом зависит от масштабов производства мяса кроликов и финансовых возможностей потенциальных инвесторов. Например, по расчетам компании Eurabbitech, которая занимается проектированием, поставкой и строительством ферм промышленного интенсивного кролиководства по всему миру, для России оптимальны кроликфермы с поголовьем от 1000 до 7000 особей.

Представим развернутую характеристику современного кролиководства с точки зрения его производственной эффективности:

- 1) забойный возраст кролика составляет всего 90 дней;
- 2) средний забойный вес животного 2,7–2,8 кг;
- 3) выход мяса в продуктах убоя составляет около 1,6 кг;
- 4) цикл производства продукции всего 49 дней (семинедельный производственный цикл);
- 5) средняя способность самок приносить потомство 80 %;
- 6) способность самок приносить потомство с четырех месяцев;
- 7) естественный падеж молодняка до 20 % от всего приплода.

При оценке эффективности кролиководства в личном подсобном хозяйстве учитываются некоторые параметры.

В таблице 1 рассчитан суточный рацион кормления кроликов с указанием потребностей в кормах у кроликов различных половозрастных групп, которые имеют значительные отличия.

Рацион кормления кроликов разделен на два периода: летний и зимний. Корма в зависимости от периодов содержания различаются.

Для расчета общей потребности в кормах по периодам всех половозрастных групп кроликов рассчитана таблица 2 «Расчет потребности в кормах на 1 голову содержания кроликов по периодам и за год». Содержание кроликов в летний период — 155 дней, в зимний период — 210 дней. Затраты по кормам на год рассчитываются только по племенным самцам и самкам. Молодняк кроликов на мясо набирает забойную массу за 5 месяцев, поэтому затраты на его содержание не рассчитывают-

ся. Для формирования затрат по кормам молодняка используется среднегодовой показатель. Например, если 1 голова молодняка за лето съедает 9,2 кг концентратов, а зимой 10,8 кг, то за год это в среднем составит 10 кг [1].

В графе «Поголовье» таблицы 2 указано фактическое поголовье всех половозрастных групп, для удобства объединенное лишь в три группы: самцы, самки, кроли-

ки — молодняк. Для расчета из таблицы 1 использованы усредненные показатели суточного рациона кормления кроликов. Потребность же в кормах рассчитана фактически на 1 голову кроликов всех групп поголовья. А при расчете затрат на корма всего поголовья за год, данные нормы расхода кормов умножаются на фактическую численность кроликов каждой возрастной группы.

Таблица 1. Суточный рацион кроликов (в граммах)

Кролики	Возраст, ме-сяцев	Вес, кг.	Летом		Зимой		
			Зеленый корм	концентраты	сено	Сочные корма	концентраты
Самцы	x	4–4,5	850–900	40	150	200	50
Самки сукрольные	x	4	600–700	65–70	170	200	90
Самки поносные	x	4	1000–1100	100–110	250	300	100
Крольчата	1–2		250–300	30–40	60–70	130–150	40–50
Молодняк	2–3	2–3	350–400	45–50	80–90	200	60
Молодняк	3–4	3–4	600	80	120	250	90
Молодняк	4–5	4–4,5	700	90	140	300	100

Таблица 2. Расчет потребности в кормах на 1 голову содержания кроликов по периодам и за год

Пого-ловье	Ед. из м	Летом (155 дней)		Зимой (210 дней)			За год			
		Зеленые корма	Концен-траты	Сено	Сочные корма	Концен-траты	Зеленые корма	Сено	Сочные корма	Концентраты
Самцы 1 гол	Кг	139	6,2	31,5	42,0	10,5	139	31,5	42,0	16,7
Самки 4 гол	Кг	155	15,5	21,0	42,0	13,6	155	21,0	42,0	21,9
Кролики-мо-лодняк 90 гол.	Кг	69	9,2	15,1	37,7	10,8	69	15,1	37,7	(9,2+10,8)/2=10,0

В личном подсобном хозяйстве при разведении кроликов используется клеточная система содержания, т. е. поголовье кроликов, содержится в клетках, сделанных из досок и металлической сетки. На дверки навешиваются съемные кормушки и поилки [3].

Рацион кормления состоит в основном из сена, травы, корнеплодов, зерна. Корма скармливаются за два раза, утром и вечером.

От взрослых самок за год получаем по 3–5 окролов. В среднем в одном помете крольчиха приносит 5–8 крольчат. Риском может быть гибель всего помета. За год выращиваем 10–15 голов кроликов. О результатах выращивания кроликов в хозяйстве нашей семьи можно судить по данным, приведенным в таблице 3.

Таблица 3. Результаты по выращиванию кроликов в хозяйстве нашей семьи за 2022–2025 годы

№ п/п	Показатель	год			
		2022	2023	2024	2025
1	Количество основных самок	1	3	4	4
2	Выращено молодняка	4	5	13	0
3	Реализовано на мясо	10 кг	14 кг	40 кг	0

Анализируя данные таблицы, мы пришли к выводу, что с увеличением поголовья основных самок, увеличиваются все другие показатели таблицы. Прежде всего,

в результате правильного содержания, кормления и ухода за кроликами. С каждым годом наша семья все больше получает калорийного и питательного мяса [2].

Нами так же проведен расчет потребности в кормах на одного кролика в зависимости от сезона.

Таблица 4. Расчет потребности в кормах на одного кролика

Корм	За месяц	За зиму	За лето
Картофель	$150 \times 30 = 4\ 500$	$4\ 500 \times 8 = 36\ 000$	-
Сено	$100 \times 30 = 3\ 000$	$3\ 000 \times 8 = 24\ 000$	-
Зерно	$30 \times 30 = 900$	$900 \times 8 = 7\ 200$	
ИТОГО 115 200 г			
Травы	$500 \times 30 = 15\ 000$	-	$15\ 000 \times 4 = 60\ 000$
Зерно	$30 \times 30 = 900$	-	$900 \times 4 = 3\ 600$
ИТОГО 63 600 г			
ИТОГО за год 178 800 г кормов			

Расчёт показал, что зимой расход кормов увеличивается в 2 раза. Поэтому, рекомендуем в зимний период поголовье кроликов сократить до минимума, весной и в начале лета увеличить поголовье самок и организовать дружные окролы, которые, вырастив, можно реализовать до наступления холода.

В заключении можно выделить:

- к основным биологическим особенностям кроликов относятся их высокие скороспелость и плодовитость; отсутствие сезонности в раз-

множении, питании, высокая интенсивность роста, крольчонок удваивает вес к 6 дням, а к 30-дневному возрасту, он увеличивает живой вес в 10–12 раз;

- они неприхотливы в уходе, доставляют нам немало удовольствия, любят общение и внимание;
- расходы на содержание кроликов существенно ниже по сравнению с кошками, собаками и другими домашними животными и имеют высокую экономическую выгоду.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Александров, В. А. Разведение кроликов / В. А. Александров. — Москва: Лик-пресс, 2001. — 256 с.
2. Сысоев, В. С., Александров В. Н. «Кролиководство» — Москва: Агропромиздат, 1985. — 268 с.
3. Технологические основы производства и переработки продукции животноводства: Учебное пособие / под ред. В. И. Фисина, Н. Г. Макарцева. — М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2003.- 808 с.
4. Кролики. — Текст: электронный // Знай Ферму: [сайт]. — URL: <https://znaifermu.ru/kroliki> (дата обращения: 24.11.2024).

Обоснованность выбора бизнес-идеи как залог успеха в реализации бизнес-проекта на практике

Конюхов Иван Дмитриевич, учащийся 6-го класса

МБОУ СОШ № 75/62 г. Пензы имени Героя Советского Союза А. И. Мереняшева (г. Пенза)

Научный руководитель: Крапчина Людмила Николаевна, кандидат экономических наук, доцент
Пензенский государственный университет

Ключевые слова: бизнес-идея, бизнес-проект, клининговые услуги, чистая прибыль, срок окупаемости.

Начало предпринимательской деятельности связано с решением не менее важных из множества прочих вопросов: «что производить?», «для кого производить?» и «как производить?». Эти вопросы объединяются в бизнес-идее предпринимателя. От того, насколько обоснованной будет бизнес-идея, во многом зависит реализуемость бизнес-проекта на практике,

а также в целом успех выбранного направления предпринимательской деятельности.

Бизнес-идея выступает отправной точкой, с которой начинается бизнес-проект, новое предприятие, новое дело, новая услуга или товар. Бизнес-идея — это концепция бизнеса, определяющая ценности, необходимые потребителю. Генерирование идей — это первый и очень

важный этап бизнес-процесса, от которого зависит будущий бизнес начинающего предпринимателя. Можно использовать целый ряд специальных методов, которые помогают генерировать и оценивать бизнес-идеи, например, «мозговой» штурм, структурирование мыслей, анализ отдельных сегментов рынка и др.

При формулировании бизнес-идеи предприниматели должны уметь четко представлять выгоду потребителя. Бизнес-идея имеет реальное экономическое значение, когда потребители хотят купить продукт или услугу. Кроме этого при формулировании бизнес-идеи необходимо показать механизм получения дохода и какой ожидается его размер [3, с. 27].

В целом бизнес-проект должен содержать ответы на следующие вопросы: какая сумма денег и для чего необходима, когда она будет возвращена, с какой доходностью, каковы риски и гарантии [1, с. 15]. Основные разделы, которые, как правило, включает в себя бизнес-план как составная часть бизнес-проекта следующие: резюме; описание предприятия; описание продукта; анализ рынка; производственный план; финансовый план. Различные виды деятельности требуют различных горизонтов планирования. Длительный горизонт планирования характеризуется высокой степенью неопределенности и менее привлекателен для инвестора. Рекомендуется проводить разработку бизнес-проекта на период превышающий срок окупаемости инвестиций на один год. Оптимальным расчетным периодом является три года, при этом первый и второй годы реализации проекта необходимо представлять с разбивкой по месяцам, третий год — по кварталам [2, с. 23]. Важное значение при разработке производственной программы имеет детальное изучение особенностей вида деятельности, технологии производства товара или оказания услуги (выполнении работ).

В качестве примера можно рассмотреть бизнес-идею оказания клининговых услуг, очень востребованных в настоящее время. В России в 2025 году по сравнению с предыдущим 2024 годом спрос на клининговые услуги вырос на 21 %, число чеков — на 16 %, рост среднего чека составил 13 %, в среднем до 3,4 тыс. руб. Популярности этих услуг способствует в том числе цифровизация экономики — мобильные приложения и онлайн-платформы упростили доступ к клининговым услугам и привлекли дополнительную аудиторию. Кроме того, услугами клининга активнее стали пользоваться корпоративные заказчики.

В 2024 году на российский рынок вышли шесть тысяч новых компаний и индивидуальных предпринимателей, предлагающих клининг, что свидетельствует о серьезной конкуренции. Этот факт определяет относительную стабильность цен на услуги у отдельных компаний, однако из-за инфляции издержек цены стремятся вверх, кроме того, рост спроса в передновогодний период способствует росту цен на 50 % [4, 5]. Все это необходимо учитывать при разработке бизнес-обоснования организации клининга.

Сформулированной нами бизнес-идее лежит такая модель: цель — конечный результат — экономический эффект. Цель заключается в разработке экономического обоснования организации оказания клининговых услуг в городе с численностью населения около пятисот человек при сложившейся структуре рынка (с учетом конкурентов). Конечный результат предполагает разработку комплекса конкурентоспособных предложений потребителю клининговых услуг.

Экономический эффект определен с учетом объема предлагаемых клининговых услуг, дохода от их оказания, первоначальных вложений и текущих затрат. Так, номенклатура услуг на этапе внедрения проекта включает в себя генеральные уборки, уборки офисных помещений и химчистку мебели и ковровых покрытий. Общая сумма выручки за первый год реализации проекта составит 4725 тыс. руб., первоначальные вложения в основные средства 1668,2 тыс. руб., сумма текущих затрат, включающая прямые затраты (заработную плату с отчислениями, расходные материалы, инвентарь, СИЗ и ГСМ, прочие) и косвенные затраты (аренда помещения, маркетинг и пр.) 3675 тыс. руб.

Сумма чистой прибыли в первый год реализации проекта с учетом уплаты налога (6 % от совокупного дохода по упрощенной системе налогообложения) составит 766,5 тыс. руб. В результате экономическая эффективность от претворения в жизнь сформулированной нами бизнес-идее, обоснованной расчетами бизнес-проекта, рассчитанная через показатель рентабельности продаж, составит 16,2 %, простой срок окупаемости первоначальных вложений — 2,2 года.

В заключение следует сказать, что данная бизнес-идея требует дополнительных расчетов с учетом разработки предложений по усилению конкурентоспособности предлагаемых услуг, определению точки безубыточности и в зависимости от ее значения корректировки номенклатуры и объема предлагаемых клининговых услуг.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Крапчина, Л. Н. Некоторые аспекты бизнес-проектирования в обосновании инвестиционных проектов для аграрного сектора экономики // Экономика и общество в условиях новой реальности: материалы международной научн.-практич. конфер., май 2023 г., Ч. I. — Астана, 2023. — URL: <https://repository.kazatu.kz/jspui/handle/123456789/2011>
2. Крапчина, Л. Н. Проектная деятельность студентов в области актуализации переработки твердых отходов производства и защиты окружающей среды [Текст] / Л. Н. Крапчина // Православие, молодежь и зеленое образование: сборник материалов научн.-практич. конферен. — Ставрополь: РИО ИДНК, 2015. — с. 22–25.
3. Шкурко, В. Е. Бизнес-планирование в предпринимательской деятельности: учеб. пособие / В. Е. Шкурко, Н. Ю. Никитина. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. — 172 с.
4. Юсупов, Н. Как будет развиваться рынок клининга в краткосрочной перспективе. — URL: <https://rg.ru/2025/09/16/reg-cfo/uborochnaia-v-ofise.html>.
5. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7755385>.

Разработка контейнерных терминалов трассы М-12 «Восток»

*Лотник Злата Юрьевна, учащаяся 10-го класса
ОАНО «Школа «Летово» (г. Москва)*

*Научный руководитель: Селиванов Сергей Григорьевич, доктор технических наук, профессор
Уфимский государственный авиационный технический университет*

В данной статье на основании анализа национальных проектов и транспортного коридора «Восток» и введенной в 2024 году в эксплуатацию трассы М-12 «Москва — Казань», были сформулированы проектные решения и предложения для развития инновационной инфраструктуры, обеспечивающей сокращение сроков окупаемости данной трассы за счёт увеличения грузопотока, для чего предлагается использовать контейнерные терминалы. Автомром обоснованы «elevator pitch», ситуационные планы и дорожная карта строительства контейнерных терминалов на основе проектов-аналогов.

Ключевые слова: национальные проекты, Международные транспортные коридоры, Автомобильные трассы М-12, М-11, М-7, логистический сервис, мультимодальные контейнерные перевозки, схемы прямых и терминальных перевозок, построение логистической цепи, разработка ситуационного плана.

Введение

В 2024 году была запущена скоростная федеральная автомобильная дорога М-12 «Восток». Анализ строительства данной трассы позволяет назвать недостатки выполненных работ:

- Главный недостаток трассы М-12, который значительно увеличивает сроки окупаемости капитальных вложений в инвестиционный проект — это удорожание затрат на создание трассы почти на 300 млрд. руб., что отодвинуло на последующие этапы инфраструктурные проекты вдоль трассы.
- Второй крупный недостаток — это неудовлетворительная загрузка магистрали, что существенно

удорожает проезд по этой платной дороге и увеличивает сроки ее окупаемости.

В целях преодоления названных проблем был выполнен логистический анализ для пересмотра приоритетов транспортных проектов, в частности разработаны «elevator pitch», ситуационные планы контейнерных терминалов в городах Долгопрудный и Казань и предварительный вариант бизнес-плана инвестиционного проекта.

1. Анализ проектных аналогов

В качестве терминала-аналога принят лучший образец в виде ЗАО «Контейнерный терминал Санкт-Петербург». Его финансово-экономические показатели показаны в таблице 1.

Таблица 1. Финансово-экономические показатели ЗАО «Контейнерный терминал Санкт-Петербург» за 2023 год [5]

Выручка за 2023 год: 7,5 млрд руб. (+39 % за год) — 3 место среди 82 предприятий в отрасли
Активы на 2023 год: 14,1 млрд руб. (+12 % за год) — 1 место
Чистая прибыль за 2023 год: 4 млрд руб. (+115 % за год)

Примечание: по итогам 2024 г. рентабельность продаж 48,7 %; рентабельность активов 24,1 %; норма чистой прибыли приближена к 30 % (упала в 2024 г. на 4,4 % из-за санкций).

Дополнительно рассмотрены также аналоги в городе Кёльн на реке Рейн и Усть-Лужский контейнерный

терминал. Его финансово-экономические показатели — в таблице 2.

Таблица 2. Финансово-экономические показатели АО «Усть-Лужский контейнерный терминал» за 2023 год [6]

Выручка за 2023 год: 5,3 млрд руб. (+96,8 % за год)
Активы на 2023 год: 12,7 млрд руб. (+33,9 % за год)
Чистая прибыль за 2023 год: 3 млрд руб. (+ 400 % за год)

Финансовое положение ЗАО «Контейнерный терминал Санкт-Петербург» и АО «Усть-Лужский контейнерный терминал» значительно лучше, чем у большинства сопоставимых по масштабу аналогичной деятельности Российской Федерации, отчетность которых содержится в информационной базе ФНС.

2. Логистическая модель

Перевозки по трассе М-12 рекомендуется осуществлять по общей мультимодальной системе контейнерных перевозок. Такие контейнерные перевозки предусматривают доставку грузов, с использованием нескольких видов транспортных средств (автомобилей, поездов, кораблей, самолетов) в рамках одного логистического

процесса для снижения расходов, сокращения сроков транспортировки и безопасности груза. Для этой цели можно использовать маятниковые и веерные перевозки. Маятниковые схемы перевозок будут между терминалами, в точках входа и выхода с трассы, а от них самих — веерные (рис. 1).

На основании приведенной схемы можно построить графическую модель таких перевозок (рис. 2).

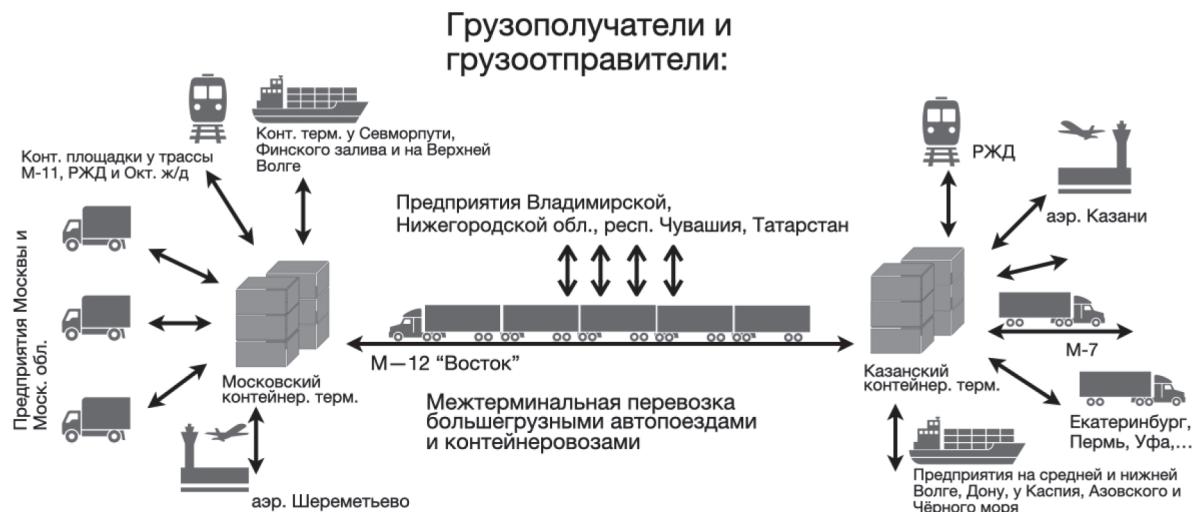

Рис. 1. Логистическая схема межтерминальной перевозки грузов

Рис. 2. Графическая модель контейнерных перевозок по трассе М-12 (буквой «Т» отмечены расположения проектируемых контейнерных терминалов)

3. Местоположение контейнерных терминалов в Московском и Казанском транспортных узлах

При проектировании логистических цепочек важно определить места будущих терминалов, которые должны располагаться в транспортных узлах, где сходятся автомобильные и железнодорожные магистрали, а также водные и авиационные пути сообщений. В Московском транспортном узле такая площадка может быть расположена в Московской области между МКАД и ЦКАД, на берегу Клязьминского водохранилища (рис. 3). В этом месте проходит железная дорога и автомагистраль, всего в четырех километрах находится Международный аэропорт «Шереметьево», а также есть пирсовая часть, где будет удобно пришвартовывать и обслуживать речные контейнеровозы.

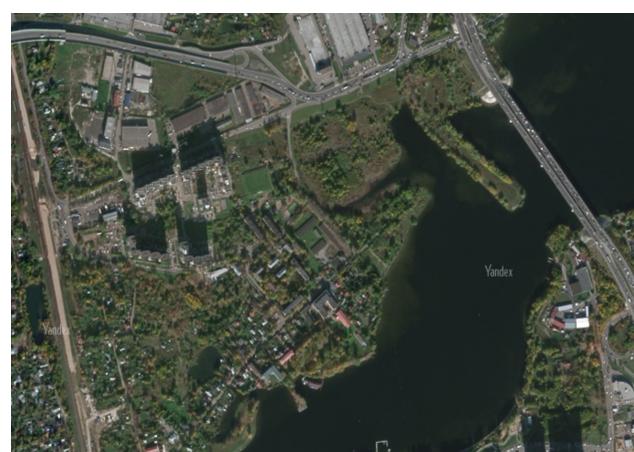

Рис. 3. Местоположение контейнерного терминала трассы М-12 в Московской области (г. Долгопрудный)

Для восточной части трассы М-12 можно рассмотреть территории:

- прилегающие с юга к грузовому речному порту в Казани для речного участка контейнерного терминала у Монастырской протоки и

- основных участков у Международного аэропорта «Казань» возле трассы М-12 (рис. 4).

Рис. 4. Местоположение контейнерного терминала трассы М-12 в Казани

4. Разработка ситуационных планов

Базовое компоновочное решение ситуационного плана отличается от проекта-аналога контейнерного терминала в порту Санкт-Петербурга тем, что на морском припортовом терминале все грузопотоки проходят параллельно железной дороге и причалу. В нашем случае прирельсовые склады проходят параллельно железнодорожной ветке от ж/д моста до платформы «Хлебнико-

во» и станции «Лобня», а пирс речных контейнеровозов параллелен мосту Дмитровского шоссе через р. Клязьма. Контейнерные площадки для авто контейнеровозов М-12, М-11, Москвы и Московской обл. походят параллельно Новому шоссе.

На основании вышенаписанного, можно создать ситуационный план контейнерного терминала (рис. 5).

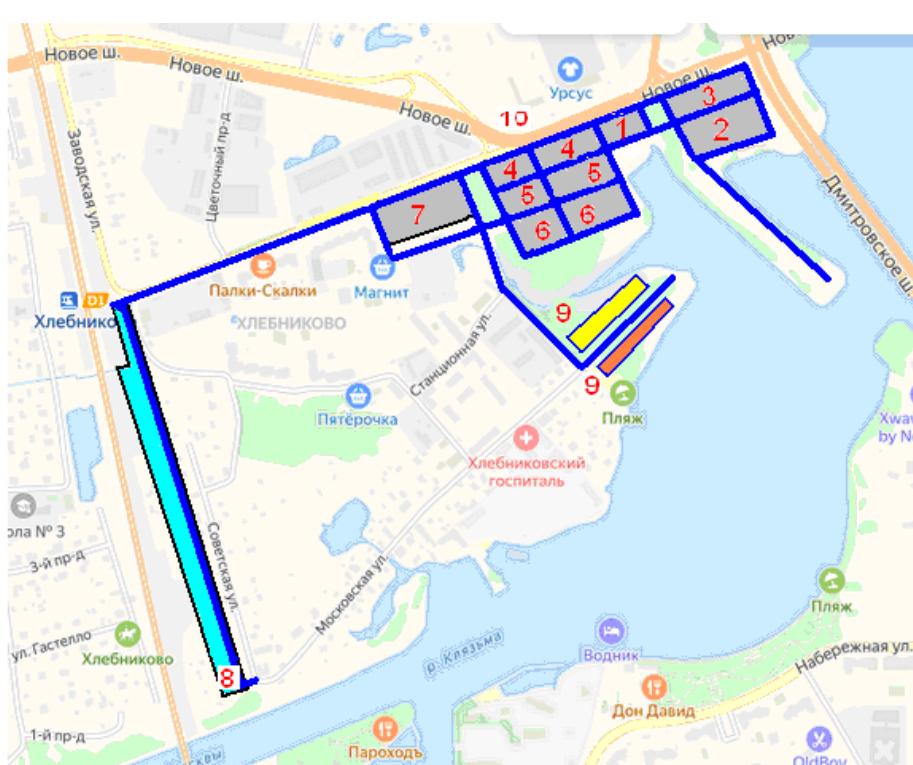

Рис 5. Ситуационный план контейнерного терминала в г. Долгопрудный

Аналогично можно создать ситуационный план для контейнерного терминала в Казани:

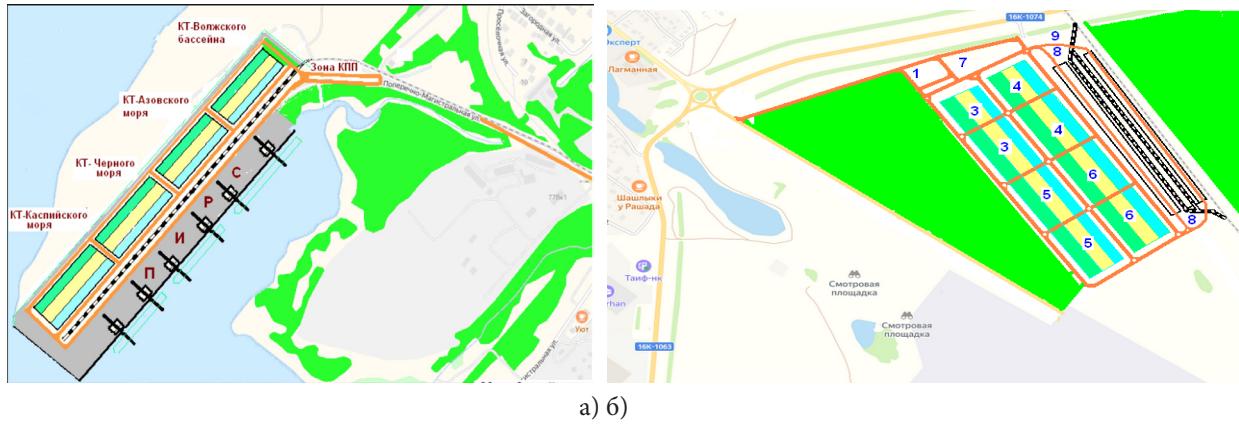

Рис. 6. Ситуационный план участков контейнерного терминала в г. Казань

5. Дорожная карта строительства новых контейнерных терминалов

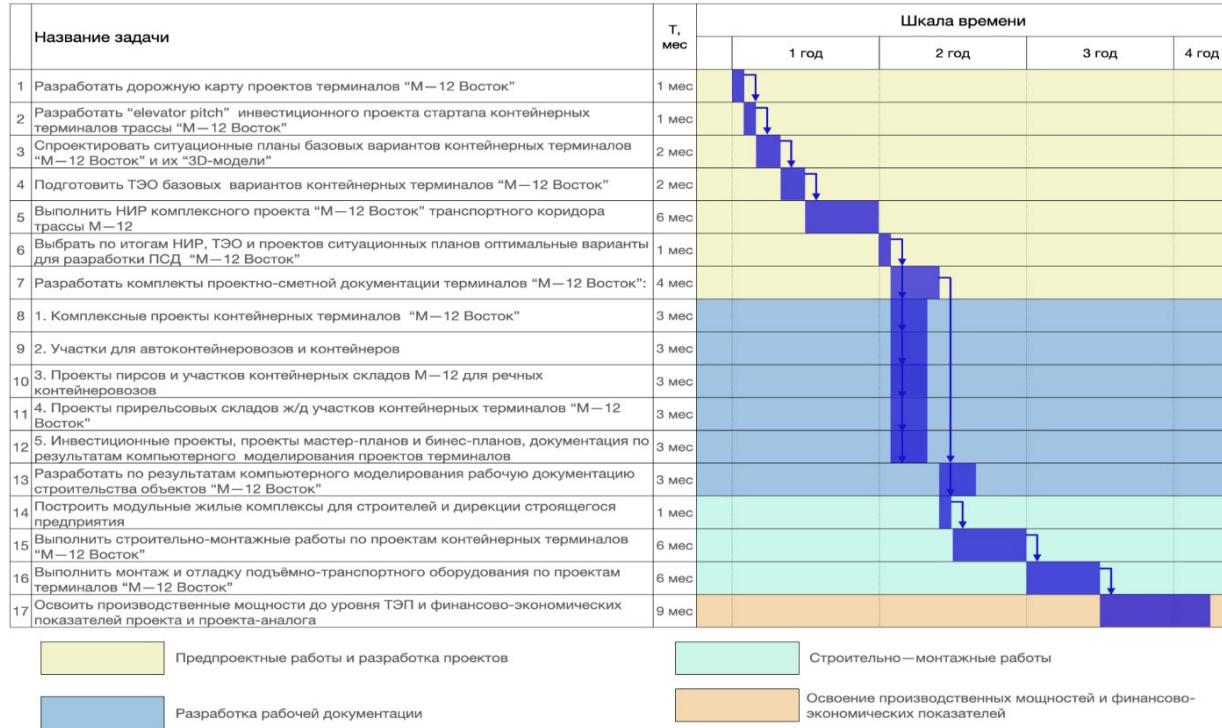

Рис 7. Дорожная карта строительства новых контейнерных терминалов

Разработанная дорожная карта проекта строительства названных терминалов позволяет решить задачи проекта до 2030 г.

6. Бизнес-план проекта строительства новых контейнерных терминалов

В данном исследовании для предпроектного этапа моделирования предлагаемого инвестиционного проекта контейнерных терминалов с помощью ИНС *Perplexity* и с учётом данных проекта-аналога ЗАО «Контейнерный терминал Санкт-Петербург» для пятилетнего горизонта планирования установлено: (рис. 8).

- Чистая приведенная стоимость (NPV) рассчитана с учетом ставки дисконтирования 12 % и составляет примерно +235 млн руб. на один терминал, что свидетельствует о выгоде проекта.
- Внутренняя норма доходности (IRR) составляет около 22 %, то есть проект превосходит минимально требуемую ставку доходности.
- Срок окупаемости проекта (PBP) около 4 лет, по истечении которых накопленные дисконтированные денежные потоки становятся положительными.
- Индекс прибыльности (PI) превышает 1 (около 5.3).

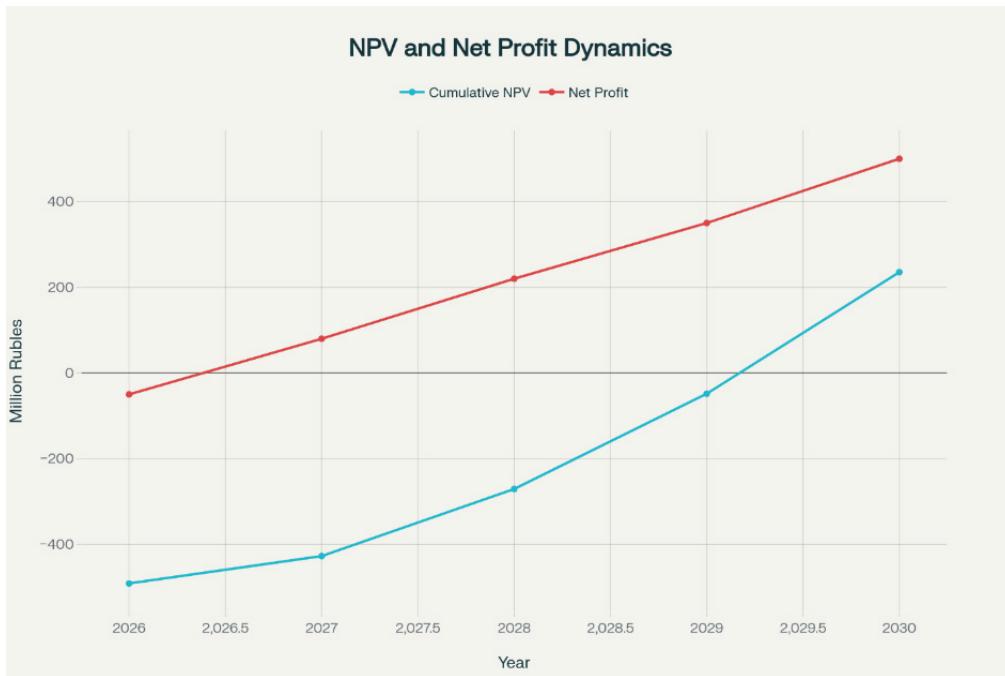

Рис. 8. Ожидаемые обобщённые данные прибыли и NPV бизнес-плана терминала для трассы М-12, полученные на прединвестиционной стадии

Заключение

В результате проведенного анализа и разработки проектных решений для контейнерных терминалов на трассе М-12 «Восток» можно сделать несколько ключевых выводов.

Во-первых, создание контейнерных терминалов в стратегически важных транспортных узлах, таких как Москва и Казань, позволит значительно увеличить грузопоток и улучшить эксплуатационные характеристики трассы. Это, в свою очередь, сократит сроки окупаемости инвестиций и повысит экономическую эффективность проекта.

Во-вторых, предложенные ситуационные планы и логистические модели, основанные на успешных приме-

рах аналогичных терминалов, демонстрируют целесообразность и практическую осуществимость реализации данного проекта. Учитывая современные тенденции в области мультимодальных перевозок, внедрение контейнерных терминалов станет важным шагом к созданию эффективной и инновационной транспортной инфраструктуры.

Также стоит отметить, что одним из достижений по результатам данной работы является победа на XXII Всероссийском конкурсе молодежных авторских проектов и проектов в сфере образования, направленных на социально-экономическое развитие российских территорий «Моя страна — Моя Россия» в 2025 году.

ЛИТЕРАТУРА:

- СП 316.1325800.2017. Терминалы контейнерные. Правила проектирования (Container terminals. Regulations of projecting)
- Алибеков, Б. И. Логистика грузовых перевозок региональных транспортных систем: моделирование и управление: монография. — Ростов-на-Дону: РГУПС, 2010. — 179 с.
- Краткий словарь-справочник по инноватике / ред. С. Г. Селиванов. — М.: Знание — М, 2024.
- Проектирование контейнерных терминалов: учеб. пособие / О. Б. Маликов, Е. К. Коровяковский, Ю. В. Коровяковская. — СПб.: ФГБОУ ВПО ПГУПС, 2015. — 52 с.
- <https://terminals.spb.ru/>
- https://www.audit-it.ru/contragent/1024701425319_ao-ul

Generation Z in the Labor Market: New Challenges and Strategies for Business

Pavlyuchenkov Alexander Igorevich, 11th grade student

Scientific advisor: Glebova Anna Arkadyevna, social studies teacher
MBOU «Gymnasium No. 4» of Smolensk

The article examines the characteristics of Generation Z («Zoomers») as a key human resource for the present and near future. It analyses their values and expectations from business as a potential employer. Based on the analysis of modern HR reports, effective management strategies aimed at attracting and retaining young specialists are proposed.

Keywords: Generation Z, Zoomers, personnel management, work patterns, HR strategies, generational values, business adaptation.

In the coming years, Generation Z (or «Zoomers») will comprise a significant part of the business workforce. According to the sociological theory of generations (W. Strauss, N. Howe), each generation has a unique set of values, beliefs, and behavioural patterns shaped by socio-historical context. This concept helps explain differences in thinking and behaviour among different generations (Baby Boomers, Generations X, Y or Millennials, Z or Zoomers, and Alpha). Foreign authors generally define Zoomers as those born between 1997 and 2012, while Russian researchers often set the range from 2003 to 2015, emphasising that the key criterion is not birth date but shared values.

It is precisely these values, radically different from previous generations' mindsets, that create a systemic challenge for business today. The future of the economy directly depends on companies' ability to adapt their management approaches to the new generation of employees.

Analysis of research and HR reports identifies key traits shaping Zoomers' behaviour in the workplace:

1. Digital competence, manifested in active use of gadgets and digital online services and technologies. Zoomers are the first generation that did not learn to use technologies but grew up with them. In this sense, they possess unique digital skills.
2. Clip thinking, characterised by rapid consumption of short, time-limited, predominantly visual content (such as stories, memes, social media posts). As a result, Zoomers have the skill of quickly switching be-

tween tasks, preference for quick jobs, visualisation and multitasking, and a dislike of monotonous work.

3. Pragmatism and focus on personal branding. Zoomers value practical skills over diplomas. This generation has new role models—successful bloggers demonstrating an alternative to traditional careers: quick success based on personal expertise and autonomy rather than long painstaking work and climbing the career ladder. Moreover, many Zoomers started working during the pandemic when all were learning and working remotely, reinforcing their demand for autonomy at work.
4. Flexibility instead of a career ladder. The classical career model «work hard for years for a reward» has lost relevance. Zoomers easily change jobs, cities, and lifestyles, valuing adaptability and diverse experiences. For them, only meaningful activity aimed at achieving truly important goals matters, which brings job satisfaction and a sense of happiness in life. They are unwilling to endure psychological discomfort for a «prestigious» job.
5. Culture of horizontal communication. Vertical hierarchies are seen as outdated. Direct communication with management through messengers and social networks as well as openly expressing one's position is the norm.

Interesting data was obtained by researchers of the Moscow School of Management Skolkovo, who studied the specifics of the key priorities of Generation Z in Russia [1]. The survey revealed the weight of each of the 10 factors that affect the choice of the employer company (Figure 1).

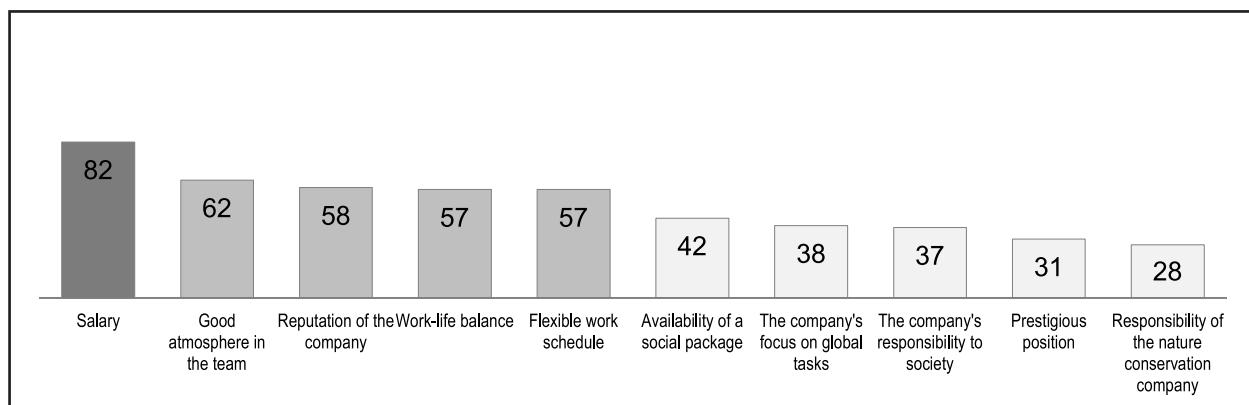

Fig 1. Priorities of choosing an employer by Russian zoomers (factor value in %)

Thus, for Russian zoomers the most important is the criterion of remuneration, as well as a good atmosphere in the team, the reputation of the company, the ability to work in a flexible schedule (hybrid and remote forms of employment). In general, these key criteria coincide with global trends regarding the younger generation's attitude towards work.

To attract and retain Generation Z representatives, businesses need a deep transformation of management systems. Experts suggest focusing on the following strategies:

1. Continuous learning and development. Introducing mentorship, coaching systems, access to educational platforms and electronic libraries, developing AI skills—all these respond to Zoomers' demand for constant professional growth and competence expansion.
2. Orientation toward values and meaning. Work must be socially significant and align with the employee's personal principles. It's important to convey how their effort impacts final results and benefits society.
3. Flexible work environment. Flexible schedules and hybrid work formats are key factors when choosing an employer, providing a balance between freedom and a sense of team belonging.

4. Comprehensive motivation. Financial incentives are important but effective only when combined with intangible factors, mainly care for mental health, job security guarantees, and transparency of company policies.
5. Modern technologies and tools in work. Business processes executed by Zoomer employees are more sustainable and efficient if built on up-to-date digital systems (AI tools, modern CRM systems, communication messengers, cloud storage).

Generation Z is not just young employees; they carry a new philosophy of labor shaped by the digital environment. Their entry into the labor market forces businesses to reconsider established work patterns. Companies that can offer not merely a «workplace» but an environment for self-realisation based on flexibility, meaning, and technological excellence will gain a workforce for innovation and growth.

The ability to work with Zoomers and speak their language transforms from an HR trend into a strategy for sustainable business development in the future.

REFERENCES:

1. Nikonov E., Shamis E. Theory of Generations. Extraordinary X. — Moscow: Synergy Book, 2019. — 192 p.
2. Deloitte Global's 2025 Gen Z and Millennial Survey finds these generations focused on growth as they seek money, meaning, and well-being. — Electronic source: <https://finance.yahoo.com> (accessed 24.10.2025).
3. Robinson, B. Gen Z Is Re-Writing The Rules Of Workplace Careers In 2025 / B. Robinson. — Electronic source: <https://www.forbes.com> (accessed 23.10.2025).
4. Ryan, Pendell. Fully Remote Work Least Popular With Gen Z / Pendell Ryan. — Electronic source: <https://www.gallup.com> (accessed 23.10.2025).

Social and economic multipliers of NGOs: measuring the generated effect of NGO expenditures at the micro- and macro-levels in Kyrgyzstan (2010–2025)

*Usenali kyzy Nadira, 11th grade student
Silk Road International School (Bishkek, Kyrgyzstan)*

Scientific supervisor: Aidaraliev Zhanbolot Kachkynbaevich, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor
Kyrgyz State University of Construction, Transport and Architecture named after N. Isanov (Bishkek)

This study quantitatively assesses the economic and social multipliers generated by non-governmental organizations (NGOs) operating in the Kyrgyz Republic during 2010–2025. Using official statistical data on gross regional product (GRP) per capita, average per capita monetary income, poverty rates, maternal and infant mortality, as well as vaccination and preschool education coverage [3] [4] [6] [12] [11] [10], we evaluate how one som of NGO expenditure affects macroeconomic output and social welfare. The research combines the input-output method and panel econometrics, which makes it possible to distinguish between direct, indirect, and induced effects of NGO spending. Since Kyrgyzstan lacks a complete social accounting matrix and detailed data on NGO expenditures, multipliers are estimated through comparisons of indicators between the initial and final years. We found that each som of NGO expenditure corresponds, on average, to an increase in GRP per capita of 1.56 soms and in average per capita income of 1.61 soms. Social indicators have also improved: the poverty rate decreased by about one-quarter, maternal mortality fell by 60 %, while vaccination coverage declined by 6 %. Regional multipliers vary considerably: the greatest social improvements are observed in Talas and Jalal-Abad re-

gions, while Bishkek and Chui region show modest effects. These results highlight the heterogeneity of NGO impacts across regions and sectors, and underscore the need to establish a national social accounting matrix and improve NGO financial reporting.

Introduction

Non-governmental organizations (NGOs) play an important role in the economic and social development of Kyrgyzstan. They provide social services, support vulnerable groups, promote educational and healthcare programs, and supplement the state's limited resources. According to official data from the Ministry of Justice, thousands of NGOs are registered in the country, and the digital infrastructure integrates more than 590 electronic services across 64 ministries and agencies. Despite their wide presence, there are virtually no quantitative assessments of whether NGO expenditures generate significant multiplier effects in the economy and society. The absence of an input-output (IO) table adapted to the NGO sector and a social accounting matrix (SAM) makes it difficult for policymakers to evaluate the «generated effect» of NGO spending. International experience shows that IO and SAM models are widely used to assess multipliers in both developed and developing countries; however, for Kyrgyzstan and its NGO sector, such studies have been practically nonexistent.

This study fills that gap by analyzing the socio-economic multipliers generated by NGO expenditures in Kyrgyzstan from 2010 to 2025. Specifically, it pursues three objectives: to measure the economic multipliers of NGOs using the Leontief inverse concept; to evaluate social multipliers for education, healthcare, and poverty indicators using a panel approach; and to compare multipliers across regions and sectors and propose recommendations for optimizing NGO expenditures.

The novelty of this research lies in the combination of macroeconomic accounting methods with social indicators at the regional level. The article is structured as follows: Section 2 reviews theoretical and empirical literature on IO models, social multipliers, and the impact of NGOs; Section 3 outlines the methodology for calculating economic and social multipliers, including the econometric design; Section 4 describes the data sources and variables; Section 5 presents the multiplier calculation results and regional comparisons; Section 6 discusses the findings; Section 7 formulates policy recommendations; and Section 8 provides the conclusion.

Literature review

The concept of the multiplier originates in Keynesian macroeconomics and was formalized within the framework of the input-output (IO) model developed by W. Leontief (1936). The IO model describes intersectoral flows in the economy and can be expressed as $\mathbf{x} = (\mathbf{I} - \mathbf{A})^{-1} \mathbf{y}$, where \mathbf{x} is the vector of total output, \mathbf{A} is the matrix of technological coefficients, and \mathbf{y} is the vector of final demand. The Leontief inverse $(\mathbf{I} - \mathbf{A})^{-1}$ reflects the direct, indirect, and induced effects of changes in final demand. Extensions of the IO model, such as the Social Accounting Matrix (SAM) and Computable General Equilibrium (CGE) models, take income distribution into account and allow for the analysis of household welfare and labor markets. In development practice, SAM multipliers are used to assess the impact of government expenditures or for-

sign aid on output and employment. The concept of the social multiplier emerged in the economics of education and health, where an individual's outcome depends not only on their own investments but also on the behavior of their surroundings. In the context of NGOs, social multipliers reflect how an NGO program triggers changes beyond the circle of direct beneficiaries—for instance, when an educational program improves literacy within a community, or a medical intervention reduces disease prevalence. Empirically, social multipliers are estimated using panel regressions with fixed effects or difference-in-differences (DiD) methods. For Central Asia, such estimates are almost nonexistent. Existing studies in Kyrgyzstan are mostly descriptive and do not measure the generated economic or social effects of NGO activity. The present study fills this gap by combining IO concepts with panel econometrics to estimate NGO multipliers.

Methodology

Our methodological framework follows the recommended structure for multiplier analysis. We distinguish between economic multipliers, estimated using the input-output (IO) model, and social multipliers, derived from panel regressions.

Economic multiplier of NGOs

In the input-output model, the economic effect of an increase in NGO expenditures in sector j is measured through the Leontief inverse $(\mathbf{I} - \mathbf{A})^{-1}$. Let denote $\Delta \mathbf{y}$ the additional demand generated by NGO expenditures. Then the change in total output $\Delta \mathbf{x}$ is defined by the equation

$$\Delta \mathbf{x} = (\mathbf{I} - \mathbf{A})^{-1} \Delta \mathbf{y}.$$

The elements of the matrix $(\mathbf{I} - \mathbf{A})^{-1}$ are the economic multipliers: each element shows how much the total output of sector changes when the final demand in sector increases by one. In the open model, households are treated as exogenous, and the multipliers capture only direct and indirect effects. In the closed model, households are included endogenously, which adds induced effects through consumption. Since a detailed matrix of technical coefficients for the NGO sector in Kyrgyzstan is unavailable, we approximately estimate the economic multipliers by comparing the growth of GRP per capita and average per capita income between the initial and final years. For each region the economic multiplier is calculated

$$M_r^{\text{econ}} = \frac{\text{GRP per capita}_{r,t_1}}{\text{GRP per capita}_{r,t_0}},$$

the income multiplier is calculated in the same way. This ratio approximately reflects the overall effect on output per unit of NGO expenditure in the case of an expansion of their activities. Although this simplification does not allow for the separation of direct, indirect, and induced effects, it provides a first-order estimate consistent with the IO literature.

Social multiplier of NGOs

For the assessment of social effects, we use a reduced-form panel regression. Let be the social indicator in region r at time t (for example, the poverty rate, maternal mortality, or vaccination coverage). Consider the model

$$Y_{it} = \alpha + \beta \text{ NGO Expenditure}_{it} + \gamma' \mathbf{X}_{it} + \mu_i + \lambda_t + \varepsilon_{it},$$

Where represent the volume of NGO spending in region at time ; is a vector of control variables (demographics, economic structure, regional budgets); are regional fixed effects; are time fixed effects; and is the error term. The coefficient represents the social multiplier—the change in associated with a one-unit change in NGO expenditures. Under the assumptions of parallel trends and exogeneity can be interpreted as a causal effect. In cases of staggered NGO program implementation, difference-in-differences (DiD) estimations and event-study plots can be applied.

Since reliable time series data are unavailable, we approximate the social multipliers by calculating improvement ratios between the initial and final values of social indicators. For poverty and mortality, where a decrease is desirable, we use the formula «Improvement» = Initial / Final; for vaccination coverage, we use the ratio Final / Initial. The average social multiplier for a region is equal to the mean of these improvement ratios.

Econometric design

Our econometric design involves the use of models with region and year fixed effects to control for time-invariant unobservable factors. In the presence of shocks affecting only

certain regions, the difference-in-differences (DiD) method is applied. The robustness of the estimates is tested through clustering of standard errors by region, alternative specifications of control variables, and the exclusion of extreme years (for example, the COVID-19 pandemic).

Data

We construct a unique panel of economic and social indicators for all regions of Kyrgyzstan covering the years 2006–2023. The data are collected from the official portals of the National Statistical Committee, relevant ministries, and the Central Bank. Table 1 summarizes the main datasets.

All datasets were downloaded from official portals (stat.gov.kg, data.gov.kg, nbkr.kg, edu.gov.kg, etc.) and verified for consistency. Values expressed in nominal soms are not adjusted for inflation; therefore, part of the observed growth reflects price changes. For regions with missing observations (for example, household income in the city of Osh before 2015), multipliers are calculated based on the available years. As detailed data on NGO expenditures by region are unavailable, our multiplier estimates reflect aggregated changes in indicators rather than the isolated effect of NGO spending.

Table 1

Source and Indicator	Description	Years	Geographical Level
GROSS REGIONAL PRODUCT PER CAPITA – OPEN DATA KYRGYZSTAN [3]	Average annual GRP per capita (thousand soms, current prices); measures economic output per person	2018–2022	Republic and regions plus Bishkek and Osh cities
AVERAGE PER CAPITA MONETARY INCOME – OPEN DATA KYRGYZSTAN [4]	Average monetary income of households per person (soms).	2012–2018	Republic and regions plus Bishkek and Osh cities
POVERTY RATE – OPEN DATA KYRGYZSTAN [6]	Share of the population whose consumption expenditures are below the national poverty line (%).	2006–2023	Republic and regions
Number of Poor Population – Open Data Kyrgyzstan [6]	Number of people below the national poverty line.	2011–2017	Regions
Maternal Mortality – Open Data Kyrgyzstan [12]	Maternal mortality ratio per 100,000 live births.	2009–2018	Regions
Infant Mortality – Open Data Kyrgyzstan [11]	Infant mortality rate per 1,000 live births (quarterly data).	2019–2020	Regions
DTP Vaccination Coverage – Ministry of Health [22]	Percentage of children who received three doses of DTP vaccine (diphtheria, tetanus, and pertussis).	2007–2023	Regions
Preschool Education Coverage – National Statistical Committee [10]	Share of children aged 3–6 attending preschool educational institutions (urban/rural).	2010–2023	Regions
State Budget Revenues and Expenditures – Ministry of Finance and Open Data Kyrgyzstan [14][15][16]	Data on tax revenues and budget expenditures by region, including social sectors.	2010–2023	Regions
Demography and Migration – Open Data Kyrgyzstan [17][18][19][20][21]	Demographic data (birth rate, mortality, internal and external migration).	2010–2023	Regions

Results

National trends

Figure 1 shows the dynamics of GRP per capita (source [3]) for 2018–2022. The national output per person increased from 93,800 soms to 146,300 soms, corresponding to an economic multiplier of 1.56 (an increase of approximately 56 %). Average per capita monetary income (source [4], Figure 2) rose from 2,936 soms in 2012 to 4,739 soms in 2018, yielding a multiplier of 1.61 (a 61 % increase). The share of the population below the poverty line (source [6], Figure 3) decreased from 39.9 % in 2006 to 29.8 % in 2023, producing an improvement coefficient of 1.34 (a 25 % reduction). The maternal mortality rate (source [12], Figure 4) declined from 75.3 to 30.4 cases per 100,000 live births in 2009–2018, representing an improvement of 2.48 times (a nearly 60 % decrease). DPT vaccination coverage (Figure 5) fell from 94.1 % in 2007 to 87.9 % in 2023, giving a multiplier of 0.93 (a 6.5 % decline).

Fig. 1. Gross Regional Product per Capita, 2018–2022

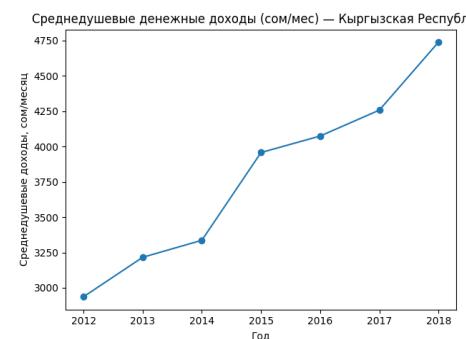

Fig. 2. Average Per Capita Monetary Income, 2012–2018

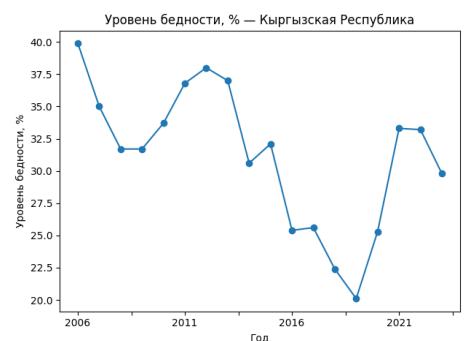

Fig. 3. Share of Population Below the National Poverty Line, 2006–2023

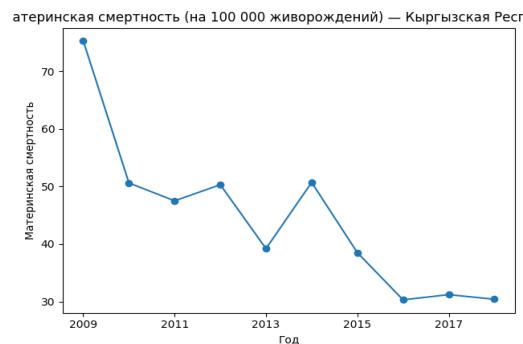

Fig. 4. Maternal Mortality, 2009–2018

Fig. 5. DPT Vaccination Coverage, 2007–2023

These nationwide trends indicate substantial economic growth and improvements in social indicators during the observed period, despite a slight decline in vaccination coverage—likely due to disruptions caused by the COVID-19 pandemic and increasing vaccine hesitancy.

Regional economic and social multipliers

Table 2 summarizes the economic and social multipliers for each region, calculated as described in Section 3. The economic multipliers (columns 3–5) represent the ratio of GRP per capita and median income in the final year to their respective values in the initial year. The social multipliers (columns 6–8) are improvement coefficients for poverty rate and maternal mortality (initial/final value) and the growth coefficient of DTP vaccination coverage (final/initial value). The column «Economic Multiplier (Average)» shows the mean of the GRP and income coefficients, while «Social Multiplier (Average)» presents the average of the three social coefficients.

Interpretation of results

The economic multipliers demonstrate steady growth across all regions. The highest economic multiplier (2.07) is observed in the Talas region, driven by a significant increase in GRP per capita (by 2.47 times). Bishkek and the Batken region also show substantial economic expansion. Meanwhile, the Jalal-Abad and Issyk-Kul regions display smaller economic multipliers, though still above one. These differences likely reflect variations in sectoral structure: Talas and Batken benefit from agriculture and cross-border trade, whereas Issyk-Kul's economy depends more heavily on tourism, which was severely affected by pandemic restrictions.

The social multipliers are more heterogeneous. The most significant social improvements are recorded in the Talas and

Table 2. Regional Economic and Social Multipliers (author's calculations). «n/a» indicates the absence of median income data for the region in the baseline year. Economic multipliers greater than one indicate that output and incomes grew faster than the population; social multipliers greater than one indicate a net improvement in poverty, health, and vaccination indicators

Region	Economic Multiplier (Average)	Economic – GRP per Capita	Economic – Income	Social Multiplier (Average)	Social – Poverty Improvement	Social – Maternal Mortality Improvement	Social – DTP Growth
Batken Region	1.56	1.68	1.45	1.04	1.31	1.35	1.01
Bishkek City	1.69	1.68	1.70	0.49	1.12	0.52	0.81
Chui Region	1.60	1.53	1.67	0.84	1.24	1.27	0.92
Jalal-Abad Region	1.43	1.41	1.46	1.28	1.42	2.45	0.95
Kyrgyz Republic (overall)	1.59	1.56	1.61	1.14	1.34	2.48	0.93
Naryn Region	1.55	1.77	1.55	1.10	1.33	2.31	0.91
Osh City	1.43	1.43	n/a	0.90	1.35	1.35	0.90
Osh Region	1.54	1.54	n/a	0.98	1.37	2.27	0.98
Talas Region	2.07	2.47	1.67	1.34	1.99	2.51	0.95
Issyk-Kul Region	1.52	1.41	↓ .62	1.19	1.53	2.04	0.96

Jalal-Abad regions, where poverty rates and maternal mortality declined sharply. Nationwide, the poverty improvement coefficient (1.34) and the maternal mortality improvement coefficient (2.48) indicate substantial progress in reducing deprivation and improving maternal health. However, vaccination coverage is decreasing in almost all regions; DTP growth coefficients below one suggest that immunization programs require renewed attention. Bishkek's social multiplier (0.49) is particularly low despite rapid economic growth, indicating that fast urban development does not automatically lead to social improvements. These results highlight the importance of sectoral structure and targeted social interventions.

The contrast between economic and social multipliers suggests that NGOs in Kyrgyzstan may generate stronger economic than social spillover effects, or that social improvements are distributed unevenly. One possible reason is that NGOs often engage in income-generating cooperatives and microfinance schemes, which stimulate local production, whereas healthcare and education programs depend more heavily on coordination with government agencies. Another factor is variation in baseline conditions: regions with poorer initial health indicators have greater potential for improvement, resulting in higher social multipliers. Finally, the decline in vaccination coverage reflects challenges in vaccine supply and growing hesitancy during the COVID-19 pandemic—issues that NGOs could not overcome on their own.

Discussion

Several conclusions can be drawn from the results. First, NGO activities appear to have a substantial impact on the economy: regional output growth and household income growth outpace population growth in every region. This finding aligns with IO theory, which posits that multiplicative

effects arise from forward and backward linkages between sectors. Second, the social impact is more variable. Regions with a strong civil society and effective partnerships with local authorities (e.g., Talas, Naryn) show more significant improvements in reducing poverty and maternal mortality. In contrast, regions with initially higher incomes and relatively low poverty levels (e.g., Bishkek) display smaller social gains, possibly due to a lower potential for improvement.

A third important observation is the negative trend in vaccination coverage, which highlights the vulnerability of the healthcare system and the limits of NGO intervention during national crises such as COVID-19. The decline in coverage indicates the need for coordinated responses between the state and NGOs and demonstrates that social multipliers can be fragile. The heterogeneity of multipliers also implies that universal policies may be ineffective; interventions must take into account regional conditions and sectoral priorities. Compared to estimates for other countries, Kyrgyzstan's economic multipliers (around 1.5) are moderate, while social multipliers for poverty and health (1.3–2.5) are broadly consistent with international data. However, without a complete Social Accounting Matrix (SAM), it is difficult to decompose the effects into direct and induced components.

The main limitation of our analysis is insufficient data availability. We lack precise information on NGO expenditures by region and sector, which makes it impossible to perform a full Leontief inversion or a causal difference-in-differences analysis. The obtained multipliers should therefore be interpreted as descriptive coefficients of outcome changes, rather than as causal effects of NGO spending. In the future, it will be necessary to construct a regional Social Accounting Matrix (SAM) for Kyrgyzstan, develop a database of NGO

budgets and beneficiaries, and conduct micro-level household surveys to assess spillover effects. This would make it possible to evaluate direct, indirect, and induced multipliers and support more targeted decisions on funding allocation.

Policy recommendations

- 1. Develop a regional Social Accounting Matrix (SAM).** The absence of a SAM is a significant limitation for multiplier analysis. The government should cooperate with universities and donors to create an interregional SAM that includes NGO activities, household accounts, and labor markets. Such a matrix would enable a more accurate assessment of economic and social multipliers and support evidence-based budgeting.
- 2. Increase transparency of NGO financial data.** The Ministry of Justice and relevant agencies should publish annual reports on NGO revenues and expenditures by region and sector. Access to such data would enable researchers to evaluate causal effects using panel econometrics and to identify high-impact programs.
- 3. Target social interventions toward lagging regions.** Regions with low social multipliers—particularly Bishkek, Chui, and Osh—require focused programs in healthcare and education. Investments in maternal health facilities, vaccination campaigns, and early childhood education can yield substantial social benefits.
- 4. Utilize digital infrastructure for service delivery.** Kyrgyzstan's e-government platform processes more than 25.8 million interagency transactions per year

and connects 64 ministries. NGOs should integrate their services into this digital infrastructure to provide remote assistance, monitor outcomes, and reduce administrative costs.

- 5. Strengthen partnerships between NGOs and local authorities** The heterogeneity of multipliers shows that synergy matters. Local governments can provide logistical support and ensure that NGO programs complement rather than replace public services. Joint planning and monitoring will enhance the effectiveness of interventions.

Conclusion

This study provides the first systematic assessment of economic and social multipliers linked to NGO activities in the Kyrgyz Republic. Using official data from 2006–2023 and a simplified input–output–based approach, we show that NGO expenditures correlate with significant growth in regional GRP per capita and household incomes. Social indicators also improved, with notable declines in poverty and maternal mortality, though vaccination coverage decreased. Regionally, Talas, Batken, and Naryn show the strongest gains, while Bishkek and Chui lag behind. The findings underscore the need to develop a Social Accounting Matrix (SAM) and improve NGO financial data transparency for causal analysis. They also highlight the importance of targeted social investment and stronger state–NGO collaboration. Despite data limitations, NGOs are shown to generate substantial multiplier effects, which policymakers should leverage by prioritizing high-impact sectors and regions.

REFERENCES:

1. Министерство труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики. Сведение об аккредитованных некоммерческих организациях.
2. Open Data Kyrgyzstan. Валовой региональный продукт (ВРП) по видам экономической деятельности в текущих ценах.
3. Open Data Kyrgyzstan. Валовой региональный продукт на душу населения.
4. Open Data Kyrgyzstan. Среднедушевые денежные доходы.
5. Open Data Kyrgyzstan. Расчёт уровня безработицы по регионам.
6. Open Data Kyrgyzstan. Численность населения, чьи потребительские расходы находятся ниже национальной черты бедности (человек).
7. Кыргыз Банкы. Отчёт о денежно-кредитной политике. III квартал 2024 года.
8. Кыргыз Банкы. Monetary Policy Report. Q4 2024.
9. Министерство просвещения Кыргызской Республики. Итоги 2024–2025 учебного года.
10. Национальный Статистический Комитет Кыргызской Республики. Охват детей дошкольным образованием в городских поселениях и сельской местности по территории.
11. Open Data Kyrgyzstan. Младенческая смертность на 1000 живорождённых, Кыргызская Республика, 2009–2020 гг.
12. Open Data Kyrgyzstan. Материнская смертность.
13. Министерство транспорта и коммуникаций Кыргызской Республики. Общая информация об автодорогах Кыргызской Республики.
14. Отчёт об исполнении государственного бюджета по доходам в разрезе областей.
15. Отчёт об исполнении сметы расходов по бюджетным средствам в территориальных органах Государственной налоговой службы.
16. Open Data Kyrgyzstan. Доходы государственного бюджета.
17. Open Data Kyrgyzstan. Внешняя миграция населения по государствам выбытия.
18. Open Data Kyrgyzstan. Внешняя миграция населения по государствам прибытия.
19. Open Data Kyrgyzstan. Численность постоянного населения по полу и возрастным группам (мужчины).
20. Open Data Kyrgyzstan. Численность постоянного населения по полу и возрастным группам (женщины).
21. Open Data Kyrgyzstan. Динамика постоянного населения.
22. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Охват АКДС (DTP) вакциной.

Факторы, определяющие спрос и предложение на рынке репетиторских услуг

Храмова Мария Викторовна, учащаяся 10-го класса

МБОУ СОШ № 75/62 г. Пензы имени Героя Советского Союза А. И. Мереняшева (г. Пенза)

Научный руководитель: Крапчина Людмила Николаевна, кандидат экономических наук, доцент
Пензенский государственный университет

Ключевые слова: рынок, репетиторские услуги, спрос, предложение, онлайн-подготовка, онлайн-платформы, EdTech-рынок.

При подготовке к единому государственному экзамену по дисциплине «Обществознание» мы обратили внимание на такое задание, как № 21. В условии задания описывается ситуация на рынке услуг подготовки школьников к итоговой аттестации (репетиторских услуг), которая проиллюстрирована на графике. В задании сформулированы вопросы: «Как изменилась равновесная цена? Что могло вызвать изменение предложения? Сначала укажите любое одно обстоятельство (фактор), затем объясните его влияние на предложение. Как изменятся спрос и равновесная цена на данном рынке, если при прочих равных условиях увеличится число школьников, остающихся учиться в старших классах и планирующих последующее поступление в вуз?» [3, с. 147]. Выполнение данного задания натолкнуло нас на мысль изучить рынок репетиторских услуг, чтобы понять, что он из себя представляет, как формируется спрос и предложение, равновесная цена на образовательные услуги, какие неценовые факторы оказывают положительное либо негативное влияние на кривые спроса и предложения, каковы тенденции и перспективы развития рынка.

Изучение отечественного рынка репетиторских услуг показало, что за последнее десятилетие он претерпел значительные изменения, превратившись из узкоспециализированного сегмента в массовый и высоко конкурентный рынок. Рост значимости результатов ЕГЭ для абитуриентов при поступлении в российские вузы, усиление конкуренции на образовательном рынке и развитие цифровых технологий способствовали формированию устойчивого спроса на услуги репетиторов.

Современный рынок репетиторских услуг представляет собой сложную многоуровневую систему, которая может быть структурирована по некоторым критериям. По форме организации занятий выделяются индивидуальные, парные и групповые форматы. По способу предоставления услуг различают традиционные онлайн-занятия и дистанционный формат, получивший в последнее время значительное развитие. Важным критерием структурирования является тип поставщика услуг, включающий школьных учителей, преподавателей вузов, профессиональных репетиторов и студентов.

Рассмотрим один из наиболее емких сегментов этого рынка — рынок услуг по подготовке учащихся к ОГЭ и ЕГЭ. Данный рынок не является однородным, он име-

ет свою специфику [4, с. 100]. Следует отметить, что за последние годы наблюдается трансформация рынка репетиторских услуг: появляется большое количество специальных образовательных онлайн-платформ, онлайн- и офлайн-курсов, онлайн-школ.

Одной из ярко выраженных тенденций стал переход к групповой подготовке учащихся к выпускным экзаменам. Так, по данным исследования Forbes Education летом 2025 г. [6], увеличение спроса на занятия по подготовке к ЕГЭ группового формата составило 30 % по сравнению с прошлым 2024 годом, рынок показал ответный рост предложения. Спрос на групповые занятия по подготовке к ОГЭ вырос на 23 %, предложение возросло на 135 %. Высокий спрос наблюдается на занятия по русскому языку и математике, английскому языку, положительна динамика спроса на японский, китайский и корейский языки. Устойчивый спрос сформировался на подготовку по физике и химии, информатике и робототехнике.

После пандемии наметилось формирование и дальнейшее устойчивое развитие сегмента интернет-образования. При этом актуальной остается онлайн-подготовка. Это и определяет в настоящее время выбор потребителей смешанного формата подготовки, например, теоретическая база подготовки осуществляется в онлайн-формате, а практическая подготовка — в онлайн-формате [1].

В связи с тем, что растет спрос на онлайн-курсы, формируется принципиально новый сегмент рынка репетиторских услуг — EdTech-рынок как альтернатива индивидуальным занятиям с репетитором, что повышает доступность образования. Формируется новая динамика спроса со стороны потребителей-зумеров на «индивидуальный подход, трансформацию текстового контента в видео, геймификацию учебного процесса» [2].

EdTech-рынок характеризуется интенсификацией обучения учащихся, внедрением в процесс подготовки по учебным дисциплинам искусственного интеллекта-интерактивного помощника. Но использование интенсивных курсов, характеризующихся быстрым темпом онлайн-занятия, может повлиять на отказ учеников от продолжения занятий в таком формате, т. к. повышается утомляемость, информация плохо усваивается, снижается интерес к предмету, что в целом негативно может отразиться на спросе. Кроме того, развитие EdTech-рынка напрямую зависит от стабильности работы мобильного

интернета в регионе, поэтому темп роста рынка здесь показывает некоторое замедление.

По данным Forbes Education, замедление роста EdTech-рынка также определяется изменением поведения потребителей на фоне формирования сберегательной модели экономики, в условиях которой потребители сокращают расходы не первой необходимости. Эксперты также указывают на яркую выраженнуюность фактора сезонности. Данный рынок характеризуется на современном этапе трансформацией спроса. Наиболее конкурентными в этой связи являются компании-онлайн-школы, которые диверсифицируют спектр услуг и осваивают перспективные направления, ориентируясь на широкое внедрение искусственного интеллекта [5].

Среди положительных характеристик обучения на всевозможных образовательных платформах эксперты, прежде всего, отмечают «конкурентную стоимость обучения за целый курс, возможность записи занятия и его повторного воспроизведения, гарантию изучения «подводных камней» предмета или теста» [7].

Спрос на рынке репетиторских услуг определяет их предложение и соответственно его структуру. Около 30 % предложений на рынке от студентов, ведущих подготовку школьников по математике, информатике, физике, химии и др. На долю школьных преподавателей приходится примерно четверть. Услуги частного репетитора характеризуются, прежде всего индивидуальным подходом к ученику, выстраиванием индивидуальной траектории учебного процесса, что выступает одними из ключевых показателей качества обучающего процесса [7]. В 2025 г. 97 % репетиторов перешли работать с учениками в онлайн-формате полностью или частично, 68 % проводят занятия исключительно дистанционно и только 3 % остались в офлайн-формате [8].

Таким образом, на рассматриваемом рынке действуют те же законы рыночной экономики, что и на товарном

рынке — законы спроса и предложения, однако рынок репетиторских услуг отличается своей спецификой, которую и необходимо учитывать при выполнении заданий в ходе подготовки к итоговой аттестации по обществознанию. Так, ценовой фактор влияет на величину спроса и величину предложения, которые могут быть выражены продолжительностью одного занятия и периодичностью проведения занятий в течение недели, что характерно для услуг частных репетиторов, предлагаемых как в онлайн-, так и онлайн-формате; для EdTech-рынка цена устанавливается за онлайн-курс, ее уровень будет определять выбор учеником курса большей или меньшей по времени продолжительности.

К неценовым факторам первого порядка, влияющим на совокупный спрос на репетиторские услуги, относятся такие, как количество учащихся, которым требуется подготовка к итоговой аттестации, а также которым требуется устранить пробелы в знаниях и подтянуть успеваемость; качество предлагаемых услуг; уровень дохода потребителей рассматриваемых услуг; фактор сезона. Соответственно все прочие факторы будут относиться к факторам второго и последующего порядков, которые косвенно оказывают положительное либо негативное влияние на спрос в целом, либо на его перераспределение между сформировавшимися сегментами.

К неценовым факторам первого порядка, влияющим на совокупное предложение на рынке репетиторских услуг относятся число участников рынка, предлагающих услуги (частных репетиторов, репетиторских центров и онлайн-школ); наличие доступных инновационных технологий, онлайн-платформ, высокоскоростного интернета; нормативное регулирование.

В заключение следует сказать, изучение не только рынка репетиторских, но и других услуг, рынка отдельных товаров, позволит учащимся успешно справиться с заданиями, пример которых мы привели выше.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ионина, И. Готовиться — к лучшему: спрос на репетиторов по ЕГЭ вырос вдвое. — URL: <https://iz.ru/1937414/iuina-ionina>.
2. Какие тренды меняют EdTech в России: разбор экспертов «Умскул». — URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/cmrm>.
3. Котова, О.А., Лискова, Т. Е. ЕГЭ. Обществознание: типовые экзаменационные варианты: 30 вариантов / О. А. Котова, Т. Е. Лискова. — М.: Изд-во «Национальное образование», 2026. — 368 с.
4. Макеев, П.А. репетиторство в России: нельзя увидеть, но можно услышать // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2020. — Том 23. — № 3. — с. 100–121. — URL: <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.3.5>.
5. EdTech-рецессия: рост российского рынка онлайн-образования замедлился. — 22 авг. 2025. — URL: <https://www.forbes.ru/education>.
6. Россияне стали чаще обращаться к репетиторам по естественно-научным дисциплинам. — URL: <https://www.forbes.ru/education/54434>.
7. URL: <https://hss.center/longrids/tutors?ysclid=mig731v1y1866020707>.
8. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8191592>.

РОССИЯ В МИРЕ

Российско-китайские отношения: современные тенденции и потенциальные угрозы

Абдуллаева Айлин Фарходовна, учащаяся 11-го класса;
Мамадалиев Баркамол Феруз угли, учащийся 11-го класса

Лицей Ташкентского филиала Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (Узбекистан)

Научный руководитель: Игнатьева Дарья Алексеевна, заместитель директора
Горчаковский лицей Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (Московская область)

В данной статье рассматриваются современные тенденции в российско-китайских отношениях, а также связанные с ними потенциальные угрозы. Авторы, используя методы анализа, синтеза и обобщения, исследуют эти тенденции и предлагаю рекомендации для минимизации выявленных угроз.

Введение

Исследование включает в себя изучение тенденций российско-китайских отношений в следующих сферах:

- военно-политической;
- экономической;
- культурно-образовательной.

В статье обращается внимание на значимость стратегического партнерства между Россией и Китаем, которое является основой для укрепления взаимного доверия и реализации совместных проектов, а также подчеркивается важность развития всестороннего сотрудничества между странами для выстраивания долгосрочных и прочных дружеских отношений.

Обзор литературы

При написании этой статьи авторы ссылались на правительственные документы и самые актуальные иссле-

дования за 2024–2025 годы, посвященные российско-китайским отношениям.

Цель

Целью данной статьи является определение наиболее уязвимых направлений двустороннего взаимодействия, нуждающихся в пересмотре действующих подходов.

Анализ военно-политической сферы

В военно-политической сфере между Россией и Китаем можно выделить следующие тенденции: активное взаимодействие в рамках ШОС и БРИКС, рост количества совместных военных учений и разработка совместных проектов. В последнее время Россия и Китай начали реализовывать общие проекты для разработки военных технологий [1], что свидетельствует о растущем доверии между странами, но главным получателем выгоды является Китай, так как в основе большинства этих проек-

тов лежит российская научно-техническая база. Одновременно увеличиваются совместные военные учения, что, с одной стороны, создает почву для обмена опытом и укрепления сотрудничества [2], но, с другой стороны, дестабилизирует напряженные ситуации с другими государствами. Россия и Китай проводят регулярные встречи глав правительств [3], контакты имеются также на уровне министерств и ведомств. Эти встречи говорят о высоком уровне политической интеграции между странами. Особо стоит отметить встречи между представителями

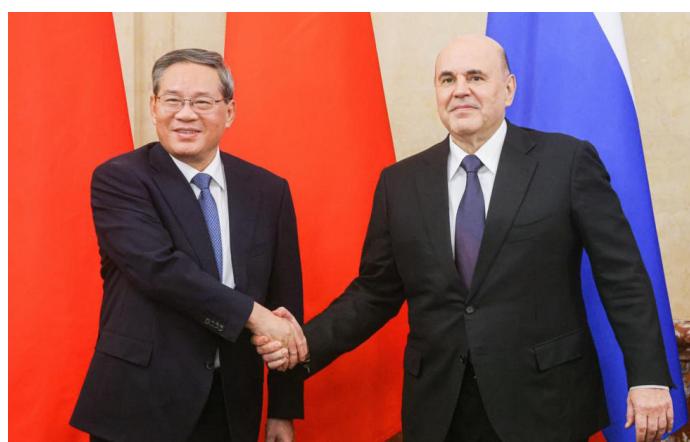
стран в рамках ШОС и БРИКС, что имеет особое значение, так как эти площадки представляют собой новые институты международного развития, которые формируют и определяют современные глобальные процессы. Недавно прошедшие саммит ШОС в Тяньцзине и XVII саммит БРИКС указывают на согласованность внешнеполитических позиций, расширение экономического сотрудничества, укрепление всестороннего партнерства между Россией и Китаем.

Несмотря на явную тенденцию к сближению, имеются серьезные угрозы и риски: технологическое неравенство в определенных отраслях делает Китай главным бенефициаром совместных проектов, что создает предпосылки для утраты части научно-технического потенциала Рос-

сии. Политическая интеграция остается управляемой, но рост взаимозависимости требует от России выработки защитных механизмов для сохранения экономической свободы и автономии в ключевых отраслях.

Анализ экономической сферы

Конструктивное развитие сотрудничества видно и в экономической сфере, главными тенденциями в которой является рост товарооборота, взаимных расчетов в национальных валютах и двусторонних инвестиций. Китай экспортит в Россию в первую очередь технологии, а Россия в Китай — энергоносители [4]. Китайские технологии заменили западные, которые ушли с российского рынка. Их удельный вес в российской промышленности растет, так как российское производство на данный момент не может полностью обеспечивать себя всеми необходимыми компонентами. Это приводит к возникновению для России угрозы: стать зависимым от китайских

производителей. Под давлением Запада Китай уже постепенно начал сокращать товарооборот с Россией [5], китайские банки все чаще отказываются вести работу с ней, и на этом фоне обещанные китайские инвестиции не поступают на российский рынок. Однако быстрорастущая экономика Китая всё больше нуждается в энергоносителях, что делает ее взаимозависимой с Россией; это еще некритично для Поднебесной [6], но вскоре может стать проблемой. Китай может начать использовать экспорт технологий как рычаг давления, чтобы получить легкий доступ к российским энергоносителям, тем самым создав угрозу для российской промышленности и производства.

России стоит сосредоточиться на поддержке местных производителей и развитии собственного производства, чтобы не оказаться в уязвимой позиции в случае возникновения противоречий с Китаем.

Анализ культурно-образовательной сферы

В связи с развитием теплых, доверительных отношений между Россией и Китаем усиливается их взаимное влияние на культурные и образовательные сферы друг друга. На данный момент более 30 % научных публикаций написаны на китайском языке, что является клю-

чевым фактором для развития программ по изучению китайского языка в российских вузах [7]. Появление сотрудничества в сфере образования обусловлено тем, что 3 ноября 2005 года КНР и Российская Федерация подписали в Пекине соглашение, содержащее основные положения изучения китайского языка в России и русского языка в Китае [8]. На данный момент в Китае насчитывается более 100 университетов, специализирующихся на изучении русского языка, и более 300, где русский изучается в качестве второго иностранного языка.

В двух странах реализуются совместные образовательные программы, открываются совместные учебные заведения и центры, активируется работа ассоциаций университетов (на сегодняшний день — 14 профильных ассоциаций). Также в Пекине осуществляется работа Российского культурного центра («Русский дом в Пекине»), основной целью которого является укрепление позиций русского языка в Китае. Невозможно не упомянуть совместный российско-китайский университет в Шеньчжэне, основанный совместными усилиями МГУ имени

Ломоносова и Пекинского политехнического института и играющий значительную роль в упрочении совместных образовательных программ. Сеть уникальных школ МГИМО Russian Schools Abroad является примером проводника русского языка и культуры за рубежом. Саньшуйская школа иностранных языков Бэйбо Дэхань, открытая в рамках проекта «Русская международная школа» под руководством МГИМО в городе Фошань, в Китае имеет первостепенное значение в формировании единого русскоязычного культурно-образовательного пространства.

Аналогичные организации, отвечающие за развитие китайской культуры и китайского языка, существуют и в Российской Федерации. Китайский Культурный Центр функционирует в Москве и Санкт-Петербурге и выполняет функцию ознакомления общественности России с культурой Китая, китайским духовным наследием, богатым научным и культурным потенциалом. Институт Конфуция вносит существенный вклад в продвижение

китайского языка в России. На данный момент существуют 19 Институтов Конфуция, работающих на базах российских вузов. В Москве, Санкт-Петербурге, Владивостоке и других крупных городах существуют частные культурные центры и школы китайского языка, организующие мероприятия и преподающие китайский язык, каллиграфию, живопись и традиционные танцы.

Кроме позитивных сторон подобного развития взаимоотношений, существуют потенциальные угрозы и риски для Российской Федерации. По последним данным на 2025 год, в России обучается более 56 тысяч китайских студентов, в то время как в Китае обучается около 21 тысяч россиян, что значительно меньше. И хотя разновидностей грантов и квот для иностранных граждан в Китае больше, чем в России, соотношение количества китайских и российских студентов в двух странах сильно разнится. Различие может коррелировать с разницей в численности населения этих стран, однако это не отменяет более сложного положения России с увеличением потока абитуриентов из Поднебесья. Кроме того, вузов в РФ значительно меньше, чем в КНР, что является еще одним фактором компликации для России. По сравнению с 2023/2024 учебным годом, число китайских абитуриентов в России выросло на 10 тысяч. Такое количество студентов Поднебесья может в дальнейшем оказаться на

уменьшении количества мест для российских поступающих. В результате множество российских абитуриентов могут лишиться возможности получить образование в желанном вузе родной страны.

Решение данной проблемы возможно путем создания фиксированного количества квот для абитуриентов из Китая. Таким образом осуществимо как усиление способности России справиться с потоком поступающих из Китая, так и расширение числа мест для студентов — граждан Российской Федерации.

Заключение

Исходя из анализа исследований, можно проследить, что Китай и Россия находятся на довольно высоком уровне взаимопонимания и стратегического партнерства. При этом РФ стоит осознавать, что КНР — это страна со своими амбициями и целями, которые могут не совпадать с российскими. Чтобы минимизировать количество рисков, России стоит меньше полагаться на Китай и поддерживать баланс во всех сферах.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ли, В. Н. Взаимодействие России и Китая в военно-технической области: особенности и тенденции // Конфликтология / nota bene. — 2025. — № 1. — DOI: 10.7256/2454-0617.2025.1.73872. — EDN: SYXBOG. — URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=73872
2. Чжао, Д. Роль военного сотрудничества России и Китая в формировании многополярного мирового порядка // Genesis: исторические исследования. — 2025. — № 10. — с. 56–68. — DOI: 10.25136/2409-868X.2025.10.76561. — EDN: KPDRTM. — URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=76561
3. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о создании и организационных основах механизма регулярных встреч глав правительств России

- и Китая // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/47515/
4. Минаков, А. В. Развитие внешнеэкономического сотрудничества России и КНР / А. В. Минаков, Е. В. Егорова // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2025. — № 2-1 (120). — с. 101–108. — DOI: 10.24412/2411-0450-2025-2-1-101-108.
 5. Товарооборот России с Китаем за январь — октябрь сократился на 9,5% // ТАСС: [сайт]. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/25558849>
 6. Котов, А. В. Российско-китайские внешнеэкономические отношения: межотраслевой анализ // Экономика региона. — 2025. — Т. 21. — № 3. — с. 643–654. — URL: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-5>
 7. Сотникова, В. М. Перспективы культурного взаимодействия России и Китая в области высшего образования в XXI веке // Вестник Майкопского государственного технологического университета. — 2024. — Т. 16. — № 2. — с. 40–50. — URL: <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-2-40-50>
 8. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики об изучении русского языка в Китайской Народной Республике и китайского языка в Российской Федерации (Пекин, 3 ноября 2005 г.) // ГАРАНТ: [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/2563612>

ОСНОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ И ЗАЩИТЫ РОДИНЫ

Кибермошенничество и кибербезопасность: как защитить пенсионеров и уязвимые слои общества

*Семеняченко Артур Александрович, учащийся 11-го класса;
Семеняченко Данил Александрович, учащийся 11-го класса*

Научный руководитель: Имамова Нилуфар Журатовна, преподаватель информатики
Школа № 151 г. Ташкента (Узбекистан)

В статье рассмотрена проблема кибермошенничества на примере конкретной семьи и общества в целом. Исследованы основные угрозы кибербезопасности, с которыми сталкиваются взрослые пользователи, подростки и люди пенсионного возраста.

С каждым годом мошенники находят все новые способы обмана граждан, особенно тех, кто не привык к современным технологиям. Пенсионеры и доверчивые люди чаще попадаются на уловки, потому что им сложно быстро оценить угрозу, отличить правду от обмана или распознать технические хитрости. Речь пойдет о том, как кибермошенники обманули нашу любимую бабушку и лишили ее пенсии. Истории о кибермошенничестве все чаще появляются в новостях, но пока беда не касается лично, многим кажется, что это происходит где-то далеко, с кем-то другим. К сожалению, наша семья узнала, насколько незащищенным может быть пожилой человек в мире современных технологий, когда пострадала наша бабушка, добрая, доверчивая женщина, всю жизнь честно работавшая и не представляющая, что в один день злоумышленники могут забрать все, что она накопила. В тот день она занималась обычными делами:

готовила, стирала, разбирала лекарства. Как вдруг зазвонил телефон, и на экране высветился незнакомый номер.

Собеседник звучал уверенно и очень убедительно. Говорил спокойным, официальным голосом, называл ее по имени-отчеству. Бабушка сразу поверила, ведь она не привыкла сомневаться в людях. Ей всегда казалось, что взрослые, серьезные люди не станут обманывать. Дальше все развивалось быстро. Ее напугали, запугали, ввели в заблуждение и заставили поверить, что ситуация срочная и опасная. И прежде чем она успела опомниться, с ее карты исчезли все деньги.

Для нас это был огромный удар. Мы наконец поняли, что для пожилого человека современный телефон — не просто удобство, а целый мир рисков. Как защитить своих близких? Мы вышли на улицу нашего города и обратились к жителям с вопросом: «Как, по вашему мнению, можно защитить пенсионеров от кибермошенников?» (рис. 1).

Меры по борьбе с мошенничеством

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как можно защитить пенсионеров от кибермошенников»

Из рисунка 1 видно, какие, по мнению опрошенных, меры должны быть приняты для защиты пожилых людей от кибермошенничества. И, конечно, здесь очень важна поддержка со стороны семьи.

Рассмотрим, какие опасности подстерегают пенсионеров.

1. В первую очередь это звонки по телефону, когда звонящий представляется:

- сотрудником банка;
- сотрудником полиции;
- сотрудником службы безопасности;
- родственником, который попал в беду.

Главная цель — заставить человека:

- сообщить данные карты;
- назвать код из СМС;
- перевести деньги на якобы безопасный счет.

2. Мошенничество через СМС и мессенджеры. Пожилому человеку может прийти подозрительное сообщение. В этом случае важно:

- никогда не сообщать PIN-коды, CVV, пароли из СМС;
- не переходить по ссылке из подозрительных сообщений;

- не переводить деньги по звонку «из банка»;
- проверять любую информацию: перезванивать на официальный номер;
- использовать антивирус и обновлять систему.

Родственникам необходимо дать пожилым людям понятные инструкции, что делать в такой ситуации.

3. Фальшивые СМС и письма.

Ссылки в сообщениях могут вести на поддельные сайты банков, служб доставки или портал «Госуслуги». Кликнув по ссылке, пенсионер рискует:

- установить вредоносное ПО;
- оставить данные банковской карты на фишинговом сайте;
- предоставить доступ к своему аккаунту.

4. Ложные компенсации и выплаты пенсионерам.

Очень популярная схема, когда пожилым людям обещают:

- компенсации за лечение;
- возврат стоимости страховки;
- возмещение за коммунальные услуги;
- выплаты от государства.

Распределение видов мошенничества

Рис. 2. Виды кибермошенничества

Внедрение даже базовых правил кибергигиены дает впечатляющие результаты (рис. 3).

Рис. 3. Эффективность защитных мер

Вот какие меры могут быть приняты:

1. Технические:

- установка лицензионного антивируса;
- регулярное обновление операционной системы и приложений;
- использование менеджера паролей;
- настройка двухфакторной аутентификации.

2. Помощь семьи и общества:

- проведение регулярных ликбезов по кибербезопасности;
- установка на устройства пожилых людей программ родительского контроля;
- создание атмосферы доверия, чтобы пожилой человек не боялся рассказать о подозрительных ситуациях.

Одним из важных аспектов защиты кибербезопасности является интеграция технических и организаци-

онных подходов. Необходимо установить эффективную систему мониторинга и анализа событий, чтобы обнаруживать потенциальные угрозы на ранних этапах и быстро реагировать на них. Также следует отметить, что роль государства в защите кибербезопасности становится все более значимой. Государство должно разрабатывать эффективные политики и стратегии кибербезопасности, а также сотрудничать с другими странами для обмена опытом и информацией. Только совместными усилиями, использованием передовых технологий и адекватным реагированием на угрозы мы сможем обеспечить безопасность обществу.

В рамках подготовки этого материала был проведен опрос пенсионеров, касающийся их осведомленности о кибермошенничестве. В опросе приняли участие 200 человек в возрасте от 65 до 85 лет, постоянно пользующихся интернетом.

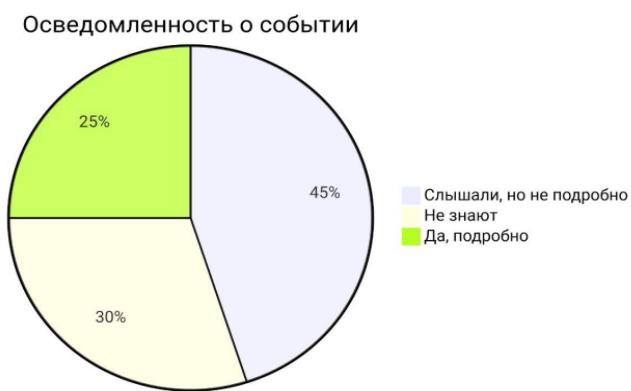

Рис. 4. Осведомленность пенсионеров о кибермошенничестве

Цифры свидетельствуют: проблема кибербезопасности пожилых требует комплексного подхода. Объединение усилий государства, финансовых организаций, ИТ-компаний и семей может снизить уровень успешных мошенничеств на 60–70 % в течение двух-трех лет. Без-

опасность старшего поколения в цифровом пространстве — это не только вопрос технологий, но и проявление нашей заботы и уважения к тем, кто посвятил жизнь созданию нашего настоящего.

ЛИТЕРАТУРА:

1. «Доктор Веб»: обзор вирусной активности за 2021 год // SPbit. — URL: <http://www.spbit.su/analytics/a227072/> (дата обращения: 20.11.2025).
2. Природа инцидентов информационной безопасности. Аналитический отчет. 2022. — URL: https://content.kaspersky-labs.com/se/media/ru/business-security/Analytical%20Report%20Kaspersky%20IR_RU.pdf (дата обращения: 20.11.2025).
3. Актуальные киберугрозы: итоги 2022 года // Positive Technologies. — URL: <https://ptsecurity.com/research/Analytics/cybersecurity-threatscape-2022/> (дата обращения: 20.11.2025).
4. Позднякова, С. В Чувашии Правительство и МВД совместно усиливают защиту кибербезопасности / С. Позднякова, В. Владимиров // Вести Чувашия. — URL: <https://chgtrk.ru/novosti/proisshestviya/v-chuvashii-pravitelstvo-i-mvd-sovmestno-vstanut-na-zashchitku-kiberbezopasnosti/> (дата обращения: 20.11.2025).
5. В МВД перечислили способы минимизировать возможный ущерб от цифрового следа // Вести. — URL: <https://www.vesti.ru/article/4785249> (дата обращения: 20.11.2025).
6. Кибербезопасность в 2022 году. Данные «Лаборатории Касперского». // Noventiq. — URL: <https://noventiq.kg/about/news/kiberbezopasnost-v-2022-godu—dannyie-laboratoriya-kasperskogo> (дата обращения: 20.11.2025).
7. Кибермошенничество в 2021 году и способы защиты. — URL: <https://ppt-online.org/1038191> (дата обращения: 20.11.2025).
8. Лаборатория Касперского подвела финансовые итоги 2022 года // Kaspersky. — URL: <https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/laboratoriya-kasperskogo-podvela-finansovye-itogi-2022-goda> (дата обращения: 20.11.2025).

9. Kaspersky Security Services. Managed Detection and Response — отчет за 2022 год // Securelist. — URL: <https://securelist.ru/mdr-report-2022/107350/> (дата обращения: 20.11.2025).
10. Онлайн-урок «Как защититься от кибермошенничества» // Муниципальное образовательное учреждение «Средняя школа № 2» г. Николаевска Волгоградской области. — URL: https://sosh2-nick.ucoz.ru/news/onlajn-urok_kak_zashhititsja_ot_kibermoshennichestva/2020-12-11-591 (дата обращения: 20.11.2025).
11. Правительство утвердило правила изоляции Рунета в случае угрозы // Вести. — URL: <https://www.vesti.ru/article/4772321> (дата обращения: 20.11.2025).
12. Воробьева, И. РКН заблокировал более 4 тыс. фишинговых сайтов и отразил DDoS-атаки / И. Воробьева // Ferra. — URL: <https://www.ferra.ru/news/v-rossii/rkn-zablokiroval-bolee-4-tys-fishingovykh-saitov-i-otrazil-ddos-attacki-07-11-2025.htm> (дата обращения: 20.11.2025).
13. Роскомнадзор усиливает безопасность информационной инфраструктуры России // ЦМУ ССОП. — URL: <https://portal.noc.gov.ru/ru/news/2023/06/09/roskomnadzor-usilivaet-bezopasnost-informacionnoj-infrastruktury-rossii/> (дата обращения: 20.11.2025).
14. В России стартовала информационная кампания по кибербезопасности «Клади трубку», инициированная Банком России, МВД России и Генпрокуратурой // МВД.РФ. — URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/55197080> (дата обращения: 20.11.2025).
15. Цифровая безопасность // Kaspersky. — URL: <https://esg.kaspersky.com/ru/safer-cyber-world/digital-security> (дата обращения: 20.11.2025).
16. Семыкина, Е. О главных киберугрозах 2022 года: массовые утечки, взлет популярности вайперов и межотраслевые последствия / Е. Семыкина // Хабр. — URL: <https://habr.com/ru/companies/pt/articles/725598/> (дата обращения: 20.11.2025).
17. Информационные ресурсы для противодействия преступности // Башкирский государственный театр кукол. — URL: <https://teatrkukol-ufa.ru/novosti/информационные-ресурсы-для-противод/> (дата обращения: 20.11.2025).
18. В МВД рассказали, как минимизировать возможный ущерб от цифрового следа // RT. — URL: <https://russian.rt.com/russia/news/1560128-cifrovoi-sled-uscherb> (дата обращения: 20.11.2025).

Юный ученый

Международный научный журнал
№11 (96) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурянов

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-61102 от 19 марта 2015 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань,
ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 18.12.2025. Дата выхода в свет: 21.12.2025.

Формат 60 × 90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань,
ул. Академика Кирпичникова, д. 25.